

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2009 № 1(51)

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2009 № 1(51)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
А.Л. Гладкоў (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, В.М. Бібіла, А.В. Ванкевіч, М.Ц. Вараб'ёў,
Г.А. Васілевіч, Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
Т.В. Катовіч, В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка,
В.М. Куліева, І.Л. Лапін, С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева,
П.І. Навіцкі, В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, В.П. Пракапцова,
І.М. Прышчэпа, М.М. Расолаў, Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі,
М.А. Слямнёў, М.К. Талочка, Т.М. Тузова, І.А. Фурманаў,
У.Л. Фядотаў, У.М. Хоміч, А.Г. Цікавенка, Ю.М. Чурко,
І.І. Шматкоў, У.А. Янчук

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79
E-mail: rio@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

А.М. Фенчанка
Г.У. Разбоева
А.В. Говарава

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.
Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.
Падпісана ў друк 20.03.2009. Фармат 70х108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 30,45. Ул.-выд. арк. 13,41. Тыраж 105 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Машэрава».
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

З М Е С Т

Філасофія. Сацыялогія

Табачков А.С. Историчность событийного бытия	3
Калачова І.І. Традыцыі міжпакаленных адносін у сучасных гарадскіх сем'ях беларусаў	7

Гісторыя

Самович А.Л. Турецкие военнопленные 1877–1878 гг. в Витебской губернии	12
Зыбин С.Ю. Первая Всебелорусская молочная выставка 1925 г. в г. Минске: новые архивные материалы	16
Юрчак Д.В. Белорусско-украинские отношения в 1991–2004 годах: успехи и противоречия	22

Педагогіка

Бобылева Л.И. Воспитательный аспект межкультурного подхода в обучении иностранным языкам	27
Савицкая Т.В. Становление и развитие учебно-методического обеспечения национальной системы специального образования	32
Сенько Д.С. Особенности организации и проведения учебных занятий по композиции	37
Васильков П.С. Взаимосвязь силовой выносливости с техникой спортивной борьбы	42

Мовазнаўства

Несцяровіч В.І. Транслітарацыя беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом	48
Куліева О.Н. Специфика и типы диалогических отношений в драматургических произведениях	53
Пісарэнка А.М. Лінгвастылістычны аналіз сродкаў стварэння слоўнай экспрэсіі ў кантэксце сучаснай паэзіі	58
Ляховская А.А. Чат как жанр интернет-дискурса	65

Літаратуразнаўства

Русецкі А.У., Русецкі Ю.А. Жураўліным лётам «у сінязорны край» (да 100-годдзя паэта Алеся Дубровіча)	70
Лапацінская В.В. Зборнік А. Сербантовіча «Пярсцёнак»: ідэйна-мастацкі аналіз	80
Бароўка В.Ю. Народазнаўчы матэрыял у літаратурным творы: перспектывы далейшага навуковага асэнсавання	86

Мастацтвазнаўства

Мдивани Т.Г. Новая неклассическая (расширенная) рациональность – парадигма Новейшей музыки	92
Пэй Хан. Пентатоника как проявление национального музыкального мышления	98

Смыкоўская І.І. Творчае развіццё манадыйнай знаменнай традыцыі ў Супрасльскім ноталінейным ірмалоі 1598–1601 гадоў	103
---	-----

М а т э м а т ы к а

Княгина В.Н., Монахов В.С. О существовании π -холловых подгрупп в конечных группах	109
Шпаков В.В. Классы Фиттинга, определяемые произведениями холловых подгрупп и радикалов	113

М е х а н і к а. Ф і з і к а

Трубникова А.Ю., Трубников Ю.В. Аппроксимативный метод в теории невозмущенного кеплеровского движения	121
Бохан Ю.И. Технологическое применение СВЧ полей для обработки материалов	127
Яснов В.В., Юркевич С.Н., Аршинов К.И., Сарасеко М.Н. Композиционные покрытия керамика/металл с повышенными прочностными характеристиками	133

Б і я л о г і я

Возулкин К.Э., Возулкина Н.В., Шандрикова Л.Н., Яковлев А.П. Динамика фенольных соединений морошки приземистой (<i>Rubus Chamaemorus</i> L.) в онтогенезе	137
Седловская С.М. Особенности роста и развития гусениц китайского дубового шелкопряда (<i>Antheraea Pernyi</i> G.-M.) под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензол)-1-трет-бутилгидразина	140
Субботин А.М. Анализ структуры гельминтоценоза енотовидной собаки (<i>Nyctereutes Procyonoides</i>) на территории Беларуси	147

К а р о т к і я п а в е д а м л е н н і

Ключников А.А., Ключников А.С. Макро- и микрокомпоненты бизнес-плана предприятия	152
Трущенко В.В. Новые спортивные тренажеры для совершенствования двигательных способностей студентов	157

К р ы т ы к а	160
----------------------------	-----

Б і б л і я г р а ф і я	162
--------------------------------------	-----

Х р о н і к а	164
----------------------------	-----

П а м я ц і к а л е г і	165
--------------------------------------	-----

Р э ф е р а т ы	166
------------------------------	-----

З в е с т к і п р а ў т а р а ў	173
--	-----

Историчность событийного бытия

Для репрезентации онтологических концепций истории существует лишь ограниченное число возможных метафор, адекватных с эвристической и эпистемологической точек зрения и, в то же время, приемлемых эстетически – многие ли бы прислушались, поняли и остались бы довольны, заговорили кто-то, к примеру, о колебаниях тяжелого осадка на дне клоаки истории? Посему это всегда Река, Поток, Моря и Волны, всегда некие аллюзии к чистоте и надежде, надежде на перемены, на некую новую светлую местность за поворотом реки, вера в спокойную умиротворенность не твердой, не жесткой поверхности и в свободу возможного на ее просторе выбора направлений движения в будущее. Добавим, что, по-видимому, онтология вообще всегда основывается на метафоре, к примеру даже такой, безусловно, основополагающий для любой из ее версий концепт, как становление, с его двойным сопоставлением с бытием и небытием, сущностно метафоричен и в принципе не может быть представлен никаким иным способом.

Осмысленное действие и действие осмысления этого действия, история в обоих ее ликах, при некоем, почти невозможном взгляде на них из на самом деле несуществующего вовне, предстают как чередующиеся валы перманентной бури бытия или, сдвигая нашу метафору от Фалеса к Анаксимену, их можно уподобить неким гигантским сталкивающимся атмосферным фронтам: сравнение тем более верное, потому что фундаментальное чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия на самом деле порождает грозы трансвременных взаимодействий идеального, ибо только идеальное может пересекать межвременные и межсобытийные барьеры и только в нем могут актуализироваться смысловые потенциалы взаимодействия различных миров и времен.

Позитивная наука верит, что благодаря молнии возникли первые сложные соединения вещества и даже первая биологическая жизнь, в нашей метафоре речь идет о еще более невероятном синтезе. Трудно локализуемая в социокультурной реальности топика контакта этих чередующихся бытийных фронтов¹ – осмысленного действия и действия осмысления этого действия² – обозначает то, что может быть обозначено как поле Возможного всех Возможно-

¹ Но, при всей этой трудноопределимости, действительная история – не утопия, просто ее «именное место», если вспомнить эту хайдеггеровскую концепцию, иного, более сложного и парадоксального свойства, чем у другого знания.

² Несмотря на кажущуюся тавтологию, такая дискрипция этой бытийной дуальности – осмысленного действия и действия осмысления этого действия – представляется вполне оправданной: ведь на самом деле оба эти конститутива разделены временным прерывом и, что особенно важно, их идеальное сущностно гетерогенно. Причем, гомогенизация этого идеального – прямой путь в спекулятивный телеологический «Логоленд» Гегеля, в котором неизбежно уничтожается уникальность индивидуально-экзистентного начала (как если бы некий клан или некую династию считали на самом деле одним существом, чье существование просто неким образом растянуто во времени). Это путь, ведущий теорию истории в тупик панлогической предопределенности. Поэтому чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия, о котором мы здесь говорим, это – категорически – не волнообразные сокращения некой абсолютной идеи.

стей. Данное поле, образуемое совокупностью всех возможных перспективных и ретроспективных каузальных взаимодействий, конфигурируется через посредство динамической симметрии, существующей между двумя сторонами исторического бытия – интенциональным осмысленным действием и его последующим дискурсивным историографическим переосмыслением.

Но, прежде чем продолжить, стоит – коль речь идет все-таки о двух сторонах и их чередовании – попытаться задействовать еще одну визуализирующую метафору структуры исторического бытия: как если бы взять и сложить волнующуюся поверхность моря пополам, волна к волне – то есть речь идет о том, что можно обозначить как событийно-дискурсивная когерентность, при этом нужно иметь в виду, что эта парадоксальная система взаимоопределяющих возмущенных поверхностей находится в биполярном поле взаимного тяготения смыслового (каузального) свойства³.

Чередование осмысленного действия и действия осмысления этого действия образует событийно-дискурсивный темп бытия и именно этот темп лежит в основе самой темпоральности культурного мира⁴. Это значит, что от глубины и эффективности осмысления прошлого зависит, причем зависит с онтологической необходимостью, когда наступит будущее и каким оно будет.

Если сейчас отвлечься от каузальной схематики, то вопрос о поле Возможного всех Возможностей следует, как представляется, еще больше радикализировать – ведь речь, на самом деле, идет о следующем: есть ли в интервале между прошлым и будущим что-то, помимо момента актуального настоящего, или, более точно: что вообще в действительности находится в этом бытийном интервале?

Уточнение «в действительности» в формулировке данного вопроса не является случайным моментом риторики – как это достаточно легко предположить, между прошлым и будущим находится бытийный регион действия. Но в этом месте, которое так называемая теория действия считает неким последним гносеологическим рубежом, позволяя себе в лучшем случае (случае Э. Питца) обратиться сверх того лишь к психологизму мотивов, следует задать следующий, несколько далее идущий вопрос: а что стоит за действием, в чем заключается действенность самого действия?

Действие, по крайней мере, действие историческое, есть приведение чего-либо к действительности и/или изъятие чего-либо из таковой. Действительность чего-либо подразумевает его наличие в качестве сущего, исторически значимая действительность, сверх того, требует, что бы это сущее наличествовало в качестве intersubjectively доступного, то есть наличествовало в качестве сущего культуры.

Но осуществить можно только замысел, а замысел суть определенным образом организованное мыслимое. Мыслимое замысла – это, конечно, что-то желаемое, то, что хочется осуществить, то, что хочется иметь в реальности. Именно отсюда, от этого настоятельного желания реализации замысленного и проистекает потребность упомянутой особой организации мыслимого замысла, организации, делающей его осуществление максимально вероятным. Желаемое мыслимое как содержание замысла еще до самого акта своего осуществления должно иметь в себе некий залог, некое вызывающее доверие обещание собственной будущей реальности, должно содержать некую явно определяемую потенцию стать осуществленной действием действительностью.

Именно обещание реальности и отделяет замысел от идеи, мечты или простого желания. Но что же именно порождает это обещание реальности, каким каче-

³ Или как если бы у Луны был свой океан и гравитационные взаимодействия связывали его приливы и отливы с таковыми океанов Земли.

⁴ Темп, а не ритм, потому что речь идет о динамическом чередовании качественно различного.

ством должен обладать замысел, чтобы содержать в себе это обещание, чтобы быть, ни много, ни мало, возможной дорогой к реальности?

Мысль как замысел, мысль, структурирующая себя как план осуществления – суть попытка быть, быть неким специфическим образом. Проективная мысль – это мысль бытийная, мысль-замысел, несущая в себе возможную будущую ситуацию, состояние, связь; эта мысль – возможная судьба большей или меньшей области сущего, мысль замысла является, по-сути, элементом самого бытия, пусть и находящимся еще в модальности «возможно будет», в модальности вступающего в мир и еще не определенного/определенного до конца бытия сущего.

В терминах данной статьи, возможно, слишком близких для кого-то к языку философии науки, мысль-замысел – это паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия. Как химическая реакция в не до конца контролируемых условиях или как математическое уравнение со стохастически изменяющейся переменной, с большей или меньшей долей случайности, с ошибками и слабостями, привнесенными создающим и осуществляющим их человеческим разумом, паратеории действия, тем не менее, переводят событийные ситуации культурного мира из состояния А в состояние Б.

Таким образом, исторические события – это бытийные узлы интегральной со- и контр-реализации паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий. Их формирование, конечно, всегда контаминировано случайностями, эксцессами проявлений воли и ошибками⁵. Но именно в них различные и в том числе комплементарные и антагонистические паратеоретические паттерны действий соединяются в многомерную конструкцию идеального такой сложности и такой продуманности, что она может уже «держаться» реальность, служить ее смысловой основой, может быть формой полноценной событийной реализации идеального в объективную историческую реальность. И, наверное, невольно возникающая в этом месте нашего изложения метафора железобетона вполне может быть оправданной – хотя бы этимологически – ведь речь действительно идет о конституировании события в его абсолютной исторической конкретности (международное название упомянутого строительного материала, как известно, является производным от латинского *concretio*).

Насколько идеалистична – в простом, школьно-вузовском понимании идеализма – эта предложенная нами трактовка? Предположим, что достаточное количество (определение критериев достаточности этого количества, заметим, находится вне тематических границ данной статьи) активных членов некоего общества решит, что они желают жить в правовом государстве. Допустим также, что это их желание, вследствие воли и знаний, которыми они обладают, может быть структурировано в паратеоретические паттерны неспонтанных интенциональных действий – действий, направленных на достижение указанного состояния правовой и политической систем. И пусть не сразу, но в несколько событийных этапов, с ошибками, непониманием и борьбой, состояние правового государства будет, несомненно, достигнуто⁶. А это значит то,

⁵ Случайное и неизвестное, ошибки и заблуждения, любые несовершенства и приваии имеющегося в наличии – это, по-видимому, некие «катализаторы» процессов осуществления. Пустые или непрочные области наличной структуры мироустройства суть потенциальные возможности для дальнейшего бытийного движения. В сплошном и бездрожном парменидовском бытии новому негде было бы «развернуться», для него там попросту не было бы места. Совершенное «не заводит» новых причинных связей, они ему попросту не нужны.

⁶ Приведенная ситуация имеет, разумеется, гипотетический характер, но вполне можно было бы говорить и о реальных исторических случаях – о Чили последних нескольких лет перед уходом Пиночета, например.

что время назад было только идеальным мыслимого, было «лишь» содержанием замысла, станет объективной социоисторической реальностью.

В большинстве дискурсов современной философии истории, пусть и с разной степенью экспликативности, присутствует тезис о том, что история, как на внутридисциплинарном, так и на метатеоретическом, философско-историческом уровнях, сущностно проблематична. Мы никогда не будем окончательно знать, что она в точности такое и какова ее абсолютная онтогносеологическая конституция, точно так же, как мы никогда не будем в точности знать, каков в точности сам ее агент – человек.

Не затрагивая пока, казалось бы, беспроигрышную отсылку к принципиальной неисчерпаемости антропологической проблематики, попробуем ответить на следующий вопрос: как следует понимать сам этот статус – проблематическое – применительно к историческому знанию? Мы не раз уже отмечали в наших ранее опубликованных работах, что, конечно, абсолютное и окончательное, не нуждающееся в дальнейших интерпретативных усилиях знание о прошлом принципиально недостижимо. Однако само чередование событийно-дискурсивных конститутивов исторического бытия указывает, в нашей трактовке его онто-гносеологической схематики, на реальное существование уровня действительно-достаточного знания о прошлом – исторического знания, достаточного для совершения продуманно учитывающего прошлое исторического действия.

Достаточность, о которой здесь идет речь, если спроецировать ее на упомянутый выше аргумент о неисчерпаемости антропологии, означает следующее: хотя, безусловно, человек как таковой, во всей полноте его существования, неисчерпаем, тем не менее, человек-агент исторического события, рассматриваемый в момент принятия или непринятия им значимого, определившего ход развития событийной ситуации, решения, может быть эксплицирован – именно в этом своем качестве инстанции значимого решения⁷. И именно поэтому история, трактуемая как метатеория паратеоретических оснований действий агентов событий прошлого, может оказаться весьма эффективным инструментом исторического познания, причем эффективным как с чисто гносеологической, так и с прагматической точек зрения. Последняя особенно важна потому, что, как мы увидели, история как знание суть конститутивная часть самого бытийного строя, история это никоим образом не «надстройка», она неотъемлемая часть самой структуры, самого «базиса» культурного бытия.

Проблематичность, в случае познания прошлого, означает отнюдь не якобы присущую ему гносеологическую привативность, скорее, наоборот: здесь проблема – это форма длящегося, возможно, бесконечного генезиса интерпретативного смысла. И смысл этой длящейся добычи смыслов на самом деле в том, что добытое, смыслы событий исторического прошлого постоянно используются процессами социокультурной эволюции настоящего и будущего⁸. При этом меняющийся со временем и в зависимости от ситуации характер этих процессов является определяющим фактором формирования специфики текущей потребности в дискурсах знания о прошлом; именно эти процессы определяют генеральное направление интерпретации и реинтерпретации исторического прошлого. Это, в свою очередь, означает, что, с онтогносеологической точки зрения, именно постоянно происходящий в социо-

⁷ Или решения касательно характера рецепции чужого решения.

⁸ История как комплекс дискурсов актуального знания вынуждена соответствовать запросам времени, какими бы они ни были; «всякая история есть история современная», как говорил Б. Кроче [1, с. 9–10]. И никакое стремление к фактографичности не сможет это изменить, факты сами суть структурные элементы инкорпорирующих, детерминирующих их интерпретативных систем, «каждая интерпретация фактов придает им новый смысл. Факты как бы приобретают качество, которым не обладали прежде» [2, с. 165].

культурной реальности генезис будущего вновь и вновь проблематизирует историческое прошлое, репрезентируемое историей. И именно поэтому де-проблематизацию прошлого следует рассматривать как несомненный симптом грядущей катастрофы развития.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, причем, как представляется, с достаточными на то основаниями, в том числе и метафилософского плана, что метатеоретический подход позволяет рассматривать историческое знание как не менее эпистемологически состоятельное и онто-гносеологически обоснованное, чем любое другое знание, получаемое в сфере его институализированного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кроче, Б.** Теория и история историографии / Б. Кроче. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
2. **Вригт, Г.Х. фон.** Логико-философские исследования / Г.Х. фон Вригт // Избранные труды / Г.Х. фон Вригт. – М.: Прогресс, 1986.

S U M M A R Y

The hypothesis, underlying the given article, can be briefly presented as follows: the projective idea of a plan of historical action is an idea of Being, carrying in itself a possible future situation, probable destiny of greater or smaller area of reality. This, in turn, gives right to interpret historical events as Being units, produced and integrated by co- and counter-realizations of such ideas.

Поступила в редакцию 28.08.2008

УДК 392.3(476)

І.І. Калачова

Традыцыі міжпакаленных адносін у сучасных гарадскіх сем'ях беларусаў

Важнейшим показчиком станоўчай дынамікі этнакультурных працэсаў у гарадской сям'і беларусаў з'яўляюцца традыцыі міжпакаленных адносін.

Менавіта традыцыі выконваюць шэраг вельмі патрэбных для развіцця этнасу функцый: утрыманне лепшых узораў культурнага вопыту і перадачу яго наступным пакаленням; селекцыю найбольш эфектыўных для сучаснага выкарыстання абрадаў і звычаяў; захаванне і падтрыманне самабытнасці нацыянальнай культуры і інш. Традыцыі разглядаюцца як элементы сацыяльнай і культурнай спадчыны; як спосаб фіксацыі ў сацыяльнай памяці ўзораў культуры, як спосаб трансмісіі (перадачы), рэпрадуктавання (узнаўлення) культуры; як сацыяльны, групавы вопыт, які набывае форму стэрэатыпу ў грамадстве і адлюстроўвае яго каштоўнасці (І.У. Суханаў, Э.А. Баллер, Э.С. Маркаран, А.Г. Спіркін і інш.) [1–4].

Адной з адметных сямейна-бытавых традыцый беларусаў з'яўляецца традыцыя матэрыяльнай і маральнай дапамогі бацькоў сваім дзецям і дзяцей – бацькам. У традыцыйнай нераздзеленай (шматпакаленнай) сям'і беларусаў, калі некалькі пакаленняў блізкіх і родных людзей пражывалі сумесна, бацькі як прадстаўнікі старэйшага пакалення апякалі дзяцей да таго часу, пакуль тыя не аддзяляліся і не становіліся самастойнымі. Але і аддзяліўшы дзяцей, бацькі

не пераставалі іх падтрымліваць, пакуль тыя «не становіліся на ногі». Аўтарытэт бацькоў быў непахісным і іх дзеянні ўспрымаліся як неабходнасць, звычай.

Традыцыя дапамогі вымагала ўстаноўленага парадку, абавязковай падтрымкі роднасных узамасувязей, якія былі заснаваны на пастаяннай дапамозе, падтрымцы, апекаванні, удзелу ў справах блізкіх і родных людзей. Гэты працэс не быў аднанапраўленым у традыцыйным грамадстве: падтрымка састарэлых бацькоў была святым абавязкам дзяцей таксама.

Разам з матэрыяльнай дапамогай бацькі перадавалі дзецям маральныя парадкі, сваім прыкладам абуджалі самых лепшых пачуцці да чалавека працы, старэйшых пакаленняў, выканання грамадскіх абавязкаў. «Працаваць не любіш, чалавекам не будзеш», «Паважай другіх і цябе будуць паважаць», «Любі сваю хатку, як родную матку», – казалі ў народзе.

Відавочна, што традыцыя матэрыяльнай і маральнай падтрымкі бацькамі дзяцей мае глыбокія карані, якія закранаюць эканамічныя асновы сям'і, але асновы яе ляжаць значна глыбей – у духоўнасці і маральнасці бацькоў. Можна сказаць, што як матэрыяльная, так і маральная традыцыя – гэта неад'емная частка светаўспрымання беларусаў, іх уяўленняў аб сувязях паміж пакаленнямі [5–7].

Менавіта гэты аспект узаемадзеяння бацькоў і дзяцей быў заўважаны этнолагам М. Мід, якая даследавала традыцыі і звычаі выхавання і сацыялізацыі дзяцей розных народаў [8]. Яна вылучыла тры віды функцыянавання культуры па крытэрыю належнасці асобы да традыцыйнага ці сучаснага грамадства і высьвятліла ўзроўні перадачы ведаў ад аднаго пакалення да другога. Першы від функцыянавання культуры называецца *постфігуратыўная культура*, другі – *кофігуратыўная культура*, трэці – *прэфігуратыўная культура*.

Постфігуратыўная культура характарызуецца наяўнасцю такіх выразных прыкладаў і мадэляў жыцця, калі дзеці змалку ведаюць, якім яно будзе заўтра і праз дзесяць год. Кофігуратыўная культура – такі тып культуры, у якім мадэлямі для фарміравання ўзораў асабістага жыцця служаць сучаснікі, а не дзяды як прадстаўнікі мінулых пакаленняў. Прэфігуратыўная культура – тып культуры, у якой мадэлі будучага жыцця будуцца самімі дзецьмі і жыццё бацькоў і дзядоў не з'яўляецца адзіным значным узорам для пераймання.

Абагульняючы вызначаныя М. Мід асаблівасці культур, адзначым, што ўстойлівае бытаванне традыцый характэрна для постфігуратыўнай культуры; не вельмі ўстойлівае бытаванне традыцый – для кофігуратыўнай культуры; бытаванне традыцый і навацыі – для прэфігуратыўнай культуры. Выдзяленне даных узроўняў бытавання традыцый дастаткова ўмоўнае, аднак у іх межах магчыма тлумачэнне працэсаў станаўлення мадэлі міжпакаленних адносін у сучасных сем'ях.

Намі было праведзена этнасацыялагічнае апытанне 800 сем'яў беларусаў у 30 гарадах рэспублікі – сталіцы, абласных, сярэдніх і малых гарадах (2007 год) [9]. У Мінску колькасць апытаных склала 191 чалавек (23,9%), у абласных гарадах (Брэсце, Віцебску, Гомелі, Гродне, Магілёве) – 208 чал. (26%), у сярэдніх гарадах (Баранавічах, Полацку, Мазыры, Лідзе, Салігорску, Маладзечне, Бабруйску) – 190 чал. (23,8%), у малых гарадах (Іванаве, Каменцы, Жабінцы, Докшыцах, Талачыне, Ветцы, Хойніках, Буда-Кашалёве, Вялікай Бераставіцы, Скідалі, Беразіне, Слуцку, Жодзіне, Чэрвені, Клецку, Мсціслаўлі, Чэрыкаве) – 211 чал. (26,4%). Распрацоўка выбаркі даследавання зыходзіла з даных статыстыкі 2007 г.: у рэспубліцы налічвалася 1806767 сямей беларусаў і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей; сем'яў беларусаў – 1240741, што складала 68,7% ад ўсёй колькасці сем'яў [10].

Мэтай апытання было высвятленне ступені бытавання сямейна-бытавых традыцый ва ўмовах змяненняў ва ўкладзе жыцця. Важнай задачай апытання

стала вызначэнне ступені бытавання традыцый матэрыяльнай і маральнай дапамогі бацькоў дзецям і дзяцей – бацькам. Атрыманыя вынікі апытання разгледзім у залежнасці ад тыпу сям’і, тыпу горада, адукацыі рэспандэнтаў.

Сярод тых рэспандэнтаў, хто атрымлівае дапамогу ад сваіх бацькоў у выглядзе маральнай падтрымкі і каму бацькі рэальна дапамагаюць па гаспадарцы, больш аказалася ва ўскладненых (нуклеарных) сем’ях (56,4% і 41,5% адпаведна); сярод тых рэспандэнтаў, каму бацькі дапамагаюць у доглядзе і выхаванні малалетніх дзяцей і аказваюць пастаянную матэрыяльную падтрымку, больш аказалася ў няпоўных (нуклеарных) сем’ях (52,5%; 38,6%); сярод тых рэспандэнтаў, хто атрымлівае ад бацькоў матэрыяльную дапамогу толькі час ад часу, больш у малых (нуклеарных) сем’ях (41,3%). 12,9% прадстаўнікам малых сем’яў пастаянна патрабуецца грашовая дапамога бацькоў.

Сярод тых рэспандэнтаў, хто сам аказвае бацькам дапамогу ў час іх хвароб, падтрымлівае старых парадамі і маральна, дапамагае па хатняй гаспадарцы, часам грашыма, больш рэспандэнтаў з няпоўных (нуклеарных) сем’яў (77,2%; 76,2%; 75,2%; 30,7%).

Сярод апытаных рэспандэнтаў тых, хто сам аказвае дапамогу бацькам у выпадку іх хваробы, падтрымлівае ў гэты час хатнюю гаспадарку, а таксама дапамагае матэрыяльна, больш аказалася прадстаўнікоў з малых (нуклеарных) сем’яў (50,2%; 44,2%; 17,1%).

Сярод тых, хто аказвае толькі маральную падтрымку сваім бацькам, больш сярод ускладненых сямей (51,9%).

Высновай апытання могуць быць наступныя абагульненні: сярод тых рэспандэнтаў, якія лічаць, што бацькоўская матэрыяльная дапамога носіць толькі сімвалічны характар, што яна не ўплывае на матэрыяльнае становішча сям’і, больш станоўчых адказаў атрымана ва ўскладненых (нуклеарных) сем’ях (55,1%); сярод тых сем’яў, якія лічаць, што бацькоўская падтрымка з’яўляецца вельмі для іх істотнай, аказалася больш прадстаўнікоў з няпоўных (нуклеарных) сем’яў (40,0%); частка няпоўных сямей лічыць, што без матэрыяльнай падтрымкі яны і ўвогуле не змаглі б пражыць (18,9%).

Як бачым, чым большая сям’я, тым менш матэрыяльнай дапамогі патрабуецца для яе жыццёўстойлівасці, а чым меншая – тым большай падтрымкі яна патрабуе. Прадстаўнікі ўсіх тыпаў сямей адзначылі, што галоўным у адносінах з бацькамі з’яўляецца не матэрыяльная (грашовая) дапамога, а добразычлівасць, спрыяльнасць, удзел у іх агульных сямейных справах. Сям’я Алены і Юрыя Г. з г. Гродна выказала такое меркаванне: «У нашай сям’і трое малых дзяцей, нягледзячы на тое, што мы атрымалі кватэру і маем дзяржаўную падтрымку, без бацькоўскай дапамогі нам было б цяжка». Алена дадала: «Бацькі мае жывуць у невялікім горадзе, але ж трымаюць гаспадарку, таму дапамагаюць пастаянна, не лічацца ні з затратамі, ні з часам». Юрыя сказаў: «Мае бацькі – гараджане, таму ад іх мы маем дапамогу толькі па доглядзе дзяцей, і то не заўсёды. Прыходзіцца разлічваць толькі на сябе» [9, л. 1145–1200]. Данае выказванне тыповае для многіх сямейных гараджан, у ім адлюстраваны цесныя сувязі, якія знітоўваюць бацькоў і дзяцей.

Характэрнымі асаблівасцямі бытавання традыцыі матэрыяльнай дапамогі і маральнай падтрымкі ў залежнасці ад тыпу горада з’яўляюцца наступныя: сярод тых рэспандэнтаў, хто атрымлівае дапамогу ад сваіх бацькоў у выглядзе маральных парад, каму бацькі дапамагаюць у выхаванні дзяцей і аказваюць матэрыяльную падтрымку час ад часу, зрэдку, больш аказалася з абласных цэнтраў (64,5%; 54,1%; 47,7%); а тых рэспандэнтаў, каму аказваецца матэрыяльная дапамога пастаянна, больш прадстаўнікоў жыхароў з малых гарадоў (33,5%).

Дапамогу ад бацькоў па гаспадарцы больш атрымліваюць сем’і з Мінску (27,9%). Сярод тых рэспандэнтаў, каму бацькі дапамагаюць матэрыяльна

зрэдку, час ад часу, аднак іх дапамога значная, больш жыхароў з сярэдніх гарадоў (41,4%). Ацэнка ступені бацькоўскай матэрыяльнай дапамогі і падтрымкі наступная: сярод тых рэспандэнтаў, якія лічаць, што бацькоўская матэрыяльная дапамога носіць толькі сімвалічны характар, больш станюўчых адказаў атрымана ў сем'ях, якія жывуць у Мінску (52,9%).

Сярод тых сем'яў, якія лічаць, што бацькоўская падтрымка з'яўляецца для іх вельмі істотнай, аказалася больш прадстаўнікоў з малых гарадоў (36,2%), а частка сем'яў, што жывуць у сярэдніх гарадах, лічыць, што без матэрыяльнай падтрымкі яны і ўвогуле не змаглі б пражыць (13,6 %).

З тых рэспандэнтаў, хто сам аказвае сваім бацькам дапамогу не толькі маральна, але ж і клоціцца аб іх у час хваробы, больш аказалася сем'яў з абласных цэнтраў (72,9%; 70,6%). Атрыманы высокі паказчык рэальнай дапамогі бацькам – прыклад дбайнасці і выканання абавязку, клопату дзяцей пра бацькоў.

Амаль трэцяя частка апытаных – жыхары малых гарадоў адказалі, што яны аказваюць сваім бацькам матэрыяльную дапамогу і дапамогу па вядзенні хатняй гаспадаркі, асабліва калі бацькі – жыхары сельскай мясцовасці (25,8%; 64,2%). Сярод жа тых апытаных, хто падтрымлівае бацькоў толькі маральна, больш жыхароў з сярэдніх гарадоў (52,3%); тых, хто падтрымлівае бацькоў толькі матэрыяльна, больш у Мінску (18,4%).

Такім чынам, рэспандэнтам, якія жывуць у малых і сярэдніх гарадах, найбольш патрабуецца ад бацькоў матэрыяльная падтрымка.

Самі ж рэспандэнты з абласных гарадоў больш аказваюць маральную падтрымку сваім бацькам, істотнай з'яўляецца дапамога па хатняй гаспадарцы бацькам, чые дзеці жывуць у малых гарадах, маральная падтрымка аказваецца больш тымі рэспандэнтамі, што жывуць у сярэдніх гарадах, а грашовая дапамога тымі рэспандэнтамі, што жывуць у г. Мінску.

У залежнасці ад адукацыі рэспандэнтаў, якія ўдзельнічалі ў апытванні, традыцыя дапамогі існуе ў наступных варыянтах: сярод тых рэспандэнтаў, хто атрымлівае дапамогу ад сваіх бацькоў як у выглядзе маральных парад, так і ў выглядзе матэрыяльнай падтрымкі, больш выявілася сем'яў з няпоўнай сярэдняй адукацыяй (100%); сярод тых рэспандэнтаў, каму патрэбна пастаянная матэрыяльная падтрымка, больш выявілася сем'яў з агульнай сярэдняй адукацыяй (35,4%).

Сярод тых рэспандэнтаў, хто атрымлівае дапамогу ад бацькоў у выглядзе маральных парад і доглядзе дзяцей, больш аказалася апытаных з вышэйшай адукацыяй (39,9%; 26,1%).

Сярод тых рэспандэнтаў, хто сам аказвае сваім бацькам дапамогу пад час іх хвароб, больш рэспандэнтаў з няпоўнай адукацыяй (100%), тых рэспандэнтаў, хто падтрымлівае маральнымі парадкамі, аказвае дапамогу грашмыма, больш рэспандэнтаў з вышэйшай адукацыяй (72,5%; 23,8%). Сярод тых, хто аказвае дапамогу па гаспадарцы, больш з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй (68,1%).

Сярод апытаных рэспандэнтаў тых, хто сам аказвае дапамогу бацькам у выпадку іх хваробы, больш рэспандэнтаў з няпоўнай сярэдняй адукацыяй (100%).

Як відавочна, бацькоўская матэрыяльная дапамога больш патрэбна дзецям, у якіх не дастаткова высокая адукацыя, а тым рэспандэнтам, якія маюць вышэйшую адукацыю, больш патрэбна маральная падтрымка. Самі рэспандэнты больш аказваюць сваім бацькам дапамогу маральнага суправяджэння, чым матэрыяльнага.

Зыходзячы з вышэйсказанага, найбольш распаўсюджанай мадэллю аказання дапамогі ў залежнасці ад адукацыі з'яўляецца матэрыяльная грашовая падтрымка бацькамі дзяцей час ад часу, а дзецьмі бацькоў – дапамога пад час іх хвароб ці дапамога па хатняй гаспадарцы.

Такім чынам, па выніках даследавання зафіксавана, што найбольш распаўсюджанай сярод бацькоў з'яўляецца мадэль аказання матэрыяльнай дапамогі дзецям час ад часу, а сярод дзяцей, якія дапамагаюць бацькам, – мадэль аказання маральнай дапамогі і парад. Вызначэнне данай мадэлі ўзаемаадносін паміж бацькамі і дзяцьмі – сведчанне змяненняў традыцыі ўзаемасувязей пакаленняў, сярод якіх раней больш устойлівай традыцыяй была матэрыяльная дапамога бацькоў сваім дзецям, што сведчыла аб пастаяннай трансляцыі мадэлі і каштоўнасцей іх жыцця; а на сучасным этапе відавочныя змяненні – бацькі аказваюць матэрыяльную дапамогу зрэдку, дзеці ў стане самі забяспечыць сябе, аднак, выяўлена, што і бацькам і дзецям патрэбны ўзаемны клопат, маральная падтрымка.

Як відавочна, этнакультурныя працэсы ў сучаснай сям'і беларусаў развіваюцца дынамічна, адбываецца станаўленне мадэлі міжпакаленных адносін. Згодна з меркаваннем М. Мід, адбываецца паступовы пераход ад аднаго тыпу культуры да другога, – ад постфігуратыўнага да кофігуратыўнага, ад кофігуратыўнага – да прэфігуратыўнага, калі здзяйсняецца спалучэнне традыцый і навацый.

ЛІТАРАТУРА

1. **Суханов, И.В.** Обычаи, традиции и преемственность поколений / И.В. Суханов. – М.: Политиздат, 1976. – 216 с.
2. **Баллер, Э.А.** Преемственность в развитии культуры / Э.А. Баллер. – М.: Наука, 1969. – 294 с.
3. **Маркарян, Э.С.** Узловые проблемы теории культурной традиции / Э.С. Маркарян // Совет. этнография. – 1981. – № 2. – С. 78–96.
4. **Спиркин, А.Г.** Человек, культура, традиция / А.Г. Спиркин // Традиция в истории культуры / отв. ред. В.А. Карпушин. – М., 1978. – С. 5–14.
5. **Беларусы: гіст.-этнагр. даслед.:** у 10 т. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1995–2007. – Т. 5: Сям'я / В.К. Бандарчык [і інш.]. – 2001. – С. 27–41.
6. **Калачова, І.І.** Гістарыяграфія праблемы сям'і беларусаў у кантэксце еўрапейскай культурнай традыцыі ў другой палове XX – пач. XXI ст. / І.І. Калачова // Пытанні мастацтва, этналогіі і фалькларыстыкі / Ін-т мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклору; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 294–305.
7. **Калачова, І.І.** Народныя традыцыі і звычаі выхавання: этнапед. спадчына народаў Беларусі / І.І. Калачова. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 1999. – С. 35–57.
8. **Мид, М.** Культура и мир детства: избр. произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – С. 322–361.
9. **Семья белорусов в городе:** образ жизни и традиции: материалы и анализ этносоциол. опроса семей белорусов, 2007 г. // Архив института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 141. – Л. 1145–1200.
10. **Калачева, И.И.** Семья в современном белорусском обществе: реалии и перспективы развития / И.И. Калачева. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2008. – С. 5–10.

S U M M A R Y

One of the most important indicators of the positive dynamics of ethnocultural processes in urban Belarusian families is the system of relations between generations. In this work the model of transmissions between generations is researched, the features of their existence according to the family type, town type and respondents' education are discovered, using the examples of studying the traditions of material and moral help from children to their parents. Also a conclusion was drawn that in the system of relations between generations in urban Belarusian families a gradual dynamic change from traditional to modern culture is taking place.

Поступила в редакцию 22.12.2008

Турецкие военнопленные 1877–1878 гг. в Витебской губернии

Несмотря на огромное количество литературы о военном прошлом нашей страны, отечественная история военного плена XIX в. все еще представляет собой *terra incognita*. Между тем, рассмотрение уникального опыта, приобретенного военными и гражданскими властями в решении вопросов, связанных с размещением, содержанием и трудовым использованием иностранных военнопленных на белорусских землях, составляет одну из важнейших граней комплексного изучения как отечественной, так и европейской истории. Одним из интереснейших сюжетов, так и не получивших достаточного освещения ни в российской, ни в белорусской историографии, является пребывание на территории Витебской губернии турецких военнопленных Восточной (Русско-турецкой) войны 1877–1878 гг.

Согласно архивным документам, в Виленском военном округе, охватывавшем территории Гродненской, Минской, Могилевской, Витебской и ряда других губерний, на момент окончания войны было размещено свыше 13 тыс. плененных в ходе боевых действий воинов Блистательной Порты. Непосредственно в пределах Витебской губернии в марте 1878 г. содержалось 1673 человека [1].

Необходимость соблюдать правила и обычаи войны по отношению к захваченному в плен противнику заставляла победившую сторону выделять огромные силы и средства на перемещение и содержание «узников войны». В этом плане местные власти делали все возможное, чтобы обеспечить должный прием и размещение военнопленных: заблаговременно подыскивали помещения для проживания, решали вопросы медицинского, продовольственного и вещевого обеспечения.

Главным правовым актом, определившим основы системы содержания захваченных в плен турок, стало «Временное положение о военнопленных Восточной войны 1877 года». На основании этого документа, заведывание и надзор за турецкими подданными в пределах империи находились в ведении военного ведомства. Непосредственно в самих губерниях пленные содержались при местных войсках в виде команд, состоящих под начальством русских офицеров, унтер-офицеров, а иногда и рядовых. Команды разделялись на взводы, полуроты, роты и даже более крупные подразделения. В интересах соблюдения порядка и дисциплины среди военнопленных из их числа во главе подразделений могли быть поставлены благонадежные турецкие офицеры.

«Временное положение о военнопленных» обязывало начальников воинских частей, при которых состояли пленные турки, принимать меры к тому, чтобы пища для них состояла преимущественно из продуктов, употребляемых ими на родине. Отчасти это возможно было сделать при артельном устройстве питания пленными посредством замены одних продуктов другими. На практике применение такого способа продовольственного обеспечения приобретало характерные

особенности. Например, в отчетных документах членов специальной «Комиссии о турецких военнопленных», направленных в Витебск для изучения условий содержания пленников, были сделаны следующие обобщения: «Продовольствие турок удовлетворительное, хлеб и горячую пищу приготавливают сами. <...> На продовольствие больных отпускается по фунту мяса и по одному фунту белого хлеба; выздоравливающим же дается черный хлеб» [2]. К чести губернской администрации как эта, так и другие проверки, в том числе и со стороны Военного министерства, показали, что на территории Витебской губернии продовольственное обеспечение пленных было вполне приемлемым. Серьезных нареканий в этом вопросе выявлено не было.

В соответствии с § 39 «Временного положения» военнопленные нижние чины могли быть привлечены на государственные, общественные и даже частные работы, по правилам, которые устанавливались Военным министерством по согласованию с заинтересованными в их труде гражданскими ведомствами. При этом § 40 вносил оговорку, что виды труда не должны быть унижительны для воинского звания и общественного положения, занимаемого военнопленными на родине, а также иметь прямое отношение к военным действиям против Турции и ее союзников. В целях исключения возможных злоупотреблений в «Положении» содержался строгий запрет на привлечение военнопленных к работам в интересах лиц, ответственных за их охрану и содержание, «хотя бы за плату и по добровольному соглашению с пленными». Показательно, что часть заработка разрешалось выдавать туркам на руки. При возвращении из плена оставшиеся на хранении деньги могли быть выданы военнопленному, за вычетом той части, которая была определена на возмещение расходов по их содержанию.

За содержанием турок и их использованием на работах очень строго следило МВД России и столь же строго регламентировало все, что относилось к данному вопросу, вплоть до того, какие именно работы стоило поручать пленным. В сентябре 1877 г. оно поддержало инициативу Военного министерства о более широком использовании труда военнопленных на частных работах «за условленное вознаграждение» [3]. Однако обнаруженный в архиве циркуляр Департамента полиции от 23 ноября 1877 г. указывает на то, что на местах просьба военных властей удовлетворялась весьма слабо. Одной из причин, затрудняющих применение труда военнопленных, называлась часто встречавшаяся у них неисправность одежды и обуви. В циркуляре прозвучала повторная просьба к губернаторам «оказать зависящее содействие к возможно широкому применению труда военнопленных к работам» [4]. Уточняя сферу приложения труда турок, очередной циркуляр от 3 декабря того же года сообщал, «что военнопленным не должно быть поручаемо исполнение таких обязанностей и работ, которые связаны с ответственностью и обусловлены определенной инструкцией, но что они могут быть употребляемы для расчистки снега, для земляных работ, для работ по заготовке и нагрузке балласта и вообще как чернорабочие; те же из них, которым знакомы мастерства, как например каменщики, каменотесы и тому подобные, могут быть употребляемы и соответственно их специальности» [4, л. 21].

Большое влияние на отношение к военнопленным туркам имело эмоциональное восприятие их населением страны пленения. Интерес и простое любопытство обывателей к внезапно нахлынувшим представителям далекой для них восточной страны проявлялись в разных формах. По свидетельству современника рассматриваемых событий: «Торговцы и торговки дарили их вещами, а наш «серый» народ находил особенное удовольствие угощать «турку» и попить с ним по-братски чайку». В итоге, по его словам, «пленные мало по малу перестали быть героями дня и сделались гостями, имеющими

право на снисхождение и уважение настолько, насколько они окажутся достойными того и другого» [5].

Более того, судя по сохранившимся архивным документам, турецкие военнопленные ощущали себя настолько свободно, что некоторые из них позволяли себе не просто «шататься по городу», но и «заходить в частные дома и просить милостыни» [3, л. 3]. Однако, как свидетельствуют все те же архивные источники, усилий полицейских для решения обозначившейся проблемы оказалось явно недостаточно. Проявление разных форм сочувствия и ослабленного контроля к военнопленным продолжало иметь место в повседневной жизни белорусских городов и местечек и в дальнейшем.

Важным направлением в деятельности местных властей являлось недопущение среди военнопленных заболеваний сыпным и возвратным тифом. Заболевшие турки, как офицеры, так и нижние чины, получали врачебную помощь на общих основаниях с российскими войсками и принимались на лечение в ближайшие военные или гражданские лечебные заведения. Правовой базой для этого служило «Временное положение» (§ 44). Серьезные санитарно-эпидемические мероприятия против распространения заразных болезней среди военнопленных и горожан осуществлялись в Витебске. По состоянию на 13 марта 1878 г., число заболевших турок достигло 175 человек, большая часть из которых была заражена тифом [3, ф. 1430, оп. 1, д. 36201, л. 26]. Созданная по распоряжению Витебского гражданского губернатора Особая санитарная комиссия предприняла ряд конкретных шагов по недопущению развития эпидемии в городе.

Независимо от военных властей, задача наблюдения за гигиеническим и санитарным состоянием города в местах размещения турок возлагалась на врачебного инспектора. В случае выявления каких-либо недостатков или невыполнения постановлений санитарной комиссии он обязан был немедленно доносить об этом губернатору. Один из таких сигналов последовал в начале февраля 1878 г. В нем указывалось на случаи бесконтрольного посещения в лечебных заведениях военного ведомства тифозных военнопленных своими товарищами и частую смену ухаживающей за ними прислуги, что влекло за собой расширение контактов с больными и увеличению масштабов эпидемии [3, ф. 2513, оп. 2, д. 416, л. 399].

Систематическая профилактическая работа, строгий контроль за санитарным состоянием жилых помещений турецких военнопленных и другие мероприятия местных властей в конечном итоге позволили избежать широкого распространения инфекционных заболеваний в пределах губернии. В некоторых случаях удавалось существенно улучшить питание военнопленных, обеспечить их одеждой и обувью по сезону.

И все же, несмотря на принимаемые меры, следует констатировать, что местные власти продемонстрировали явную неподготовленность к решению проблемы медицинского и санитарно-эпидемиологического обеспечения военнопленных. Это наглядно проявилось в вопросе захоронения умерших от сыпного и возвратного тифа. Нарушения порядка погребения военнопленных в Витебске неоднократно отмечались в рапортах местных чиновников на имя губернатора. В одном из таких документов инспектор железной дороги выразил обеспокоенность тем, что «на Петропавловском кладбище вблизи Витебской товарной станции Орловско-Витебской железной дороги хоронятся военнопленные турки в весьма неглубоких и мало засыпаемых землею ямах» и, что такое положение дел «при столь неудовлетворительном способе погребения на нем весьма может содействовать распространению названной болезни на лиц, проживающих близ него, а в том числе и на служащих Орловско-Витебской железной дороги по станции Витебск» [3, ф. 1430, оп. 1, д. 36201, л. 17–17 об].

Заключение мира с Турцией возродило надежды турок на скорое освобождение и возвращение домой. Между тем ожидание репатриации проходило спокойно. Здоровые турки продолжали трудиться, больные пользоваться услугами фельдшеров. Властями составлялись списки военнопленных, намечались маршруты предстоящего перемещения и готовился соответствующий транспорт; военнопленным выдавали одежду, их охраняли, согласно ранее принятым инструкциям. В июле 1878 г. телеграммой губернаторам был доведен разработанный военным ведомством «Порядок перевозки военнопленных», который представлял собой подробную инструкцию по организации передвижения, сопровождения и снабжения репатрируемых турок. Как свидетельствуют документы, организационные формы сбора и перевозок турок полностью себя оправдали и обеспечили оказание необходимой медицинской помощи нуждавшимся в ней турецким военнопленным, их санитарное благополучие и предупреждение распространения инфекционных заболеваний.

План репатриации предусматривал перевозку турок по Либаво-Роменской, Орловско-Витебской, Бресто-Граевской, Московско-Брестской, Петербурго-Варшавской железным дорогам [1, оп. 24, д. 258, л. 5–11]. В период с августа по октябрь 1878 г. партиями в несколько десятков и сотен человек через западные губернии России предстояло переместить тысячи турок. К примеру, из Минска 2 августа по Либаво-Роменской дороге должен был проследовать 371 человек. Из Витебска 3 августа по Орловско-Витебской дороге – 691, из Могилева 10 августа по Московско-Брестской дороге – 376, из Гродно 24 сентября по Петербурго-Варшавской дороге – 47 офицеров и 498 нижних чинов. Только за первые две недели августа 1878 г. российским железным дорогам следовало принять в пределах западных губерний 4579 турецких подданных [1, оп. 24, д. 258, л. 5–11, 107–109].

На одну и ту же станцию одновременно должны были прибывать партии из разных пунктов, но собрать их в одно время в одном месте удавалось не всегда. Так произошло с военнопленными, следовавшими из Торопца и Великих Лук. Местом общего сбора был назначен Витебск, но вследствие получения запоздалых распоряжений обе партии «прибыть своевременно не смогли» [1, оп. 24, д. 258, л. 165]. Об этом происшествии было немедленно доложено в Санкт-Петербург в штаб местных войск.

Первый корабль с прибывшими в Севастополь репатриантами отправился в Турцию 14 августа 1878 г. Двумя днями ранее из Витебска в Севастополь прибыли высокопоставленные турецкие пленники Рашид Паша и Рафат Бей. 26 августа на фрегате «Худа-Вендигер» все они были отправлены к берегам Турции [1, оп. 24, д. 258, л. 122–123].

При всех недостатках, являвшихся неизбежным следствием издержек военного времени, следует признать, что военные и гражданские власти в период пребывания турецких военнопленных на витебской земле стояли на высоте своего положения, обеспечив не только выполнение важной государственной задачи, но и сохранив жизни многих турецких пленников. Оказавшийся в плену турецкий солдат или офицер оставался в определенном правовом поле, которое составляли нормы, возникавшие на основе целого ряда распоряжений центральных и местных властей. Эти нормы имели довольно глубокие исторические корни, отражали политическую, экономическую, социальную и психологическую атмосферу, сложившуюся вокруг пленных турок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный военно-исторический архив.* – Ф. 400. – Оп. 3. – Д. 2047. – Л. 89.

2. *Рапорта членов передвижной Комиссии о турецких военнопленных.* – Март, 1878.
3. *Национальный исторический архив Беларуси в Минске.* – Ф. 229. – Оп. 3. – Д. 339. – Л. 6.
4. *Национальный исторический архив в Гродно.* – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 2178. – Л. 20.
5. *Мартенс, Ф.* Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. / Ф. Мартенс. – СПб., 1879. – С. 555.

S U M M A R Y

This article considers one of not enough known plots of domestic history of staying Turkish prisoners of war on the territory of Vitebsk province during the Russian – Turkish war of 1877–1878. The material is based on wide known facts that have allowed touching various points of the questions related to the accommodation, the content and the returning the Turks to fatherland. Archival documents and materials not published earlier are put into this scientific work.

Поступила в редакцию 12.07.2008

УДК 947.6(091)

С.Ю. Зыбин

Первая Всебелорусская молочная выставка 1925 г. в г. Минске: новые архивные материалы

Важнейшей заботой каждого предприятия, желающего обеспечить свое продолжительное пребывание в предпринимательском сообществе, является улучшение его имиджа. В этой связи система выставок предоставляет высококачественное средство, обеспечивающее одновременное распространение и получение широкого спектра экономической, технической и коммерческой информации о конкретном хозяйствующем субъекте при невысокой их стоимости.

Каждая выставка является своеобразным срезом вполне конкретной рыночной ситуации, она дает возможность не только осуществлять поиск соответствующих рынков, но и участвовать в выходе на эти рынки с помощью наиболее эффективных способов. Специализированная выставка – важная и емкая в плане материальных затрат часть маркетингового плана любой организации, которая принимает в ней участие в роли экспонента, посетителя или организатора.

В современных условиях экономического развития в Республике Беларусь стабильное индустриальное и аграрное производство. Благодаря государственной поддержке в Беларуси, в отличие от некоторых других стран СНГ, не произошло развала сельского хозяйства. На сегодняшний день можно говорить, что республика миновала кризис в этой отрасли. Многие государственные предприятия Беларуси переходят на качественно новый уровень, отказываясь от дотаций государства, становясь более прибыльными.

В последние годы правительство ориентирует пищевые предприятия страны на производство продукции, пользующейся спросом на международных рынках. Некоторые отечественные предприятия пищевой промышленности, получившие российские сертификаты качества, расширяют свое присутствие на рынках России и стран СНГ. Здесь Беларусь представляют такие предприятия, как ОАО «Савушкин продукт», «Инкофуд», Рогачевский молоч-

но-консервный комбинат, ОАО «Бабушкина крынка», ОАО «Гродно молкомбинат», Могилевский молочный комбинат, ОАО «Спартак», ОАО «Коммунарка», ОАО «Кондитерская фабрика «Слодыч», ОАО «Красный пищевик». Это можно считать первым шагом в продвижении своей продукции на рынки России и СНГ. С нашими товарами познакомились в таких странах, как Япония, Корея, Вьетнам, Египет. Пока еще трудно идет продвижение белорусских товаров на рынки ЕС, исключение составляют Литва и Польша [1].

Следующим важным шагом продвижения отечественных товаров должно стать их признание на европейском рынке. На современном этапе рынок Западной Европы испытывает серьезную потребность в качественной сельскохозяйственной продукции. Подтверждением этого может служить то, что Совет министров сельского хозяйства стран ЕС в 2002 г. принял документ об учреждении Европейского органа по продовольственной безопасности (АЕСА). Основная задача продовольственной стратегии Евросоюза направлена на то, чтобы каждый житель ЕС имел доступ к качественным продуктам. В Европе наибольшим спросом пользуются экологически чистые и немодифицированные продукты [1]. К сожалению, на внутреннем рынке ЕС потребители недостаточно знакомы с белорусскими производителями и товарами. Для этого нужно познакомить потенциальных покупателей с продукцией наших предприятий. В этом большую роль могут сыграть узкоспециализированные сельскохозяйственные выставки.

К сожалению, в отечественной историографии практически не уделялось внимания проведению узкоспециализированных сельскохозяйственных выставок в БССР. Некоторые неполные сведения можно почерпнуть в энциклопедических изданиях, в которых о них только упоминается. В статье используются ранее не публиковавшиеся материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Витебской области.

Участие в специализированных выставках представляет хорошие возможности для рекламы и сбыта, так как привлекает квалифицированную аудиторию, помогает опробовать новые виды продукции и узнать реакцию покупателей. Кроме собственно рекламы, выставка способна помочь сформулировать политику ценообразования, стратегию распространения и совершенствования самого продукта. Участие в выставке поможет понять, как выглядит покупатель и конкурент, каковы преимущества и недостатки. Хорошо организованный показ на выставке обычно привлекает прессу, то есть сопровождается дополнительной бесплатной рекламой. Для того чтобы создать эффективную систему проведения узкоспециализированных выставок, можно обратиться к историческому опыту их проведения в БССР в 20-е гг. XX в., в период проведения новой экономической политики. В условиях нэпа в 1921–1928 гг. в Советском государстве складывается рынок, на котором была представлена продукция всех форм собственности: частной, кооперативной, государственной. Между ними возникала конкуренция в области сбыта, а это в свою очередь диктовало необходимость ознакомления и демонстрации своей продукции. Лучшим местом для этого могли стать выставки. Первые советские сельскохозяйственные выставки приобретают некоторые схожие черты с выставками и ярмарками дореволюционного периода, на которых государственные и частные производители и покупатели заключали торговые сделки, а экспонаты, особенно сельскохозяйственные животные, продавались с аукциона.

Советское руководство, проводя сельскохозяйственные выставки, решало две задачи. Во-первых, успехи, достигнутые в сельском хозяйстве, использовались как средство пропаганды и агитации новой экономической политики Советского государства. Во-вторых, выставки являлись возможностью налаживания взаимоотношений между производителем и потребителем.

С середины 20-х годов XX века стали проводиться общесоюзные, республиканские и районные узкоспециализированные сельскохозяйственные выставки. Примером может служить первая республиканская специализированная выставка молочной продукции 1925 г., проведенная в г. Минске [2]. На ней были представлены экспонаты практически всех крупных молочных хозяйств и предприятий республики, относящихся к сельскохозяйственной кооперации и Белорусскому сельскохозяйственному тресту БССР.

Выставка была проведена в разгар новой экономической политики, в условиях подъема сельского хозяйства, что было необходимо и для восстановления и развития промышленности. Сложившееся экономическое положение как в СССР, так и в БССР способствовало увеличению выпуска продукции и расширению ее ассортимента. Промышленность и сельское хозяйство восстанавливались быстрыми темпами. Особенно очевидными были успехи в сельском хозяйстве [3]. Этому содействовало принятие второй сессией ЦИК БССР 23 марта 1923 года «Земельного кодекса БССР» и проведение на его основе землеустройства [4]. Быстрыми темпами восстанавливалось и животноводство. Немаловажную роль в достигнутых успехах сыграли первые советские выставки.

Свидетельством успехов новой экономической политики в народном хозяйстве стала 1-я Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка СССР в Москве (1923). Практически все республики и районы страны прислали свою продукцию. Зарубежных гостей удивляло, что страна, недавно разоренная войной, смогла показать на выставке крупные достижения. Более миллиона человек осмотрели ее экспонаты.

Благодаря нэпу уже в начале 1925/26 хозяйственного года размеры сельскохозяйственного производства в БССР в общем достигли довоенного уровня. Посевные площади в сравнении с 1913 г. увеличились на 15%, количество животных (в переводе на крупный рогатый скот) – на 27,3%. По удельному весу среди других отраслей экономики сельскому хозяйству принадлежали 71,6%. По своему типу она являлась чисто зерновой и характеризовалась развитием животноводства с молочным и свиноводческим уклоном [5]. Таким образом, руководству республики было что показать на выставке.

Необходимо отметить и тот факт, что кроме достижений нэп создавал и некоторые проблемы, требующие решения. Уже в конце 1922 года обнаружился кризис сбыта промышленной продукции, который еще больше увеличился в 1923 году. Кризис сбыта был вызван малой емкостью крестьянского рынка и более высокими ценами на фабрикаты по сравнению с эквивалентом довоенного времени на сельскохозяйственные продукты. Причины такого расхождения цен возникли на основе несоответствия между темпами восстановления крестьянского хозяйства и государственной промышленности. Восстановление сельского хозяйства требовало меньших затрат, чем промышленности, поэтому оно раньше, нежели промышленность, приблизилось к довоенному уровню [5, с. 150]. Восстановив товарность своего хозяйства, крестьянство в те годы не нашло достаточно широкого внутреннего и внешнего рынка [3]. Помощь крестьянству в реализации собственной продукции оказало государство – через систему проведения ярмарок и выставок. Большевики использовали их как инструмент рыночной экономики. Выставка или ярмарка приносила выгоду не только предприятию-экспоненту, но и потребителям. Одним из основных их преимуществ являлось сосредоточение образцов огромного количества товаров, производимых разными производителями. Это давало возможность покупателю в короткое время ознакомиться с существующими на рынке предложениями, получить необходимую консультацию от специалистов, сделать необходимое сопоставление цен и качественных

характеристик, провести переговоры и осуществить сделку. При этом покупатель знакомился с товаром в действии, с приемами его работы, областью применения и эффективностью. Подобные факторы обеспечивали большую популярность выставок и ярмарок и привлекали значительное количество посетителей.

Выставки стимулировали и развитие торговли. Нэп предусматривал, что все излишки, которые оставались у крестьян после выплаты налогов, можно было продавать по своему усмотрению. Предусматривалось, что излишки могли быть использованы как для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности в границах местного хозяйственного оборота, так и через кооперативные организации, на рынках и ярмарках [5, с. 150].

Важнейший организационный принцип Всебелорусской молочной выставки, впрочем, как и остальных выставок в СССР, заключался в том, что отбор участников производился по результатам соревнования среди тружеников сельского хозяйства, колхозов, совхозов, научных учреждений, учебных заведений и других организаций и предприятий, связанных с сельским хозяйством. В соответствии с условиями победители-участники выставки поощрялись дипломами, золотыми, серебряными и бронзовыми медалями, денежными и вещевыми премиями [6].

Торжественное открытие 1-й Всебелорусской молочной выставки состоялось 22 сентября 1925 г., перед ее началом прошел митинг, в котором принимали участие и некоторые руководители республики. На открытии с приветствием от имени правительства и пожеланием успехов участникам и посетителям выставки выступил народный комиссар земледелия БССР С.Л. Гельтман. В своем выступлении он отметил благоприятные условия развития в БССР животноводства, и, как следствие, молочного производства [6, ф. 331, оп. 1, д. 462, л. 5].

На выставке были представлены 8 из 10 округ Советской Беларуси (экспонаты не представили Полоцкая и Гомельская округа). Самое активное участие приняла Витебщина, так, например, Витебский округ представил 14 экспонатов, а Оршанский – 10 [6, ф. 334, оп. 1, д. 462, л. 5]. В Витебской и Оршанской округах были проведены специальные мероприятия-соревнования среди сельскохозяйственных предприятий, по итогам которых победители получили право отправиться на выставку [2, д. 87, л. 4–6].

В общем, в выставке приняло участие 73 молочно-сыроваренных предприятия и организации республики, представивших 116 экспонатов [6, л. 3]. Кроме этого, свои экспонаты представили 52 кооперативные артели и сельскохозяйственные коллективы, а также Воронежский техникум и Минская опытная станция [6, ф. 331, оп. 1, д. 462, л. 13]. Самым крупным участником выставки стал Белорусский сельскохозяйственный трест, который имел свой отдельный павильон. Свои отделы на выставке имели центральное ветеринарное управление и Народный комиссариат земледелия Беларуси.

Вообще, выставка имела еще два павильона. На одном были представлены экспонаты молочного производства – сыры, масла и другая молочная продукция. На втором сельскохозяйственные машины, произведенные на предприятиях БССР [6, ф. 334, оп. 1, д. 462, л. 7].

На выставке посетители могли познакомиться с состоянием молочного дела в совхозах, крестьянских объединениях и колхозах. Белсельтрест БССР был представлен лучшими экспонатами таких сельскохозяйственных предприятий, как совхозы «Прилуки», «Крынки», «Почневичи», «Межево». «Самуэлево», «Дашковка» и «Адаменки». Сельскохозяйственную кооперацию представили крестьянские товарищества: Новая Белица, Любоничская, Поч-

невская и Грозново-Пуковская; колхозы: «Новый путь», «Новая жизнь» и «Агрикультура» [2, д. 87, л. 5].

Эти предприятия показали новые виды сыров: голландский, «Бакштейн», «Тильзит», швейцарский, «Пролетарский». Вызвали интерес масло сливочное, сладкосливочное и экспортные молочные продукты, а также сметана «Обыкновенная» и пастеризованное молоко [2, с. 13]. Об экспонатах частных лиц данные в статистическом отчете экспертной комиссии не приводятся, хотя в отчете выставочной комиссии упоминается их участие в выставке.

Выставка не только знакомила потенциальных покупателей с продукцией предприятий, но и давала возможность предпринимателям и представителям различных предприятий познакомиться с новыми разработками, которые могли их заинтересовать.

Не оставил равнодушным как посетителей выставки, так и специалистов прибор бактериального брожения молока «Гербера». Как отмечалось выставочным комитетом, прибор имеет большое значение в молочном деле и в частности при сыроварении. Поскольку такого прибора в г. Минске не было, то на него запрос был сделан в г. Москву в Центральный выставочный комитет. В телеграмме говорилось: «...желательным было бы продемонстрировать различные виды бактериального брожения молока, для чего необходим прибор «Гербера», и просьба «...дать на время выставки прибор «Гербера» с лампочкой». При этом подчеркивалось, что «...по окончании выставки прибор в целости будет доставлен обратно с большой благодарностью» [2, д. 117, л. 4].

На 1-й Всебелорусской выставке молочных продуктов предусматривалась и дегустация продуктов посетителями. На эти цели выставком выделял специальные средства для проведения экспертизы и угощения гостей. Необходимо отметить, что средства в размере 94 рублей выделялись только совхозам, представляющим Белсельтрест [2, д. 87, л. 6]. При этом выставком просил Белсельтрест взять расходы на себя, разложив их на совхозы, получившие почетные дипломы. Кооперативы и частники, представленные на выставке, дегустацию продуктов, проведение экспертизы и угощение гостей проводили за свой счет.

Первая Всебелорусская молочная выставка 1925 г. вызвала большой интерес не только у различных субъектов хозяйствования, но и среди населения города Минска и республики. Открывшаяся выставка ежедневно пропускала до 3000 человек в течение более месяца [2, л. 7]. Выставку посещали экскурсии школ, техникумов, сельскохозяйственных курсов, пионерских отрядов и других организаций, а также и «неорганизованные массы трудящихся». Во время выставки специалистами был проведен цикл лекций по молочному делу. Она закрылась 26 октября 1925 года.

Выставком 1-й Всебелорусской выставки молочных продуктов была разработана наградная система ее участников. Сельскохозяйственные предприятия, кооперативы и крестьянские товарищества награждались Почетными дипломами 1-й, 2-й и 3-й степени, грамотами, денежными премиями и возможностью представлять свою продукцию и продукты на всесоюзных и международных смотрах. Сельскохозяйственная кооперация получила 181 диплом различных степеней, Белсельтрест – 213 [2, д. 89, л. 10].

Высоко членами жюри были оценены экспонаты Витебской округи. Среди награжденных был техник молочного хозяйства Белсоюза Антон Рейнович Тивумниек. Изготовленное им сладкосливочное масло высшего сорта, кислосливочное масло первого сорта и «парижское» масло второго сорта были награждены почетными дипломами 1-й, 2-й и 3-й степени. Юлиан Оттович Луц, маслодел-сыровар Прилуцкого молочного завода, за изготовленные им сладкосливочное, кислосливочное и «парижское» масло высшего сорта, а также голландского сыра второго сорта был награжден почетными диплома-

ми 1-й и 3-й степени [2, л. 6]. Оба участника получили возможность представлять свою продукцию на Парижской международной выставке в составе делегации СССР.

Выставкомом 1-й Всебелорусской выставки молочной промышленности был проведен анализ и сделаны выводы о том, что проведенная выставка продемонстрировала успехи в молочном хозяйстве БССР и дала толчок дальнейшему его развитию. Народный комиссариат земледелия признал проведение выставки успешным. СНК БССР положительно оценил ее проведение и результаты. Было принято решение о проведении 2-й Всебелорусской выставки молочных продуктов, которая прошла с 7 по 15 ноября 1927 г. в г. Витебске. О популярности 1-й Всебелорусской молочной выставки 1925 г. говорит и то, что во 2-й Всебелорусской молочной выставке со своими экспонатами приняли участие все 10 округ БССР [2, л. 7].

В целом, 1-я Всебелорусская выставка молочных продуктов стала стимулом для дальнейшего развития сельскохозяйственного производства в республике через свою наградную систему и возможность участия лучших производителей во всесоюзных выставках. Приобретенный опыт выставочного дела пригодился республике во время открытия и участия во Всесоюзной сельскохозяйственной и промышленной выставке в Москве в 1939 г. Изучение и анализ проведения всебелорусских специализированных выставок может дать богатый материал для их проведения в современных условиях.

Поэтому опыт проведения узкоспециализированных выставок может пригодиться белорусским предприятиям, которые занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции и изготовлением продуктов питания. Они могут представить свои экспонаты, познакомить с ними потенциальных покупателей, заключить контракты. Лучшие экспонаты и производители достойны участия на престижных международных выставках, что может придать новый стимул дальнейшему развитию пищевой отрасли в частности и сельскому хозяйству в целом. Кроме этого, выставочно-ярмарочная деятельность является инструментом макроэкономической и инвестиционной политики. Сегодня выставки и ярмарки обеспечивают мобильность рынка, создают необходимое информационное поле, формируют значительные финансовые потоки, а также приносят дополнительный доход в бюджеты всех уровней. Выставки являются связующим звеном между внутренними и международными рынками и способствуют привлечению иностранных инвестиций. На современном этапе экономических преобразований в Республике Беларусь выставочно-ярмарочная деятельность еще не превратилась в заметный сегмент рынка. В республике пока не создана выставочная индустрия. Однако выставочно-ярмарочная деятельность имеет значительный потенциал, который многократно возрастет в случае осуществления координации и оказания поддержки со стороны государства.

Таким образом, развитие этой сферы деятельности в Беларуси может стать важным элементом структурной перестройки и технологической модернизации хозяйства страны.

Недаром на встрече Президента Беларуси А.Г. Лукашенко и председателя концерна «Белгоспищепром» Ивана Данченко речь шла о состоянии дел в пищевой отрасли в целом и стратегии ее развития на ближайшую перспективу. Как отметил Александр Лукашенко, мощнейший экспортный потенциал пищевой отрасли должен быть реализован максимально полно. По мнению Президента, в стране есть для этого все необходимые условия, в том числе качественное сырье, опытные специалисты, поэтому необходимо наращивать объемы производства и реализации продукции, повышать ее конкурентоспособность как на внутреннем, так и внешнем рынках [7]. В сложившихся условиях значительную роль могут сыграть выставки.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Интернет-портал Финансы** [Электронный ресурс] / Отечественные компании ищут свою нишу на продовольственных рынках Запада – Лента новостей – Финансы. Режим доступа: <http://www.finansmag.ru/24152>.
2. **Государственный архив Витебской области.** – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 13.
3. **Бусько, В.Н.** О развитии экономической мысли Витебщины в период нэпа (20-е годы XX ст.) / В.Н. Бусько // Веснік ВДУ. – 2001. – № 2(32). – С. 44–48.
4. **Кохановский, А.Г.** История Беларуси / А.Г. Кохановский, О.А. Яновский. – Минск: МП «Беларыт», 1997. – 448 с.
5. **Голубович, В.И.** Экономическая история Беларуси: курс лекций / В.И. Голубович. – Минск: Экоперспектива, 1993. – 158 с.
6. **Национальный архив Республики Беларусь.** – Ф. 265. – Оп. 1. – Д. 1658. – Л. 173-6.
7. **Национальный Интернет-портал Республики Беларусь** [Электронный ресурс] / Сайт правительства Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – Режим доступа: <http://www.government.by>. – Дата доступа: 25.02.2008.

S U M M A R Y

The first Belarusian industrial and agricultural exhibition has appeared to be the most representative, both by quantity of participants and presented exhibits. At the exhibition all the districts of Belarus had their own pavilions. The individual facilities were presented last time; it testified that in exhibition business a new stage when the main emphasis was done on of socialist sector achievements came. Vitebsk region prepared for the exhibition very carefully and presented one of the largest expositions. The Vitebsk pavilion was one of the greatest at the exhibition; the production of the largest industrial enterprises and agricultural districts was presented. Thus the exhibits of Vitebsk region received high estimation. The exhibition has shown, that Vitebsk region is one of the most economically developed regions in the BSSR.

Поступила в редакцию 20.03.2008

УДК 947.6«1991–2004»(043)

Д.В. Юрчак

Белорусско-украинские отношения в 1991–2004 годах: успехи и противоречия

В 1991 г. с политической карты мира исчез Советский Союз, а на его месте появились пятнадцать самостоятельных республик, вынужденных налаживать прямые межгосударственные контакты не только с ведущими государствами мира, но и в отношениях между собой. Акцентируя внимание на переходе на новый уровень сотрудничества, следует помнить, что непосредственно установление межгосударственных отношений не ограничивалось формальной юридической процедурой признания через подписание соответствующего соглашения, официальное заявление или обмен дипломатическими нотами. О факте установления тесных межгосударственных отношений между бывшими республиками можно говорить только после того, как стороны обменялись официальными представительствами, наладили постоянный политический диалог, создали надежный правовой фундамент под сотрудничество в различных областях и начали реализовывать и развивать тесные политические, экономические, культурные и иные связи на практике. Таким образом, для реализации на практике перехода от межреспубликанских к

межгосударственным отношениям требовалось время. И именно такой переход и произошел в белорусско-украинских отношениях в период с 1991 по 2004 г.

Хронологические рамки периода, рассматриваемого в работе, объясняются тем, что в 1991 г. стороны сделали основной шаг к налаживанию прямого межгосударственного сотрудничества – установили дипломатические отношения и признали друг друга. Это позволило начать процесс постепенного перевода двустороннего сотрудничества на новый уровень. Верхней границей изучаемого периода стал 2004 г., так как к этому моменту страны сумели завершить процесс перехода на новый уровень сотрудничества и с данного времени отношения двух государств претерпевают определенные изменения, вызванные сменой власти в Украине и перманентным политическим кризисом, продолжающимся в нашей южной соседке и по сегодняшний день. Все это, к сожалению, отрицательно повлияло на государственно-политические контакты двух стран после 2004 г.

Белорусско-украинские отношения после распада СССР недостаточно исследованы в белорусской историографии. На сегодняшний день имеется незначительное число работ по заданной теме. В частности, вопроса государственно-политических отношений двух стран и существующих в них противоречий в своих статьях касались В. Карбалевич [1] и А. Тихомиров [2]. Торгово-экономические связи Беларуси и Украины, акцентируя внимание на динамике товарооборота, исследовали Г.П. Бузык [3], Д.М. Демичев [4], С.О. Слишова [5] и др. Тем не менее, некоторые аспекты двусторонних отношений в выше-названных исследованиях не затрагивались либо рассматривались поверхностно. Поэтому существует необходимость проследить особенности перехода Республики Беларусь и Украины после распада Советского Союза от межреспубликанского уровня двусторонних отношений на межгосударственный, что мы и попытаемся сделать, определив основные достижения этого процесса и возникшие противоречия.

Одним из ключевых вопросов в белорусско-украинском сотрудничестве в постсоветский период становится налаживание тесного политического диалога между руководством двух государств. В первые годы независимости это получалось не очень успешно, так как состоялся всего лишь один визит председателя Совета министров Беларуси В.Ф. Кебича в Украину в 1992 г. Однако после избрания в середине 1994 г. новых президентов в двух странах (А.Г. Лукашенко и Л.Д. Кучмы) ситуация коренным образом изменилась. Активизировались связи как на уровне глав государств, так и на межправительственном и межведомственном уровнях. В частности, в период с 1994 по 2004 г. было проведено 14 двусторонних встреч на уровне президентов, 10 – на уровне председателей правительств, 7 – на уровне министров иностранных дел. Кроме того, имели место многочисленные контакты в рамках Содружества Независимых Государств, встреч на уровне вице-премьеров двух стран, руководителей отраслевых министерств и их заместителей. Последнее свидетельствует о прочных государственно-политических связях Беларуси и Украины и активных контактах, которые по своей интенсивности уступали только белорусско-российскому сотрудничеству. Более того, по регулярности встреч на разных уровнях белорусско-украинские отношения в рассматриваемый период превосходили сотрудничество Беларуси с Польшей, Латвией и Литвой вместе взятыми, что также весьма показательно.

Активизация политических контактов, регулярные встречи на различных уровнях не могли не принести положительных результатов. В итоге, с 1991 по 2004 г. страны-соседки смогли создать прочный договорно-правовой фундамент, заключив между собой порядка 160 межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров и соглашений, дополняемых

сотнями многосторонних соглашений в рамках Содружества Независимых Государств. Наиболее значимыми из подписанных соглашений стали следующие документы: Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (1995 г.), ставший основополагающим в отношениях двух государств в последующие годы, и Договор о государственной границе (1997 г.), подведший итог под сложной и продолжительной работой по делимитации бывшей административной белорусско-украинской границы.

Кроме того, в рассматриваемый период руководство двух стран активизировало взаимодействие в рамках международных организаций, состоялся обмен посольствами, были налажены контакты на уровне дипломатов, получило развитие региональное сотрудничество. Активизация государственно-политических связей тут же отразилась на сотрудничестве двух государств в гуманитарной и социальной сферах, области культуры, науки и образования.

Все вышеперечисленное, несмотря на ряд противоречий (временное похолодание в двустороннем сотрудничестве в 1996 г., вызванное позицией руководства Украины в отношении белорусского конституционного референдума, и отсутствие признания легитимности Национального собрания со стороны Верховной Рады с 1996 по 1999 г. [1, с. 257]), свидетельствует об успешном развитии политического сотрудничества Беларуси и Украины. В то же время следует помнить, что на позицию Украины очень влиял ее проевропейский курс и желание доказать лояльность своим западным партнерам. Но, несмотря на это, в отношениях с Беларусью возникающие противоречия успешно преодолевались дипломатическим путем: похолодание сменилось в 1997 г. активизацией двустороннего сотрудничества, в 1999 г. межпарламентские связи вновь наладились. Значит Украина, даже несмотря на свой явно прозападный курс, была готова к компромиссам в отношениях с Республикой Беларусь, так как этого требовали общие корни, единая история, протяженная общая граница, национальные интересы двух славянских республик.

Наряду с активным политическим сотрудничеством, в отношениях двух государств всегда приоритетом пользовались экономические связи. На это обращал внимание Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая перед украинскими журналистами: «В свое время мы поняли, насколько нужны друг другу и прежде всего экономически. Надо развивать это сотрудничество. Это выгодно и нам, и украинскому народу» [6]. Действительно, вопросы торгово-экономического сотрудничества на многочисленных переговорах всегда доминировали, так как развал народнохозяйственного комплекса Советского Союза привел к катастрофическим итогам, странам нужно было восстанавливать прежние межотраслевые и производственные связи, возвращать потерянные и давно освоенные рынки сбыта. Именно сокращение объемов взаимной торговли вынуждало руководство двух государств активно искать пути возвращения к прежнему уровню экономических отношений.

Однако различные шаги, предпринимаемые руководством двух стран, не всегда могли дать положительный эффект в краткосрочной перспективе в условиях рыночной экономики. Более того, российский дефолт 1998 г., сказавшийся на финансовой системе всего СНГ, переход на новый принцип взимания НДС, множественность курсов рубля, отказ от бартера в межгосударственной торговле, возрастание конкуренции, протекционистские меры и иные факторы отрицательно сказались на объемах взаимной торговли Беларуси и Украины и привели к их отрицательной динамике с 1991 по 2002 г. (1992 г. – 1127 млн USD (долл. США), 2002 г. – 562 млн USD) [7].

К концу рассматриваемого периода продолжительная работа над развитием экономического сотрудничества все-таки дала положительные результаты. Стороны, в сравнении с 1992 г., сумели существенно расширить товарную

номенклатуру взаимной торговли. В 2004 г. Беларусь в торговле с Украиной приблизилась к показателям 1992 г. (1085 млн USD против 1127 млн USD в 1992 г.) [7]. Однако считать это достижением также не стоит, так как общий товарооборот Республики Беларусь с 17113 млн USD в 2002 г. вырос к 2004 г. до 30265 млн USD. А это означало, что, увеличив свое присутствие на других рынках и освоив новые, в торговле с Украиной Республика Беларусь сумела только приблизиться к показателям 1992 г. И это прекрасно понимали в Киеве и Минске.

Ситуация изменилась в положительную сторону в дальнейшем. Так, в 2005 г. с хорошим запасом был преодолен уровень 1992 г. – 1802 млн USD. В 2007 г. объемы торговли вообще достигли рекордных 3 млрд USD, а показатели начала 2008 г. свидетельствуют, что и это далеко не предел [7]. Все это стало итогом активных действий руководства двух стран в области экономического сотрудничества, предпринимаемых в предыдущие годы.

В разбираемый период политические и экономические контакты Беларуси и Украины характеризуются также наличием двух взаимосвязанных противоречий, которые постоянно рассматривались в ходе переговоров и серьезно усложняли отношения двух государств. В первую очередь, речь идет о погашении задолженности украинских субъектов хозяйствования перед Беларусью за 1992 г. и увязанного с ней вопроса делимитации государственной границы. Украина неоднократно признавала наличие задолженности украинских субъектов хозяйствования, но стороны никак не могли согласовать ее размеры из-за различных методик подсчета. Более того, Украина боялась официально признать наличие государственного долга, так как это могло вызвать обострение претензий и со стороны Кыргызстана, также имевшего для этого основания.

Позже белорусская сторона заявила, что Договор о государственной границе будет ратифицирован в соответствии с достигнутыми в мае 1997 г. договоренностями, только в общем пакете с документами о задолженности, также подписанными украинской стороной. Это серьезно затормозило начало процесса демаркации границы. Однако стоит помнить, что демаркация – всего лишь отдельная составляющая процесса урегулирования государственной границы и она совсем не противоречит иным успехам в этом направлении. Выпячивание же на первый план в отношениях двух стран этой проблемы, предпринимаемое журналистами ряда СМИ и отдельными исследователями, отчетливо свидетельствует об их политизированном субъективном подходе и нежелании замечать многих реальных достижений в приграничном сотрудничестве двух стран. Их же в рассматриваемый период было гораздо больше. В пользу последнего свидетельствует то, что Республика Беларусь и Украина сумели первыми среди государств СНГ делимитировать 1084 км прежней административной границы, разрешить существующие территориальные разногласия (в районе реки Днепр и озера Скорень), установить режим государственной границы, организовать ее охрану, создать прочную договорную базу под приграничное сотрудничество и взаимодействие на путях международного сообщения.

Таким образом, белорусско-украинские отношения с 1991 по 2004 г. ознаменовались переходом от межреспубликанского к межгосударственному уровню сотрудничества и активным развитием политических, экономических и иных связей. За рассматриваемый период стороны смогли обменяться дипломатическими представительствами, наладить прочный политический диалог, организовать регулярные контакты на различных уровнях, создать прочный договорно-правовой фундамент сотрудничества. Но, несмотря на все это, экономическая составляющая в отношениях Беларуси и Украины после распада СССР практически всегда доминировала, что диктовалось сложной экономической обстановкой и необходимостью сохранения прежних народно-

хозяйственных связей. Концентрация на экономическом сотрудничестве не принесла скорых успехов, так как в условиях свободного рынка рассчитывать на это было бы ошибочно. Однако к 2004 г. определенные достижения были уже налицо. В частности, стороны существенно расширили свое присутствие на рынках друг друга, освоив новые их сегменты, была создана прочная договорная база под экономические связи, что привело к значительному увеличению товарооборота после 2004 г. и достижению рекордных показателей. Однако в сотрудничестве двух стран не обошлось без противоречий. Некоторые из них (временные политические похолодания, отсутствие признания Национального собрания Республики Беларусь со стороны Верховной Рады Украины) удалось преодолеть. Другие (украинский долг за 1992 г. и отсутствие ратификации Договора о государственной границе) так и остались нерешенными, осложняя взаимовыгодное сотрудничество. Однако все это никак не уменьшает достигнутых успехов, которых в двусторонних белорусско-украинских отношениях в постсоветский период было значительно больше.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Карбалевич, В.** Украина во внешней политике Беларуси: основные тенденции и направления / В. Карбалевич // Национально-государственные интересы Республики Беларусь / О.М. Абрамова [и др.]; под ред. Л.Ф. Заико. – Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. – С. 31–46.
2. **Ціхаміраў, А.В.** Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. / А.В. Ціхаміраў // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 2. – С. 3–10.
3. **Бушчык, Г.П.** Стан гандлёва-эканамічных сувязяў Рэспублікі Беларусь з Украінай у 1992–2002 гг. / Г.П. Бушчык // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэдкал.: У.І. Навіцкі [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 398–401.
4. **Демичев, Д.М.** Торгово-экономические отношения Республики Беларусь и Украины / Д.М. Демичев // Экономич. журн. – 2000. – № 4. – С. 75–83.
5. **Слишова, С.О.** Зовнішні економічні зв'язки між Україною і Республікою Білорусь: сутність та організаційно-економічні аспекти їх вдосконалення / С.О. Слишова. – Київ: Знання України, 2002. – 48 с.
6. **Лукашенко, А.Г.** Стенограмма пресс-конференции представителям средств массовой информации Украины от 23.11.2006 // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск: Пресс-служба Президента Респ. Беларусь, 2006. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press33657.html>. – Дата доступа: 30.02.2008.
7. **Сайт Министерства статистики и анализа Республики Беларусь** [Электронный ресурс]. – Минск, 2006–2008. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by>. – Дата доступа: 05.08.2008.

S U M M A R Y

In the research the author analyzes the transition from interrepublican to interstate level of cooperation between the Republic of Belarus and the Ukraine in the period from 1991 till 2004. The basic achievement and contradictions in the bilateral relations are shown.

Поступила в редакцию 24.12.2008

УДК 378.16:80

Л.И. Бобылева

Воспитательный аспект межкультурного подхода в обучении иностранным языкам

Современный социальный заказ общества требует от человека умений строить взаимовыгодный диалог со всеми субъектами лингвоэтносообществ. Важную роль в этом играет язык, выступающий тем самым инструментом, с помощью которого осуществляется межкультурная коммуникация с представителями различных конфессий, культур и стран. Анализ различных определений культуры и ее взаимосвязей с языком и личностью показал, что человек признается и субъектом, и объектом культуры. Язык – это результат культурного развития людей, часть культуры, ее носитель, условие ее дальнейшего развития и средство ее познания. Отсюда совершенно очевидна переориентация лингводидактических и методических исследований на вопросы межкультурной коммуникации в целом и проблемы воспитания и организации учебного процесса в контексте новой межкультурной парадигмы языкового образования в частности.

Межкультурная коммуникация трактуется лингводидактами как функционально обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, которые выступают носителями культурных сообществ в силу осознания ими своей принадлежности к разным геополитическим, национальным, религиозным сообществам, а также социальным субкультурам [1]. Процесс развития способности человека к межкультурной коммуникации в учебных условиях осуществляется во взаимосвязи освоения языкового кода и развития культурного опыта, включающего отношение индивидуума к себе и окружающему его миру. Это значит, что, используя свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции и привычки, субъект межкультурной коммуникации одновременно познает не только иной языковой код, но и иные нормы социального поведения, обычаи и т.д.

Определяя главную цель межкультурного подхода в обучении иностранным языкам как формирование способности к межкультурной коммуникации, следует учитывать культуроведческое, психологическое, нравственное, социальное развитие обучаемых.

Для осуществления данной цели содержание обучения иностранным языкам должно предусматривать:

- комплексное билингвистическое и поликультурное развитие языковой личности;
- развитие социокультурной компетенции, помогающей ориентироваться в изучаемых типах культур и цивилизаций;
- развитие умений описания родной культуры в терминах, понятных для членов межкультурных сообществ;
- обучение технологиям защиты от культурной дискриминации; воспитание правового сознания, чувства собственного достоинства и уважительного отношения к достоинству других людей;

- создание условий культурного творчества, т.е. вовлечение обучаемых в процесс решения постепенно усложняющихся культуроведческих задач, учитывая их интеллектуальный потенциал и конкретную ступень обучения;
- формирование потребности и способности понимать чужую точку зрения на социальные проблемы, достигать согласия и сотрудничать в условиях различия взглядов и убеждений.

Говоря о межкультурной компетенции как о способности адекватного взаимодействия коммуникантов на межкультурном уровне, как продукте формирования вторичной языковой личности, можно выделить в ней следующие структурные компоненты: 1) коммуникативная компетенция как слагаемое лингвистической, социолингвистической, социокультурной, дискурсивной и стратегической компетенций; 2) комплекс личностных характеристик человека. Первый компонент включает а) знания об источниках этнической, национально-культурной и социально-классовой информации в языке; социокультурных стереотипах речевого поведения на иностранном и родном языках, степени их совместимости и несовместимости; б) навыки опознания страноведчески маркированных языковых единиц; распределения социокультурного содержания языковых реалий в иностранном и родном языках; перевода страноведчески маркированных языковых единиц с иностранного языка на родной и с родного на иностранный; в) умения осуществлять социокультурный анализ различных функциональных типов аутентичного текста, характерных для повседневной, деловой, научной, профессиональной сфер общения; выбирать приемлемый в социокультурном плане стиль речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации.

Второй компонент является результатом воспитания и развития человека, что подразумевает формирование таких качеств личности, как гуманизм, толерантность, сочувствие, развитие способности к самоанализу в процессе приобретения индивидуального культурного опыта, а также эмоционально-оценочного отношения к лингвокультурному взаимодействию и его субъектам.

Как известно, навыки и умения, познание и развитие есть звенья одной цепи, составляющей процесс формирования личности. Таким образом, изучение иностранного языка в контексте межкультурной парадигмы имеет огромный образовательный, развивающий и воспитательный потенциал. Осваивая каждый новый язык, человек расширяет свой кругозор, границы собственного мировосприятия и мироощущения. При этом воспринимаемое отражается в понятиях, сформированных на основе родного языка, и оценивается через призму принятых в родном лингвосоциуме культурных норм и ценностей, усвоенной индивидуумом модели миропонимания.

Воспитательный потенциал зависит от содержания используемого культуроведческого материала. В качестве номенклатуры воспитательных ценностей и задач в процессе овладения иноязычной культурой Е.И. Пассов рекомендует принять во внимание следующие направления [2]:

1. *Общационациональные ценности*, включающие прежде всего воспитание чувства патриотизма как потребности и способности к деятельностной любви к своей Родине.

2. *Истина как ценность*, предусматривающее воспитание убежденности в приоритете общечеловеческих ценностей, формирование потребностей и способностей к рефлексии и критическому мышлению.

3. *Жизнь (природа, жизнь человека и история человеческой цивилизации) как ценность*, воспитательные задачи при этом сосредоточены на формировании гуманитарного мировоззрения, способностей и потребностей к разрешению проблем, связанных с милосердием, преодолением кризиса цивилизаций, сохранением природной среды.

4. *Мировая культура как ценность*, включающая воспитание интернационализма, чувства сопричастности к мировой истории, культуре, философии и потребности в приобщении к ним.

5. *Свобода и права личности*, работа при этом направлена на воспитание правового сознания, чувства собственного достоинства и уважения достоинства других людей.

6. *Общение и сотрудничество*, в том числе межнациональное, предусматривающее формирование способностей и потребностей понимать чужую точку зрения на социальные и гуманитарные проблемы, сотрудничать в условиях различия взглядов и убеждений.

Таким образом, в содержании обучения иностранным языкам наряду с фактологической и лингвострановедческой информацией должен найти отражение ценностный аспект с обязательным обсуждением проблем, актуальных для современного мультилингвального и поликультурного мира.

Реализация воспитательных ценностей и задач в процессе овладения иноязычной культурой может быть эффективной лишь в том случае, если она осуществляется с учетом принципов 1) дидактической культуросообразности, 2) диалога культур и цивилизаций, 3) доминирования проблемных культуроведческих заданий [3].

Сфера действия принципа дидактической культуросообразности реализуется при отборе культуроведческого материала для учебных целей. При этом важно определить ценностный смысл, значимость отбираемых материалов для формирования у учащихся с учетом их возрастных особенностей и интеллектуального потенциала неискаженных представлений об истории и культуре страны изучаемого языка; обеспечить наличие такого материала, на основе которого возможно знакомство обучаемых со способами защиты от культурной агрессии и дискриминации.

Принцип диалога культур и цивилизаций требует анализа аутентичного культуроведческого материала с точки зрения потенциальных возможностей его использования при моделировании в учебной аудитории такого культурного пространства, погружение в которое обеспечивает поликультурное и билингвистическое развитие обучаемых, формирование таких качеств, как социокультурная наблюдательность, непредвзятость, готовность к общению в инокультурной среде, речевой и социокультурный такт и др. Данный принцип предполагает также и сопоставительное изучение культур в контексте их непосредственного и опосредованного историко-культурного взаимодействия. При формировании культурного пространства в условиях иноязычного учебного общения широко используется культуроведческий материал о родной стране, который позволяет развивать у обучаемых умения презентации своей культуры на иностранном языке в иноязычной среде.

Принцип доминирования проблемных культуроведческих заданий ориентирует на построение такой методической модели, при которой учащиеся в процессе решения серии постепенно усложняющихся задач тренируются в сборе, систематизации, обобщении и интерпретации информации; овладевают стратегиями культуроведческого поиска и способами интерпретации культуры; учатся ориентироваться в соизучаемых типах культур и цивилизаций и соотносимых с ними коммуникативных норм поведения; овладевают способами выхода из социокультурных и коммуникативных тупиков, возникающих в ситуациях межкультурного общения.

Таким образом, воспитание учащихся в процессе формирования у них межкультурной компетенции должно проходить с учетом взаимосвязанного становления лингвистической, социолингвистической, социокультурной, дискурсивной и стратегической компетенций, что будет в конечном счете способство-

вать развитию всех ее структурных компонентов: фоновых знаний, ценностных ориентаций, умений речевого и неречевого поведения. Как известно, сознание формируется в деятельности, отсюда реализация воспитательных целей обучения должна опираться на систему упражнений, включающих следующие типы: 1) упражнения на усвоение фоновых знаний, 2) упражнения на распознавание и анализ ценностных ориентаций в иноязычной культуре, 3) упражнения на формирование умений адекватного речевого и неречевого поведения.

В упражнениях первого типа в соответствии с иноязычным опытом обучаемых и уровнем их информированности о явлениях иноязычной культуры могут быть использованы мини-лекции, беседы, видеоматериалы и т.д. Активизация фоновых знаний предполагает такие творческие формы работы, как дискуссия, мозговая атака, викторина, реферат, проект.

Целью упражнений второго типа является преодоление ложных стереотипов, связанных с восприятием иноязычной культуры; анализ мировоззренческих взглядов коммуникантов в речевом поведении; более точное понимание ценностных ориентаций, присущих представителям страны изучаемого языка. С помощью этих упражнений преодолеваются некоторые негативные стереотипы, распознаются культурные табу, а также ситуации, в которых принижается значимость национальных ценностей. В этих целях могут быть использованы прежде всего интервью с носителями языка, различные ток-шоу, рекламные ролики, документальные программы. Ведущими формами работы здесь являются анализ конкретных ситуаций, ранжирование по степени значимости определенных ценностей и качеств, решение проблемных задач. Данные упражнения предполагают овладение обучаемыми рядом описательных категорий, позволяющих соотносить различные культуры на основе аналогии, обобщения, сравнения, индукции, дедукции и т.д. В процессе выполнения этих упражнений учащиеся лучше осознают не только специфику иноязычной культуры, но и особенности культуры своей страны. Задания позволяют сопоставить отношения различных культур к таким жизненным ценностям, как свобода и права личности, карьера, семья и др.

Упражнения третьего типа ориентированы на изучение моделей поведения, принятых в иноязычной культуре, определение их национально-специфических особенностей; на адекватное использование речевых и неречевых средств в стандартных ситуациях иноязычного общения. Особую роль в этом случае играет использование видеотехнологии и таких технических приемов работы с видео, как стоп-кадр, крупный план, демонстрация эпизода без звукового сопровождения и др. Упражнения этого типа предполагают творческую активность самих обучаемых в моделируемых ситуациях общения и предусматривают различные задания, включающие подготовку комментариев к видеоряду, ролевые игры, проектную технологию, театральную технологию, дебаты, симуляции (ситуации, максимально приближенные к реальным, стимулируемые коммуникативной задачей, требующей личностного отношения учащихся к фактам и событиям).

К числу факторов, определяющих эффективность реализации воспитывающего потенциала иностранного языка в условиях межкультурного подхода, следует отнести: 1) учет реальных интересов и потребностей учащихся конкретного возраста; 2) повышение их мотивации к овладению иной лингвокультурой; 3) развитие у обучаемых эмоционально-оценочного отношения к изучаемому материалу; 4) их активность и самостоятельность; 5) наличие проблемных заданий, стимулирующих речемыслительную активность учащихся, позволяющих привлечь их жизненный опыт, знания по другим учебным предметам; 6) наличие лингвистической готовности к овладению иноязычной культурой, т.е. знание достаточного объема языкового материала

и умение пользоваться им в различных актах коммуникации; 7) учет таких критериев отбора учебного материала, как информативность, функциональность, насыщенность социокультурной информацией, аутентичность.

Критерий информативности требует, чтобы информация учебных материалов обеспечивала повышение уровня общекультурной и страноведческой образованности учащихся, формирование системы представлений об основных традициях, обычаях и реалиях страны изучаемого языка; актуализацию знаний о культуре собственной страны в процессе выяснения сходства и различий в изучаемой и родной культурах.

Критерий функциональности предусматривает максимальное приближение учащихся к реальным условиям употребления языка, знание ими разнообразных лингвистических средств и наличие умений самостоятельного употребления этих средств в речевых ситуациях.

Критерий насыщенности определяет социокультурный и воспитательный потенциал материала, т.е. насыщенность его страноведческой, лингвострановедческой, социолингвистической информацией.

Критерий аутентичности обеспечивает отбор материала, отражающего наиболее актуальные факты действительности страны изучаемого языка и создающего более точное представление об этой стране. Понятие «аутентичность» несводимо лишь к отбору лексики и правильному грамматическому оформлению высказывания. Важную роль играет содержательная сторона. В этой связи критерий аутентичности включает такие аспекты, как культурологическая аутентичность, информативная аутентичность, ситуативная аутентичность, аутентичность национальной ментальности, аутентичность оформления учебного материала, аутентичность учебных заданий [4].

Итак, обращение к межкультурной коммуникации повлекло за собой смену дидактической парадигмы и значительные концептуальные изменения в понимании процессов воспитания и обучения иностранным языкам. Сегодня четко прослеживается переориентация языкового образования со знаниецентрического на межкультурное, целью которого является не только формирование иноязычных знаний, навыков и умений, но и развитие творческих начал и культуры личности. Современное обучение иностранным языкам должно формировать мировоззрение, основанное на поликритериальности решений, терпимости к инакомыслию и нравственной ответственности за свои действия. При этом усвоенная учащимися система ценностей оказывает влияние на то, во имя чего и как он использует свой духовный потенциал, а следовательно, и на нравственное развитие общества, в котором он живет. Данные изменения не могут не найти своего отражения в профессионально-методической подготовке учителя иностранного языка, связанной с овладением им методикой организации межкультурного обмена как составной части учебно-воспитательного процесса, проведения межкультурных проектов различного уровня и характера, выявления у каждого школьника мотивации к изучению лингвокультуры и поиска выхода на реальное общение в условиях диалога культур, воспитания гражданина Отечества и гражданина мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сафонова, В.В.** Культуроведение в системе современного языкового образования / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 19.
2. **Пассов, Е.И.** Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур / Е.И. Пассов. – Минск: Лексис, 2003. – С. 56.
3. **Гальскова, Н.Д.** Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Academia, 2004. – 334 с.

4. **Носонович, Е.В.** Критерии содержательной аутентичности учебного текста / Е.В. Носонович, Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 6–12.

S U M M A R Y

The article dwells upon educational principles, contents and foreign language learners' activity aiming at students' moral development in the context of the multicultural approach to foreign language teaching.

Поступила в редакцию 23.02.2008

УДК 376(091)

Т.В. Савицкая

Становление и развитие учебно-методического обеспечения национальной системы специального образования

С приобретением Республикой Беларусь статуса независимого государства начался процесс создания национальной системы образования, в том числе и специального образования. Одним из компонентов системы образования является ее учебно-методическое обеспечение. В советское время процесс воспитания и обучения детей в Беларуси обеспечивался централизованными поставками программной и учебной литературы из Москвы, за исключением изданий по курсам белорусского языка и литературы, русского языка для школ с белорусским языком обучения, истории и географии БССР. В начале 1990-х гг., после распада Советского Союза, централизованное обеспечение учреждений образования учебниками и программно-методической литературой из России практически прекратилось.

Это обусловило острую необходимость в разработке и издании учебной, программно-методической литературы, учитывающей социальные, экономические, политические, культурные и национальные особенности молодой республики [1]. Следует отметить, что ранее литература для обучения детей с особыми образовательными потребностями в республике вообще не издавалась.

Разработкой и изданием учебно-методической литературы для учреждений, обеспечивающих получение специального образования детьми с особенностями психофизического развития, с 1993 г. начинает заниматься лаборатория специальных учреждений (в дальнейшем – сектор специального образования) Научно-методического центра учебной книги и средств обучения, первым руководителем которой была Т.Д. Босинская, а с 1994 г. – О.Р. Матвеева [2]. Перед только что созданной лабораторией Министерством образования и науки Республики Беларусь ставится сложная задача по введению с 1996 г. в учебный процесс специальных школ национальных учебников и учебно-методических пособий.

По мнению О.Р. Матвеевой, решение поставленной задачи стало возможным только благодаря составлению жесткого графика, в соответствии с которым в 1996 г. необходимо было обеспечить национальными учебниками первые классы специальных школ для детей с нарушениями интеллекта, школ

для детей с нарушениями слуха, школ для детей с нарушениями речи, школ для детей с задержкой психического развития. В дальнейшем планировалось каждый год издавать учебники для последующих классов.

Напряженная работа специалистов лаборатории, ученых позволила согласно графику в 1996 г. издать первые в истории нашей республики отечественные учебные программы и пособия для специальных школ для детей с нарушениями интеллекта, речи, слуха, с задержкой психического развития. Особого внимания заслуживает выпуск национальных учебных пособий для детей с нарушениями зрения. Так, в 1997 г. в республике были выпущены первые учебные пособия для незрячих детей (шрифтом Брайля), в 1998 г. – для слабовидящих детей (увеличенным шрифтом).

Изданием первых учебных программ и пособий завершается **первый, начальный, этап становления** национального учебно-методического обеспечения системы специального образования. Следует отметить, что авторы книг для детей с особенностями психофизического развития, работавшие на данном этапе, оказались в сложной ситуации, связанной с отсутствием опыта создания и выпуска такой литературы, необходимостью освоения новых для себя видов деятельности, сжатыми сроками, отведенными на создание рукописей учебников. Несмотря на сложности, коллектив авторов, в основном, справился с поставленной перед ними задачей, но работа в таких непростых условиях не могла не сказаться на качестве содержания выпускаемых книг. В связи с этим разработанные на первом этапе учебные книги имели статус учебного пособия.

С 1999 г. начинается качественно **новый этап – этап поступательного развития** национального учебно-методического обеспечения специального образования. Появляются учебники нового поколения для специальной школы в соответствии с основными положениями Концепции реформирования специального образования в Республике Беларусь [3]. Отличие учебно-методической литературы нового поколения по сравнению с учебниками и учебными пособиями для специальной школы первого поколения состоит в их доработке в плане доступности с сохранением достаточного уровня научности.

Следует отметить, что разрабатываемые и издаваемые отечественными авторами учебники и учебные пособия характеризуются рядом **особенностей, отражающих их высокий качественный уровень**:

- 1) учебники и учебные пособия для детей с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь издаются на русском и белорусском языках, тем самым обеспечивается право выбора учеником и его родителями языка обучения;
- 2) наблюдается тенденция разработки белорусскими учеными не отдельных учебников, учебных пособий, а учебно-методических комплексов, в состав которых входят учебник, комплект дидактического материала, методические рекомендации, рабочая тетрадь. Следует отметить, что разработка учебно-методических комплексов обеспечивает соответствие друг другу, взаимодополняемость входящих в него компонентов, а также облегчает деятельность педагога и повышает качество образовательного процесса. В настоящее время специальными школами используется более 80 учебно-методических комплексов;
- 3) методологической основой издаваемой учебной, учебно-методической литературы становятся:
 - практико-ориентированный подход, предполагающий включение учащихся в предметно-практическую деятельность по применению знаний, их вовлечение в интерактивную деятельность, что повышает эффективность обучения и способствует адаптации детей в окружающем мире;

- антропоцентрический подход, направленный на формирование коммуникативной компетенции и культуры речевого поведения учащихся с особыми образовательными потребностями, на создание положительной эмоциональной атмосферы на уроке (Григорьева Т.А. «Тропинка в грамматику», Лещинская Т.Л. «Русский язык» и др.);
- 4) создатели учебных планов, программ (М.В. Былина, Т.В. Демьяненко, Ю.В. Жоврид (Захарова), Л.А. Зайцева, Ю.М. Кислякова, Т.В. Лисовская, В.В. Мыслюк, И.Ю. Оглоблина и др.) ориентируются не на нарушения в развитии ребенка, но на их потенциальные возможности и специфические образовательные потребности [2, с. 143]. В связи с этим в учебные планы были включены такие предметы, как самообслуживание, формирование санитарно-гигиенических умений, социально-бытовая ориентировка. Таким образом, данные разработки направлены на реализацию потребности практического обучения детей, их адаптацию в окружающем мире, формирование навыков самообслуживания, несложной трудовой деятельности, социально приемлемого поведения, социально-бытовых умений, что позволяет человеку с особенностями психофизического развития вести максимально самостоятельный, независимый от помощи других образ жизни;
 - 5) ряд учебных пособий, учебно-методических комплексов, издаваемых в республике, не имеет аналогов ни в одной из стран СНГ. Например, в 2000 г. рельефно-графическим способом был издан «Букварь» для слепых детей. Кроме учебных пособий, для этой категории детей в республике шрифтом Брайля выпускается художественная литература из серии «Школьная библиотека». Данные издания снабжены рельефно-графическими иллюстрациями. Большим достижением также является издание в 2000 г. первых учебных пособий для детей с тяжелой формой интеллектуальной недостаточности. С 2000 г. начался выпуск учебных пособий и для детей с тяжелыми множественными нарушениями, которые ранее считались необучаемыми. Так, научный интерес представляют следующие учебно-методические комплексы для детей с тяжелыми множественными нарушениями: Гальская Н.В., Сахар Л.М. «Ступеньки грамоты»; Гальская Н.В., Сахар Л.М. «Предметно-практическая деятельность»; Лисовская Т.В. «Элементы арифметики»; Демьяненко Т.В. «Ориентировка в окружающем мире»; Кислякова Ю.Н. «Учимся самостоятельности». Эти комплексы стимулируют познавательную деятельность данной категории детей, их умственное и физическое развитие, формируют навыки самостоятельности, умения ориентироваться в окружающем мире, положительного отношения к миру людей, вещей и природы;
 - 6) обеспечению высокого научно-методического уровня выпускаемой учебной литературы содействует осуществляемый согласно «Примерному положению о проведении опытной проверки учебников и учебно-методических комплексов (авторских оригиналов) для общеобразовательной и специальной общеобразовательной школы» (1999 г.) мониторинг качества учебников [4]. Центром учебной книги и средств обучения регулярно проводятся анкетирование и семинары-практикумы с учителями и дефектологами специальных школ. В процессе этого им предлагается оценить соответствие материалов учебника программе по данному предмету; соответствие объема учебного материала возрастным и познавательным особенностям учащихся; доступность и достаточность иллюстративного материала; возможность самостоятельной работы с материалом; коррекционные возможности учебного издания и др.
- Анализ результатов анкетирования и собеседования с учителями и дефектологами показывает достаточно высокую оценку качества учебников и учебных

пособий. Но, вместе с тем, отмечается, что ряд из них нуждается в доработке. В частности, авторам рекомендуется обеспечить более широкие возможности реализации задач социально-бытовой адаптации, обеспечения социально-эмоционального развития ребенка с особенностями психофизического развития. Предлагается увеличить количество материалов, направленных на социализацию ребенка с особыми образовательными потребностями и учитывающих познавательные возможности учащихся в отношении сложности текстового материала и его объема, предполагающих использование интерактивных методов обучения, разнообразных способов деятельности учащихся.

Повышению качества учебников для детей с особыми образовательными потребностями также способствует утвержденный в 2002 г. СТБ «Учебники и учебные пособия для специальной общеобразовательной школы. Общие технические условия». В нем определены санитарно-гигиенические требования и специфика учебной литературы для обучения детей с особенностями психофизического развития.

Подтверждением высокого качества национальных учебников и учебных пособий служит тот факт, что 4 учебных пособия получили гриф Министерства образования Российской Федерации. Весной 2003 г. белорусские учебники для первых классов всех типов специальных школ были представлены на Лейпцигской книжной ярмарке в Германии. Иностранцами специалистами была отмечена вариативность способов и приемов представления учебного материала [2, с. 160].

Всего в Республике Беларусь с 1995 г. по 2004 г. разработаны и изданы 121 учебная программа, 60 учебно-методических пособий (в том числе 2 переиздано), 407 наименований учебников и учебных пособий (в том числе 51 переиздано).

Кроме того, следует отметить, что разработанные и изданные учебники и учебные пособия обеспечивают учебно-воспитательный процесс в разных типах специальных школ: во вспомогательной школе (1-е и 2-е отделение), в школе для детей с тяжелыми нарушениями речи, для детей с трудностями в обучении, для детей с нарушениями слуха, для детей с нарушениями зрения.

Разработка и издание высококачественной литературы стали возможными благодаря согласованной работе ученых-дефектологов Национального института образования (сектор специального образования), преподавателей Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, работников Министерства образования, методистов Научно-методического центра учебной книги и средств обучения, специалистов Академии последипломного образования, педагогов-практиков. Постепенно сложился коллектив авторов, разрабатывающих учебные и учебно-методические пособия для разных типов специальных школ:

- для вспомогательной школы (1-е отделение): С.С. Анискевич, И.М. Бобла, В.П. Гриханов, А.М. Змушко, И.П. Кохонович, В.Н. Кравченко, Т.Л. Лещинская, В.И. Олешкевич, О.Х. Серединская, Ф.И. Шалобасова;
- для вспомогательной школы (2-е отделение): Н.В. Гальская, Т.В. Демьяненко, Ю.Н. Кислякова, Т.В. Лисовская, Л.Н. Сахар;
- для школы для детей с тяжелыми нарушениями речи и с трудностями в обучении: М.В. Альфер, В.С. Воропаева, Т.А. Григорьева, В.Л. Дрозд, Т.С. Куцанова, А.П. Сафонова, М.Н. Соколова;
- для школы для детей с нарушениями слуха: Н.М. Грицук, З.И. Логунова, Т.А. Макаревич, Л.В. Михайловская, О.Х. Серединская, О.Н. Силивисторович, Т.А. Григорьева;
- для школы для детей с нарушениями зрения: А.И. Бельский, А.Ф. Будько, И.В. Дынич, Н.И. Касабуцкий, В.В. Князюк, Н.Д. Лисов, Т.М. Чеботаревская.

Поскольку вопросы специального образования входят в круг приоритетных направлений социальной политики Республики Беларусь, то изданию учебной литературы для системы специального образования правительством республики уделяется пристальное внимание. Так, учебники (с грифом Министерства образования), учебно-методические издания (с грифом Научно-методического центра учебной книги и средств обучения Министерства образования), пособия для специальных детских и учебных учреждений для обучения детей с особенностями психофизического развития признаны социально значимой литературой для нужд государства [5]. В связи с этим выпуск литературы, обеспечивающей учебный и воспитательный процесс в специальных школах (учебники и учебные пособия), книги серии «Школьная библиотека», в том числе набранные рельефно-точечным шрифтом (по Брайлю) для инвалидов по зрению, осуществляется за счет средств государственного бюджета [5–6].

Семьи, воспитывающие детей с особенностями психофизического развития, детей-инвалидов, обучающихся на дому, в специальной школе (школе-интернате), специальных и интегрированных классах общеобразовательной школы, специальном дошкольном учреждении, специальных и интегрированных группах дошкольных учреждений, освобождаются от платы за пользование учебниками и учебными пособиями [7–8].

Издание же программ и учебно-методической литературы государством оплачивается частично. Учреждения образования должны выплачивать некоторую сумму за необходимые им учебные издания. В случае, если учреждения образования не могут выкупить предназначенные им учебные программы или учебно-методические пособия, эта литература продается за наличный расчет в специализированных магазинах.

Несмотря на значительные успехи в издании учебной литературы для специальной школы в Республике Беларусь остается неразрешенным ряд проблем. На наш взгляд, перспективными направлениями развития современного национального учебно-методического обеспечения являются:

- издание специальной учебной литературы для классов интегрированного обучения;
- подготовка учебников по второму языку в специальной школе для детей с нарушениями интеллекта, тяжелыми нарушениями речи, слабослышащих детей. В связи с чем необходимо разработать научные подходы к изучению второго языка в специальной школе, определить сроки и объем изучаемого материала по этому предмету в вышеперечисленных типах школ;
- разработка концепции учебника для детей с тяжелой формой интеллектуальной недостаточности;
- расширение перечня наименований издаваемой художественной литературы шрифтом Брайля как для детей, так и для взрослых;
- совершенствование механизма распределения изданной учебной литературы внутри регионов. Целесообразным представляется осуществление более жесткого контроля над распределением учебников в регионах со стороны инспекторов по библиотечным фондам областных управлений образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **О переходе специальных общеобразовательных школ (классов), школ-интернатов на новое содержание образования:** Приказ Министерства образования и науки, 10 ноября 1994 г., № 313 // Зборнік нарматыўных дакументаў Міністэрства адукацыі Рэсп. Беларусь. – 1995. – № 1. – С. 45.
2. **Нацыянальны інстытут адукацыі: гісторыя і сучаснасць (1929–2004)** / пад рэд. У.П. Пархоменкі, М.Г. Яленскага. – Мінск: НІА, 2004. – 320 с.
3. **О переходе специальных общеобразовательных школ-интернатов, школ, классов, классов интегрированного обучения на новые и усовершенствованные программы:** Приказ Министерства образования и науки, 10 ноября 1994 г., № 313 // Зборнік нарматыўных дакументаў Міністэрства адукацыі Рэсп. Беларусь. – 1995. – № 1. – С. 45.

ванные программы, учебники и учебные пособия: Приказ Министерства образования Респ. Беларусь, 10 марта 2000 г., № 116 // Зборнік нарматыўных дакументаў Міністэрства адукацыі Рэсп. Беларусь. – 2000. – № 6. – С. 28.

4. **Об утверждении документов по улучшению качества школьных учебников:** Приказ Министерства образования Респ. Беларусь, 23 июня 1999 г., № 403 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 61. – 8/667.
5. **Аб зацвярджэнні Інструкцыі аб вызначэнні памеру субсідый на выпуск сацыяльна значнай літаратуры для дзяржаўных патрэб:** Постановление Государственного комитета Респ. Беларусь по печати, 9 марта 2000 г., № 1/4 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 37. – 8/3204.
6. **О финансировании издания учебных пособий для воспитанников учреждений, обеспечивающих получение дошкольного образования, и утверждении Положения о порядке взимания платы в 2003/2004, 2004/2005 учебных годах за пользование этими пособиями:** Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 апр. 2003 г., № 485 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 45. – 5/12296.
7. **Положение о порядке взимания платы за пользование учащимися учебниками и учебными пособиями:** Положение Министерства образования Респ. Беларусь, 12 июня 1997 г. // Бюллетень нормативно-правовой информации. – 1997. – № 15.
8. **О плате за пользование учащимися учебниками в 2004/2005 учебном году:** Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 авг. 2004 г., № 1006 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 137. – 5/14697.

S U M M A R Y

The article is devoted to actual questions of foundation and development of scholastic-methodical ensuring system of special education in the Republic of Belarus. The stages of this development are considered. The particularities of the developed and published textbooks are analyzed in the article.

Поступила в редакцию 24.01.2007

УДК 7.02(07)

Д.С. Сенько

Особенности организации и проведения учебных занятий по композиции

Повышение значения подготовки творчески мыслящих специалистов в связи с переходом на инновационный путь развития экономики требует поиска новых технологий художественного образования и воспитания. Особую роль здесь приобретают планирование, организация и осуществление учебного процесса по композиции, выступающей основой для развития художественно-творческих способностей студентов.

Значение данного учебного предмета во многом обусловлено тем, что обучение методам и приемам художественно-творческой деятельности, которое предполагает учебный курс композиции, выступает в виде особой духовно-практической деятельности, направленной на эмоционально-ценностное и интеллектуальное становление личности [1].

Возрастающий интерес к проблемам повышения творческого потенциала студентов стимулирует преподавателей на поиски новых методов, средств

и приемов оптимизации учебного процесса, разработку такой системы планирования, организации и проведения учебных занятий, при которой можно добиться максимального обучающего эффекта, сохранив высокую учебно-творческую активность и заинтересованность студентов в качественных результатах собственного труда. Однако непонимание всей сложности задач, связанных с планированием учебного процесса по композиции, спецификой условий организации учебного процесса, контролем за ходом решения композиционно-творческих заданий, выступает серьезной проблемой для преподавателей высших учебных заведений.

Решение проблемы проектирования и конструирования учебного процесса по композиции предполагает теоретическое осмысление накопленного педагогами, психологами, художниками передового опыта в области методики преподавания композиции. Конкретные рекомендации по обучению студентов композиции можно найти в ряде учебно-методических пособий и публикаций В.П. Климовича, А.А. Ковалева, О.В. Чернышева, Е.В. Шорохова. Теоретические положения, содержащиеся в исследованиях данных авторов, могут служить ориентиром при планировании, организации и осуществлении учебно-творческой деятельности студентов по формированию качественных знаний, умений и навыков в сфере освоения композиционной грамоты.

Проанализировав теоретические источники по проблеме организации обучения по композиции можно сделать вывод о том, что эффективность обучения композиции во многом зависит от решения ряда вопросов: образовательных, которые связаны с освоением ведущих понятий, закономерностей, принципов и приемов композиции, изучением принципов организации композиционной деятельности и формированием системы практических методов работы над эскизом творческого произведения; воспитательных, направленных на формирование мировоззрения, художественного вкуса, общей художественной культуры, трудолюбия, самодисциплины и самоконтроля; практических, включающих методику осуществления и регулирования учебного процесса, выполнение эскизов произведений, контроль и оценку их качества.

Планирование учебного процесса включает ряд задач, среди которых следует отметить: определение структуры, содержания и объема аудиторных и домашних заданий; выбор методов, приемов и средств изложения и закрепления учебного материала, создающих высокую степень активности студентов. Важное значение имеет установление алгоритма действий обучаемых, приводящего к наиболее высоким результатам; выявление и разработка упражнений, направленных на формирование конкретных практических умений и навыков. Определенную сложность вызывает определение действенных методов контроля учебно-творческой деятельности студентов по основным этапам работы над заданием.

Учебный процесс по композиции имеет интегрированный характер, который в своем построении и функционировании опирается на установление и развитие связи с другими дисциплинами, имеющими научное, учебное и профессиональное единство – рисунком, живописью, цветоведением, перспективой, анатомией, историей изобразительных искусств и другими. Выражается это в детерминировании содержания, методов, форм и средств обучения композиции с учетом целей и задач, стоящих перед теоретической и практической подготовкой по каждой учебной дисциплине специального цикла.

С организацией процесса обучения композиции тесно связано упорядочение таких компонентов учебного процесса, как цель, задачи, содержание, формы учебной деятельности, объем аудиторных и домашних заданий, время, затрачиваемое на их выполнение. Это в свою очередь выдвигает ряд задач, от решения которых зависит эффективность формирования знаний, уме-

ний и навыков студентов, а именно: создание устойчивой мотивационной основы деятельности; выбор оптимальных методов стимулирования учебной деятельности; осуществление педагогического руководства с максимальным результатом; рациональное использование своего научно-педагогического потенциала и практического опыта; формирование у студентов способности ориентироваться в сложном мире идеалов и ценностей, активной жизненной позиции, интеллектуального и эмоционального постижения социально-культурного смысла изображаемого [2]. Их решение требует своевременного распознавания индивидуальных характеристик обучаемых с учетом специфики организации и проведения учебных занятий по композиции, которая заключается в двух аспектах: 1) передача опыта и знаний от преподавателя к студенту в ходе непосредственного взаимодействия; 2) самостоятельная деятельность студентов по закреплению и освоению полученных знаний, выработке методов практической деятельности. Исходя из этого в процессе обучения студентов композиции можно выделить ряд дидактических звеньев:

- психологическая подготовка студентов к восприятию учебного материала;
- передача информации преподавателем и ее восприятие студентами;
- осмысление и переработка информации в знания и способы действий;
- анализ, контроль и оценка уровней усвоения учебного материала.

Целью подготовки учащихся к восприятию учебного материала является создание условий для полной концентрации внимания на изучаемой теме, вопросе, объекте, снижение отвлекающих факторов, формирование устойчивой учебной мотивации, имеющей поисково-творческий характер, стимулирующий проектирование новых образов, генерирование идей и авторских концепций.

Передача информации от преподавателя к студенту осуществляется в процессе беседы или объяснения, где излагаются композиционные особенности изучаемой темы, методы ведения работы, раскрываются возможные приемы и средства образного решения идейно-содержательных и формально-пластических задач. Действенность трансляции знаний предполагает достижение диалога между обучаемым и обучающим, основанного на благоприятной психологической атмосфере и эмоциональном контакте. Среди условий успешного освоения курса «Композиция» можно отметить: четкое определение цели и задач изучаемой темы; мотивационная подготовка студентов; анализ предыдущих занятий с выявлением причин их успешности или неуспешности усвоения; обоснование методов и средств изложения учебного материала, включая ритм и темп изложения материала; чередование труда и отдыха; грамотная организация рабочего места; подбор дополнительных заданий и упражнений, активизирующих творческие поиски; оценка полноты восприятия передаваемой информации – по объему, доступности и глубине содержания. В этой связи большое значение приобретает педагогическая импровизация как неотъемлемый компонент педагогической деятельности, объединяющий процесс обучения и осуществляемый сиюминутно [3].

Изложение теоретического материала должно быть направлено на формирование новых понятий и представлений, создание стройной системы знаний, раскрытие возможных направлений для творческих поисков обучаемых, приобретение опыта владения средствами и приемами осуществления действий и операций.

Основной объем информации на занятиях по композиции студенты получают в виде визуальных образов: демонстративных моделей, композиционных схем, таблиц, репродукций художественных произведений, учебных работ из методического фонда. При этом восприятие наглядности служит созданию ориентировочной основы деятельности, определяющей успех выполнения практической работы. Важнейшей функцией наглядности при изучении

композиции является формирование ярких представлений и образов, которые могут быть положены в основу понятий и благодаря которым легче совершается переход от визуального восприятия к абстрактно-образному мышлению. Практика показала, что наибольшая результативность наглядных средств обучения достигается, если наглядный материал не содержит ничего лишнего, ненужного для данного показа и объяснения, представлен в выразительной, ясной и понятной форме, является логическим продолжением уже изученного, что позволяет сопоставлять его с усвоенными ранее понятиями, фактами, образами, обобщать и запечатлевать в сознании как определенный метод достижения цели. Использование наглядных методов в обучении композиции дает возможность студентам целенаправленно выбирать подходящую структуру композиции, анализировать эффекты, вызываемые сочетанием тех или иных композиционных средств и приемов, отбирать продуктивные способы решения образных задач, прогнозировать возможные результаты деятельности. Все это значительно повышает результативность их поисков, ускоряет процесс формирования творческих способностей обучающихся.

Осмысление и переработка полученной информации в способы деятельности осуществляется в процессе работы над эскизом произведения, где происходит раскрытие сущности изучаемых предметов и явлений, оценка и систематизация имеющихся знаний, формирование новых понятий и представлений, освоение методов и приемов композиционной деятельности. В композиционной деятельности развитию творческой самостоятельности способствует использование в учебном процессе методов проблемного обучения. Проблемная ситуация, построенная на недосказанности, вызывает стремление преодолеть противоречие между потребностью в ее решении и отсутствием у студентов необходимых знаний, умений и навыков, активизируя тем самым концентрацию интеллектуальных и эмоциональных сил, и этим способствует продуктивности творческих поисков [4].

Успех в подобного рода заданиях связан с привлечением знаний из смежных дисциплин, подключением дополнительных сведений сверх учебной программы, решением на основе аналогии вариативного сочетания элементов, экспериментирования с изобразительными средствами и материалами [5]. В обучении композиции практически в каждом задании можно выявить проблемный характер, содержащий противоречие между поставленными целями и задачами и имеющимися знаниями, уровнем владения методами осуществления деятельности, между объектами окружающей действительности и ее художественно-образной интерпретацией, между возможностями формальных средств выражения и необходимостью смыслового раскрытия содержания задуманного произведения.

Одним из определяющих элементов процесса обучения композиции является анализ и оценка учебных работ, направленных на контроль состояния системы обучения и корректирование ее результативности. В.В. Давыдов указывает, что оценка выступает в виде содержательного качественного рассмотрения результатов усвоения в его сопоставлении с целью [6]. Это в свою очередь указывает на направления формирования шкалы оценки результатов деятельности студентов.

Своевременное выявление отстающих студентов и корректировка их деятельности возможны только в результате непрерывного текущего контроля. Эффективность передачи учебной информации требует установления непрерывной обратной связи, то есть постоянного получения сведений об уровне усвоения знаний, умений и навыков студента. Обратная связь осуществляется на основе ответов студентов, решения практических задач, наблюдений преподавателя, вопросов студентов. Среди основных функций обратной связи можно отметить: устранение рассогласованности между заданным и пред-

ставленным материалом, совершенствование процесса овладения знаниями, умениями и навыками, установление оптимальных методов, форм и средств организации и управления учебным процессом, контроль за решением поставленных задач. Совершенствование обратной связи требует осуществления систематического текущего контроля, определения его методов, форм и периодичности. При этом максимальная результативность учебного процесса обеспечивается при индивидуальной работе со студентом, так как обратная информация поступает непрерывно, а преподаватель может контролировать усвоение каждого элемента, понятия, каждой операции и дозировать подачу дальнейшей информации с учетом ее полного усвоения.

Данные, получаемые на основе непрерывной обратной связи, позволяют эффективно воздействовать на обучаемых: консультировать, направлять, давать дополнительные задания и упражнения, исправлять допущенные ошибки, устанавливать конкретные сроки отработки заданий, планировать следующие занятия. Опыт практической работы показывает, что при соответствующих условиях планирования, организации и проведения учебного процесса можно значительно повысить уровень подготовки учащихся по композиции. Для дальнейшего совершенствования учебного процесса по композиции необходимо:

- последовательное усложнение целей и задач учебного процесса по композиции с учетом уровня актуального развития обучаемых;
- создание комплексов наглядно-иллюстративных материалов, отражающих специфику изучаемых тем композиции и служащих ориентировочной основой для самостоятельных поисков студентов по композиции;
- формирование у студентов ясных и полных представлений о методах и приемах организации и осуществления самостоятельной работы, развитие способности к самоанализу и самооценке деятельности и ее результатов;
- формирование положительной мотивации к учению на основе укрепления взаимопонимания и сотрудничества между педагогом и учеником;
- достижение взаимосвязи эмоциональных, интеллектуальных и волевых компонентов деятельности при ведущей роли интеллектуальной деятельности;
- создание на занятиях благоприятных условий для творческого поиска, интеллектуальной инициативы, экспериментально-поискового изучения возможностей использования разнообразных методов, приемов и средств деятельности студентов;
- установление и обеспечение на всем протяжении обучения непрерывной обратной связи, совершенствование методов и форм контроля, управления композиционно-изобразительной деятельностью учащихся.

Опора на изложенные положения позволит совершенствовать планирование и организацию учебно-творческого процесса по композиции, определить наиболее эффективные методы, формы и средства развития композиционных способностей студентов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Чернышев, О.В.** Формальная композиция: Творческий практикум / О.В. Чернышев. – Минск: Харвест, 1999. – С. 6–17.
2. **Романенко, Л.Е.** Культурологическая теория изобразительного искусства как учебного предмета // Мастацкая адукацыя і культура. – 2008. – № 3. – С. 17–21.
3. **Стефановская, Т.А.** Педагогика: наука и искусство: курс лекций: учеб. пособие для студентов, преподавателей, аспирантов / Т.А. Стефановская. – М.: Совершенство, 1998. – С. 35–40.
4. **Махмутов, М.И.** Современный урок и пути его организации / М.И. Махмутов. – М.: Знание, 1975. – 64 с.

5. **Зимняя, И.А.** Педагогическая психология: учеб. пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – С. 268.
6. **Давыдов, В.В.** Лекции по педагогической психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Давыдов. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 105.

S U M M A R Y

Composition is one of the main disciplines in teaching the students of the Art-Graphic Faculty. The principal directions of improving planning, organization and realization of teaching composition to the students, which can be used in modern practice of instruction are revealed in the article. Some ways of increasing the affectivity of teaching composition, such as creating special courses for better learning theoretical and practical questions of composition, creating complexes of the illustrative materials reflecting specificity of studied themes of composition, definition of the norms of estimating the students' results, stimulating of composite-creative searches are shown.

Поступила в редакцию 6.10.2008

УДК 796.8

П.С. Васильков

Взаимосвязь силовой выносливости с техникой спортивной борьбы

Длительные наблюдения за ходом соревнований по спортивной борьбе различного уровня показывают, что уровень мастерства борцов значительно вырос. Это объясняется не только повышением тактико-технического мастерства спортсменов, функциональных возможностей их организма, но и применением новых эффективных методов тренировки.

Характерными чертами современной борьбы являются высокая плотность ведения поединка и его динамизм на протяжении всей схватки. Борцу приходится преодолевать постоянное сопротивление противника, что требует значительных мышечных усилий. К ним относятся захваты противника, удержание его в опасном положении, уходы, борьба за территорию ковра и все это за короткий промежуток времени.

Выполнение приемов спортивной борьбы связано с перемещением отдельных звеньев тела относительно как опоры, так и друг друга. Фактически эти движения являются вращательными с переменной угловой скоростью по строго заданному участку амплитуды. Так, в бросках прогибом отрыв противника от ковра сопровождается разгибанием ног с максимальным напряжением (концентрацией усилий) в начале движения, когда угол в коленном суставе равен 65–90°; разгибатели туловища максимально напряжены при суставном угле 68–80°; сгибатели плеча – при угле 87–99° и т.д. При отрыве противника от ковра в бросках наклоном концентрация усилий происходит в несколько иных положениях и характеризуется суставными углами: разгибатели ног – 65–80°, сгибатели плеча – 56–68° и т.д.

С учетом этих данных становится очевидной целесообразность воспитания способности концентрировать усилия тех или иных групп мышц на том участке, который способствует их наибольшему напряжению в техническом действии.

Экспериментальный материал показывает, что борцы высокого класса отличаются от борцов более низкой квалификации лучшим развитием силовой выносливости.

Выполнение серии экспериментов по изучению силовой выносливости позволило выдвинуть рабочую гипотезу: целенаправленное повышение уровня развития силовой выносливости будет способствовать повышению эффективности выполнения технических действий, качественному улучшению учебно-тренировочного процесса, приобретению спортивной формы и в конечном счете повысить результативность проведения как отдельных схваток, так и соревнований в целом.

Цель педагогического эксперимента заключалась в проверке эффективности средств и методов воспитания силовой выносливости.

По результатам определения исходного уровня развития силовой выносливости спортсменов были укомплектованы экспериментальная (1) и контрольная (2) группы по 15 человек в каждой с таким расчетом, чтобы различия между средними групповыми значениями показателей при контрольных упражнениях были статистически незначимыми.

В педагогическом эксперименте было занято 4 мастера спорта СССР, 18 кандидатов в мастера спорта и 8 спортсменов первого разряда. Средний возраст – 17,9 лет, средний стаж занятий борьбой 54 месяца, средний вес – 71 кг, средний рост – 171,5 см. В числе испытуемых было 10 борцов, специализирующихся по классической борьбе, 12 человек – по вольной борьбе, 6 – по борьбе дзюдо и 2 человека – по борьбе самбо.

Испытуемые обеих групп мало отличались друг от друга по возрасту, спортивному стажу, весу, росту и спортивной квалификации (табл.).

Таблица

Характеристика спортсменов экспериментальных групп

группа	Основные показатели испытуемых							
	Напол- няе- мость групп	Воз- раст (лет)	Спорт. стаж (мес.)	Рост (см)	Вес (кг)	Спортивная квалификация		
						мс	кмс	1 раз- ряд
1	15	17,9	55,2	171,4	70,9	2	9	4
2	15	18,1	56,4	171,5	71,1	2	9	4

Тренировочные занятия проводились 4 раза в неделю во время учебных занятий. Всего во время эксперимента со спортсменами было проведено 108 занятий.

В составе экспериментальных групп преобладали спортсмены в возрасте 17–18 лет (23 человека), 19–21 года – 6 человек и 22 лет – 1 человек.

Борцы обеих групп занимались по единой программе. Схемы построения и содержания тренировочных занятий в обеих группах были идентичны по объему и направлены на всестороннее повышение подготовленности борцов. Различия заключались лишь в том, что обучавшиеся в экспериментальной группе, завершая основную часть каждого занятия, выполняли комплексы специальных упражнений, направленных на повышение их силовой выносливости, в контрольной же группе такие упражнения не использовались.

Для контроля технических действий были избраны броски прогибом.

В работе с борцами группы 1 воздействие на специфические группы мышц осуществлялось при помощи разработанных: комплексов специальных

упражнений. Упражнения должны подбираться так, чтобы они соответствовали структуре технических действий. Это подтверждается принципом сопряженного воздействия, который сформулирован В.М. Дьячковым и основан на органической взаимосвязи двигательных качеств и навыков. Практически нужного эффекта можно добиться за счет использования технических действий или их экспериментов, выполняемых как в облегченных, так и в затрудненных условиях, а также путем выбора соответствующих поз, реализации различных целевых установок и т.д.

Следует заметить, что в спортивной борьбе выбор действий значительно усложняется тем, что в ходе поединка борцам приходится выполнять приемы не всегда из заранее обусловленных, стандартных положений. Комплексы для воспитания силовой выносливости состояли из 8–10 упражнений. Они выполнялись 2–4 раза с перерывами в 2–3 минуты и по круговой системе, в общей сложности занимали 40–50 минут. Количество повторений и интервалы отдыха зависели от самочувствия, индивидуальных особенностей и возможностей организма борцов. Спортсмены контрольной группы занимались по общепринятой методике, а иногда включали в учебно-тренировочный процесс спортивные игры.

Во время экспериментальной работы в группе 1 в течение всего указанного периода не предусматривалась и специально не проводилась работа по изучению и совершенствованию избранных контрольных технических действий.

Через каждые 3–4 недели занятий величина отягощений повышалась, так как в процессе тренировок возможности спортсменов растут и добиться одними и теми же отягощениями повышения силовой выносливости становится затруднительно.

Для сопоставления сдвигов в уровне силовой выносливости и качественных показателей технических действий в начале педагогического эксперимента и в конце его были проведены контрольные измерения.

Регистрировались следующие показатели: максимальная мышечная сила при сгибаниях и разгибаниях предплечья, плеча, бедра, голени, туловища и стопы; силовая выносливость при сгибании и разгибании предплечья, плеча, бедра, голени, туловища и стопы; реакция опоры при выполнении контрольных технических действий.

Моделью контрольных технических действий являлись броски чучела прогибом с захватом руки и туловища. Регистрация реакции опоры производилась на тензометрической платформе конструкции В.М. Абалакова. На этом же помосте регистрировались показатели времени подхода и отрыва чучела от ковра, а также усилия, развиваемые при отрыве чучела от ковра, по вертикальной составляющей опорной реакции.

Результаты измерений, проведенных перед началом педагогического эксперимента, показали, что между испытуемыми экспериментальной и контрольной групп нет значительных отклонений как по показателям уровня развития максимальной мышечной силы и силовой выносливости, так и по качественным показателям контрольных технических действий.

Математическая обработка данных подтвердила достоверность практической идентичности показателей в группах 1 и 2.

В конце педагогического эксперимента были проведены контрольные измерения в группах 1 и 2 по разработанной методике. Анализ повторных измерений показал, что в обеих группах произошли определенные сдвиги.

Средние показатели максимальной мышечной массы, силовой выносливости, а также качественные показатели контрольных технических действий в обеих группах улучшились, однако у борцов экспериментальной группы эти

показатели оказались выше, чем в контрольной, что, несомненно, явилось следствием целенаправленной работы.

В связи с тем, что группы 1 и 2 составлялись из спортсменов-разрядников, которые до начала эксперимента тренировались по обычным методикам, была проведена проверка достоверности полученных данных. С этой целью между группами 1 и 2 был рассчитан критерий нормального отклонения. В результате получены данные, достоверно отличающиеся между собой.

Выше уже говорилось, что с ростом спортивного мастерства борцов улучшаются и исследуемые нами показатели, результаты педагогического эксперимента подтвердили справедливость этого положения, так как за период обучения в обеих экспериментальных группах были зафиксированы положительные сдвиги в динамике выполнения приемов. Однако среднегрупповой прирост в группе 1 оказался выше, чем в группе 2.

Анализ среднегруппового прироста показателей максимальной мышечной массы у борцов экспериментальных групп доказывает, что наиболее значительные сдвиги в развитии этого качества оказались у спортсменов группы 1. Так, прирост мышечной силы у сгибателей предплечья оказался равным 3,1 кг (8,56%), а разгибателей предплечья – 3,8 кг (12,84%), сгибателей плеча – 7,1 кг (17,66%), разгибателей плеча – 4,2 кг (8,52%), сгибателей туловища – 3,9 кг (5,35%), разгибателей туловища – 19,2 кг (13,2%), сгибателей стопы – 11,1 кг (11,25%), разгибателей стопы – 2,2 кг (6,98%), сгибателей голени – 13 кг (20,54%), сгибателей бедра – 2,1 кг (6,92%), разгибателей бедра – 20,4 кг (17,33%).

При сопоставлении сдвигов средних данных в группе 2 за экспериментальный период видно, что мышечная сила здесь увеличилась незначительно. Максимальная сила сгибателей туловища повысилась на 1,9 кг (2,6%), разгибателей туловища – 3,04 кг (2,08%), разгибателей стопы – 2,4 кг (2,42%), разгибателей голени – 2,1 кг (3,24%), сгибателей бедра – 1,1 кг (2,96%), разгибателей бедра – 5,2 кг (4,37%). В остальных мышечных группах этот прирост измерялся в граммах, т.е. практически отсутствовал. Более заметный прирост средних показателей данной группы, по всей вероятности, явился результатом учебно-тренировочной работы, проведенной в экспериментальный период.

Выше также было показано, что с ростом мастерства борцов улучшаются и показатели силовой выносливости. Данные, полученные в результате педагогического эксперимента, подтвердили справедливость этого положения, так как за период обучения в обеих группах были зафиксированы положительные сдвиги в подобном показателе. С целью подтверждения достоверности различий между группами 1 и 2 был рассчитан критерий нормального отклонения ($t = 3,52$ при $p < 0,01$).

Итоги педагогического эксперимента подтвердили, что включение специальных упражнений в учебно-тренировочный процесс борцов приводит к улучшению силовой выносливости мышечных групп.

Данные педагогического эксперимента показывают, что эффективность использования средств и методов, предлагаемых в педагогическом эксперименте, результативнее традиционно принятых.

В группе 1 показатели силовой выносливости сгибателей предплечья увеличились на 42,9 относительных единиц (29,87%), а в группе 2 всего на 1,0 (0,71%). Выносливость разгибателей предплечья повысилась у группы 1 на 12,5 (9,95%). В то время как у группы 2 лишь на 0,11 (0,09%). Показатель силовой выносливости сгибателей плеча в контрольной группе равен 11,1 (4,28%), а у борцов экспериментальной группы он составляет 44,2 (29,84%). Выносливость разгибателей плеча в группе 1 увеличилась на 19,6 (7,93%), у группы 2 – на 0,9 (0,35%). Наибольший прирост силовой вы-

носливости произошел за экспериментальный период в группе 1 у разгибателей туловища и составил 245,9 (26,12%), а в процентном отношении наибольший прирост наблюдается у разгибателей голени – 34,42 (108,15%). Эти же показатели силовой выносливости у аналогичных мышечных групп группы 2 составляют соответственно 31,2 (3,37%) и 34,33 (10,43%). Силовая выносливость сгибателей туловища, голени и бедра в экспериментальной группе возросла на 31,05 (8,67%), 4,58 (5,29%) и 6,65 (4,2%), а в аналогичных мышцах контрольной группы увеличилась соответственно на 4,1 (1,06%), 0,22 (0,23%) и 1,2 (0,83%). Показатели разгибателей стопы и бедра в группе 1 увеличились на 5,43 (3,42%) и 131,03 (20,43%), в группе 2 – 1,05 (0,63%) и 20,8 (3,4%).

Сдвиги показателей силовой выносливости в группе 1 для всех обследованных движений оказались статистически достоверными при высоком уровне значимости ($p < 1\%$). В группе 2, несмотря на положительные среднегрупповые сдвиги, только в пяти случаях выявлены статистически значимые – сгибатели плеча, стопы и разгибатели туловища, голени и бедра. Во всех остальных мышечных группах увеличение выносливости не имеет достоверных различий.

Во время проведения эксперимента мы акцентировали внимание на развитии выносливости не всех мышечных групп, а только сгибателей предплечья и плеча, разгибателей туловища, голени и бедра. В этих мышечных группах произошли и наибольшие сдвиги как в относительных единицах, так и в процентном отношении. Следует отметить и тот факт, что в остальных мышечных группах также произошли достоверные сдвиги. Тем самым подтверждается положение о том, что в процессе тренировки мышечные группы развиваются не изолированно, а в органической совокупности. Наибольшее повышение силовой выносливости было отмечено в тех мышечных группах, которые подверглись наибольшему воздействию в процессе педагогического эксперимента. Это подтверждает правильность методики, выбранной для развития данного качества.

В педагогическом эксперименте нашло подтверждение и то наше положение, что мышечные группы, обладающие большей силой, превосходят остальные группы и в приросте мышечной выносливости. Данные эксперимента выявили это превосходство как в относительных единицах, так и в процентном отношении. К таким мышечным группам в первую очередь следует отнести разгибатели туловища, бедра и голени, сгибатели стопы.

Таким образом, использование в экспериментальной группе комплекса упражнений, специально разработанных для педагогического эксперимента, привело к положительным сдвигам как показателей силовой выносливости мышечных групп, так и их максимальной силы.

Высказанное нами ранее положение о положительном влиянии мышечной выносливости на спортивную технику нашло подтверждение в педагогическом эксперименте. Выявлено, что в обеих исследуемых группах произошли положительные сдвиги в показателях контрольных технических действий. Так, в контрольных технических действиях как в одной, так и другой группе улучшились показатели латентного времени, времени подхода и силы отрыва.

В экспериментальной группе латентное время уменьшилось на 41,16 мкс (16,92%), а в контрольной – на 15,3 мкс (6,19%). Больше всего улучшились показатели времени подхода и времени отрыва. Они составили в группе 1 соответственно 82,69 мкс (28,38%) и 77,85 мкс (22,42%), а у борцов контрольной группы – 28,82 (10,95%) и 33,19 мкс (10,02%). Сила отрыва чучела в экспериментальной группе увеличилась на 11,03 кг (9,09%) и лишь на 1,91 кг (1,56%) – в контрольной.

Подтверждением достоверности сдвигов в экспериментальной группе является их статистический анализ в контрольных технических действиях, который показывает, что в этой группе спортсменов сдвиги являются закономерными и статистически достоверными ($p < 1\%$).

В контрольной группе борцов за время проведения эксперимента статистически достоверными были показатели силы и выносливости мышечных групп в пяти случаях, но при изучении контрольных технических действий таких показателей не было обнаружено, хотя предпосылки к этому имелись (время выполнения приема сократилось, и процент прироста был налицо).

Подтверждением того, что силовая выносливость тесно взаимосвязана со спортивным результатом, является тот факт, что в экспериментальный период в группе 1 два спортсмена выполнили норматив мастера спорта и четыре – кандидата в мастера спорта. В группе 2 только три борца выполнили норматив кандидата в мастера спорта.

Таким образом, проведенный педагогический эксперимент доказал справедливость выдвигаемого положения о том, что применение средств и методов, направленных на воспитание силовой выносливости борцов, приводит к повышению качества технических действий спортивной борьбы и улучшению спортивного результата.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Абалаков, В.М.** Приборы для динамометрических и динамографических исследований / В.М. Абалаков / В кн.: Материалы всесоюзной конференции по изобретательству и применению различной аппаратуры в области спорта. – М., 1966. – С. 31.
2. **Дьячков, В.М.** Совершенствование технического мастерства спортсменов / В.М. Дьячков. – М.: Физкультура и спорт, 1972. – 231 с.
3. **Васильков, П.С.** Влияние статической выносливости на результаты в вольной борьбе / П.С. Васильков // Материалы международной научно-практической конференции «Формирование здорового образа жизни, организация физкультурно-оздоровительной работы с населением». – Витебск, 2007. – С. 223–224.

S U M M A R Y

The development of the power endurance at wrestlers contributes to the improvement of sporting results.

Поступила в редакцию 18.10.2008

В.І. Несцяровіч

Транслітарацыя беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом^{*}

У першай частцы аўтарам гэтай публікацыі абгрунтоўвалася спроба транслітарацыі арабскаалфавітных рукапісаў XVII–XIX стст. з выкарыстаннем элементаў фанетычнай транскрыпцыі [1]. Такі падыход дазваляў дэманстраваць каларыт тагачаснай жывой народна-дыялектнай мовы, якая складае моўную аснову кітабаў XVII–XIX стст. Зразумела, што такая сістэма, зручная для шырокай чытацкай аўдыторыі, не можа быць прыменена пры строгім навуковым падыходзе, паколькі пазбаўляе спецыялістаў дадатковых звестак аб графіка-арфаграфічным афармленні манускрыптаў і тым самым ускладняе правядзенне этымалагічных або ідэнтыфікацыйных назіранняў. Мэта другой часткі публікацыі заключаецца не толькі ў карэкціроўцы транслітарацыі з элементамі фанетычнай транскрыпцыі (аўтар ад гэтай ідэі не адмовіўся), але і ў абмеркаванні некаторых праблем, якія абазначыліся ў кітабістыцы ў апошнія гады ў сферы транслітарацыі арабскаалфавітных тэкстаў.

Здавалася б, пасля апублікавання манаграфіі Антона Антановіча [2] пытанне адносна транслітарацыі арабскаалфавітных рукапісаў, створаных татарскімі капіістамі ў XVII–XIX стст., павінна было б лічыцца вырашаным. Зрэшты, так яно і ёсць. Рускі алфавіт на кірылічнай аснове быў істотна дапоўнены А. Антановічам дадатковымі пад- і надрадкавымі сімваламі з мэтай «захавання ўсіх асаблівасцей арфаграфіі арыгінала» [2, с. 183]. Нават калі пакінуць убаку нязначныя ўдакладненні, выказаныя іншымі аўтарамі ў адрас транслітарацыйнай сістэмы (далей – ТС) А. Антановіча, усё роўна яна добра перадае самабытнасць любога арабскаалфавітнага тэксту і дазваляе вырашаць многія навуковыя задачы.

Іншая справа – вывучэнне тэкставай (змястоўнай) і моўнай (граматычнай, лексічнай) асновы манускрыптаў. Патрэба ў транслітарацыі, дзе кожнаму арабскаму знаку або комплексу знакаў адпавядае асобная кірылічная літара, у тым ліку і мадыфікаваная, адпадае. У гэтым выпадку даследчыкамі выкарыстоўваецца спрошчаны варыянт, што цалкам абгрунтавана. Спрашчэнне, як сведчаць апублікаваныя матэрыялы, закранула перадачу і галосных, і зычных, але неабходны мінімум інфармацыі аб графічнай аснове манускрыптаў пры гэтым захоўваецца. Можна, у прынцыпе, пагадзіцца з варыянтам такой уніфікаванай ТС, якую прымяніла Галіна Мішкінене да рукапісу XVII ст. [3]. Праўда, тут трэба адзначыць, што спрошчаная транслітарацыя прымяняецца даследчыцай да таго манускрыпта, графіка і арфаграфія якога ўжо ў навуковай літаратуры вывучана, таму патрэбы ў падрабязнай перадачы графічнага афармлення і не было. І другое. Спрошчаная транслітарацыя, якую Г. Мішкінене прапанавала ў 1991 г., у пазнейшых публікацыях была крыху скарыктавана даследчыцай у бок асноўнай, пашыранай ТС «па Антановічу»

^{*} Частка 2.

(напрыклад, камбінацыя *аліф* + *мадда* перадаецца літарай з дадатковым сімвалам *ā* і інш.), што зразумела: улічвалася спецыфіка канкрэтнага арабска-алфавітнага рукапісу [4]. Але справа не ў гэтым. Графіка-арфаграфічнае вывучэнне арабскаалфавітнай літаратуры, па вялікім рахунку, з’яўляецца паспяхова пройдзеным этапам сучаснай кітабістыкі. Па гэтай прычыне пошук прымальнай уніфікаванай транслітарацыі будзе ўсё часцей і больш настойліва заяўляць пра сябе, паколькі на першы план будуць выходзіць іншыя навуковыя задачы, якія надзейна і аб’ектыўна могуць вырашацца і пры выкарыстанні менавіта спрошчанай транслітарацыі. Дададзім толькі да гэтага – у тым ліку і з выкарыстаннем прынцыпаў фанетычнай транскрыпцыі, пра што ніжэй. І ўсё ж нават пры розных варыянтах канверсіі транслітараваных тэксты – умоўныя з пазіцыі іх гукавага афармлення.

Транслітуюцца арабскаалфавітныя тэксты таксама і лацінскімі літарамі. Як і ў выпадку з кірылічнымі, аўтары вымушаны былі мадыфікаваць і іх. Письмовая свабода, дараваная капіістам арабскім пісьмом, нарадзіла вялікую колькасць графічных варыянтаў; сродкаў для іх канверсацыі ні ў кірылічным, ні ў лацінскім алфавітах не хапіла. Паслядоўна карыстаюцца ТС з выкарыстаннем лацінскага пісьма Чэслаў Лапіч (Рэспубліка Польшча), Пауль Сутэр (Швейцарыя), Міхаіл Тарэлка (Рэспубліка Беларусь) і інш. У чым прынцыповая перавага ТС на аснове лацініцы над ТС А. Антановіча? Прынцыповай перавагі няма. Зрэшты, першапачаткова ні кірыліца, ні лацініца (у польскім або ў іншым варыянце) у перадачы арабскаалфавітных тэкстаў перавагі адна перад другой не маюць. Выбар адной з іх, па вялікім рахунку, з’яўляецца справай густу, этнічнага або патрыятычнага выяўлення, зручнасці і пад. Іншая справа, што і ў аўтараў, якія прытрымліваюцца канверсіі на лацінскае пісьмо, і ў аўтараў, якія карыстаюцца мадыфікаваным рускім або беларускім алфавітам, няма поўнага адзінства ў падыходах: адна і тая графічная або моўная з’ява ў розных аўтараў можа атрымліваць рознае афармленне ў межах аднаграфічнай ТС. У гэтым уся і справа. Напрыклад, у названых і вельмі аўтарытэтных аўтараў сродкамі лацінскага пісьма па-рознаму перадаецца арабская літара *ك* *кяф*, *фатха* – як *e* або як *a* і інш. [5–6]. Тым часам даследчыкі павінны быць упэўнены ў аднастайнасці перадачы арабскіх графічных знакаў. Можна ў гэтай сувязі выказацца аб прывядзенні да аднастайнасці абазначэнняў унутры кожнай аднаграфічнай (кірылічнай і лацінскай) транслітарацыйнай сістэмы. Але такое рашэнне палягае ў вобласці аўтарскіх перакананняў і волевыяўленняў.

Што датычыцца выкарыстання ў практыцы дзвюх графічных сістэм транслітаравання арабскіх манускрыптаў, то і кірыліца, і лацініца маюць на гэта права ў роўнай меры, паколькі самадастаткова праяўляюць сябе ў якасці сродкаў канверсіі. Нармалізатарства ў гэтым выпадку не будзе карэктным. Прапанова «развесці» гэтыя дзве сістэмы і прымяняць кірылічную «па Антановічу» для арабскаалфавітных тэкстаў XVI–XVII стст., напісаных «у асноўным па-старабеларуску», а лацінскую «па Лапічу» – для тэкстаў XVIII–XIX стст., «у якіх пераважае польская мова» [7], не можа быць падтрымана.

Справа не толькі ў тым, што з XVI ст. няма ніводнага арабскаалфавітнага рукапісу і для транслітарацыі кірыліцай астаецца толькі адно стагоддзе. Справа яшчэ і ў тым, што арабскаалфавітная спадчына XVIII–XIX стст. розная па жанрах, а ў залежнасці ад гэтага – і па моўнай аснове. Тафсіры, напрыклад, напісаны крэсавым варыянтам польскай мовы з субстратнай беларускай прысутнасцю, прычым у рознай ступені на розных старонках [6, с. 308 і наст.]. Мова хамаілаў – часта «крэсавая», але і беларускія тэксты маюць месца. У кітабах XVIII–XIX стст., наадварот, дамінуе тагачасная беларуская народна-дыялектная мова. Пры гэтым назіраюцца, асабліва ў рукапісах XIX

ст., дыялектныя насленні, у тым ліку ўзаемавыключальнага характару з пазіцыі іх распаўсюджанасці і бытавання, што сведчыць пра неаднаразовае перапісванне кітабаў або/і магчымае фарміраванне новай копіі з розных крыніц. Акрамя таго, фіксуецца нямаюча граматычных форм, уласцівых старабеларускаму кірылічнаму пісьменству ранейшых эпох, што сведчыць пра ўплыў апошніх на пісьмовую практыку папярэдніх татарскіх кніжнікаў. У напрамку да сярэдзіны XIX ст. колькасць польскамоўных тэкстаў і ўставак у кітабах павялічваецца, але не з'яўляецца ні рашаючай, ні нават значнай у адносінах да беларускамоўнай асновы. Бясспрэчнае выключэнне складаюць асобныя невялікія кітабы, у прыватнасці невялікі па аб'ёме Кітаб 1868 г., напісаны Аляксандрам Хасяневічам на крэсавай польскай мове, беларускіх тэкстаў тут мала. У астатнім жа мы маем кітабы, у якіх беларуская мова пераважае.

Тым часам Г. Мішкінене, карыстаючыся кірылічнай транслітарацыяй, апублікавала тры тэксты пачатку–сярэдзіны XVII ст. з каментарыем і перакладам на рускую і літоўскую мовы [7, с. 43]. Можна будзе толькі пашкадаваць, калі тэксты XVIII ст., якія знаходзяцца ў Вільнюскіх бібліятэках, Галіна Анто-наўна апублікуе ў іншай канверсійнай сістэме, адмовіўшыся ад апрабраванай кірылічнай.

Зразумела, транслітарацыя ёсць чыста тэхнічны прыём пераводу адной графікі ў другую, чым і абумоўлены яе штучны характар. Такі характар маюць і заснаваныя на кірыліцы і лацініцы транслітарацыйныя сістэмы, што прымяняюцца да арабскаалфавітных тэкстаў. Аднак любая транслітарацыя не павінна быць настолькі штучнай, каб з самага пачатку не прадугледжваць і не меркаваць самага прачытання тэкстаў. А між тым любая ТС мае на мэце зрабіць даступнымі недасягальныя для шырокай навуковай (і не толькі) грамадскасці тэксты. Вось чаму ў кожнай ТС аглядка на вымаўленне, гэта значыць на гукавы бок слова, павінна мець калі не рашаючае, то прыкметнае значэнне. Калі да існуючых сістэм, і асабліва да ТС А. Антановіча, дадаць большай магчымасці «прасвечваць» гучанне, то філалагічная каштоўнасць арабскаалфавітнай спадчыны значна ўзрасце. Транслітараваныя тэксты з захаваннем сістэмы А. Антановіча ў звязку з элементамі фанетычнай транскрыпцыі стануць больш даступныя. Арабскае пісьмо і творчае прымяненне яго татарскімі кніжнікамі даюць нам магчымасць на пісьме адлюстраваць бясспрэчныя фанетычныя рысы беларускай мовы. Транскрыпцыю можна выкарыстаць у бясспрэчных фаналагічных выпадках, якія надзейна адлюстроўваюцца арабскім пісьмом. Такімі, напрыклад, з'яўляюцца: а) мяккі характар зычных *з', с', дз', ц'*, якія на пісьме перадаюцца асобнымі ў адрозненне ад іх цвёрдых варыянтаў літарамі, б) цвёрдасць шыпячых, афрыкат *дж, ц*, зычнага *р*, якія ў беларускай мове зацвярдзелі к канцу XVI ст. Менш аб'ектыўных даных можа быць пры транскрыпцыі этымалагічна мяккіх зычных, мяккасць якіх арабскімі літарамі не перадаецца. Але і тут у пераважнай большасці выпадкаў можна прымяняць яе да той мяжы, пакуль мяккасць або цвёрдасць распазнаецца ў адпаведнасці з сучаснай дыстрыбуцыяй. У тым выпадку, калі характар зычнага паводле мяккасці-цвёрдасці гарантавана не ўстанаўліваецца, прымяняецца сістэма транслітарацыі «па Антановічу». Можна сфармуляваць наступныя правілы прымянення ТС А. Антановіча з адначасовым выкарыстаннем элементаў фанетычнай транскрыпцыі (пашыраны варыянт).

1. Сістэма транслітарацыі А. Антановіча захоўваецца цалкам.

2. Дадаткова перадаюцца наступныя фанетычныя з'явы і асаблівасці:

а) асіміляцыйная мяккасць зычных *з', с', дз', ц'* з дапамогай літары *ь* (мяккі знак): *радасьць, сьмех, дзьверы, цьвік*. Пры гэтым мяккасць наступнага зычнага (яна не выклікае ніякага сумнення) абазначаецца напісаннем ётаванай галоснай або мяккага знака;

б) мяккія і цвёрдыя зычныя перадаюцца на пісьме ў адпаведнасці з сучаснай дыстрыбуцыяй сучаснымі графічнымі сродкамі. Першыя абазначаюцца напісаннем пасля іх літары ь (мяккі знак) і ётаваных і, е, ё, ю, я (напрыклад, так запісваюцца *дз, ц* у інфінітывах, імператыўных формах, абстрактных назоўніках III сучаснага скланення: *чытаць, сядзь, вернасьць*), другія – наступным напісаннем літар а, о, у, ы, э (напрыклад, так афармляюцца словы з зацвярдзелымі шыпячымі, *р, ц, дж*: *шэры, цэлы, Джэбраїл*). Гэта дасць магчымасць размяжоўваць такія выпадкі, як *дна – дня, быў – біў, маса – мяса, порамі – пёрамі* і пад., а словы нахштальт *агну, гуланнем, людзі* атрымаюць карэктнае афармленне – *агну, гуланнем, людзі*. У выпадку, калі мяккасць або цвёрдасць зычнага не вызначаецца, прымяняецца ТС «па Антановічу»;

в) злучнік і транслітаруецца літарай і, а злучнік а і пачатковы а ва ўсіх выпадках, і нават тады, калі запісаны камбінацыяй *айн + фатха*, – літарай а¹, а не літарай е, якая ў адпаведных фанетычных умовах можа быць прачытана як [йе];

г) онімы ўсходняга паходжання транслітаруюцца ў адпаведнасці з сучасным вымаўленнем: *Іса, Йсуф, Муса* і пад.;

д) літара *ваў* ۋ у пазіцыі пасля галоснага перад зычным або на канцы слова транслітаруецца літарай ў: *жоўты, стаяў*.

Ніжэй мы прапануем *спрошчаны* варыянт транслітарацыі з выкарыстаннем элементаў фанетычнай транскрыпцыі на аснове беларускага алфавіта (гл. табліцу). Гэты варыянт, за рэдкім выключэннем, супадае з прапанаваным Галінай Мішкінене [3]. Адрозненні датычацца транслітарацыі галосных – яны перадаюцца без дадатковых значкоў; літара *гайн* ħ транслітаруецца як г^к, а літара *заль* ڭ гэтак жа, як і *зайн* ڭ, – літарай з^к. Правілы адлюстравання *фанетычных* з’яў аднолькавыя, як і пры пашыраным варыянце транслітарацыі (гл. пункт 2).

Табліца

Парадкавы №	Графічныя формы арабскіх літар				Гукавое значэнне	Транслітарацыйныя знакі
	Канцавая	Сярэдзінная	Пачатковая	Адасобленая		
1.	ب	ب	ب	ب	б	б
2.	و	و	و	و	в, ў	в, ў
3.	ا	ا	ا	ا	г	г
4.	غ	غ	غ	غ	г ^к	г ^к
5.	د	د	د	د	д	д
6.	ج	ج	ج	ج	дж	дж
7.	ذ	ذ	ذ	ذ	дз ¹	дз
8.	ژ	ژ	ژ	ژ	ж	ж
9.	ض	ض	ض	ض	з	з
10.	ظ	ظ	ظ	ظ	з	з
11.	ز	ز	ز	ز	з ¹	з ¹
12.	ذ	ذ	ذ	ذ	з ¹	з ¹
13.	ي	ي	ي	ي	й	й
14.	ق	ق	ق	ق	к	к
15.	ك	ك	ك	ك	к ¹	к ¹
16.	ل	ل	ل	ل	л	л

¹ Чаму б і не? Фатхай у арабскай мове абазначаецца кароткі [а], беларускай мове даўжыня і кароткасць галосных не ўласціва.

17.	م	م	م	م	М	М
18.	ن	ن	ن	ن	Н	Н
19.	پ	پ	پ	پ	П	П
20.	ر	ر	ر	ر	Р	Р
21.	ص	ص	ص	ص	С	С
22.	ث	ث	ث	ث	С'	С
23.	س	س	س	س	С'	С
24.	ش	ش	ش	ش	Ш	Ш
25.	ط	ط	ط	ط	Т	Т
26.	ت	ت	ت	ت	Т	Т
27.	ف	ف	ف	ف	Ф	Ф
28.	ح	ح	ح	ح	Х	Х
29.	خ	خ	خ	خ	Х	Х
30.	ص	ص	ص	ص	Ц', Ц	Ц
31.	چ	چ	چ	چ	Ч	Ч
32.	ش	ش	ش	ش	Ш	Ш
33.	ع	ع	ع	ع	—	—
34.	ل	ل	ل	ل	—	—
35.		ء	ء		—	'

Ніжэй прыводзіцца ўрывак з Кітаба Абрагіма Хасяневіча (1832) з выкарыстаннем скарэктаванай сістэмы транслітарацыі з элементамі фанетычнай транскрыпцыі ў пашыраным (1) і спрошчаным (2) варыянтах:

(1) *аднаго дня іса прарок яго мілосьць ласка божэ над нім да маткі свайей мувіл і матка мне мувіл джэбра'іл што гэты сьвет мешкане дачаснае ёст прэто гэты сьвет занехайма 'э на там той сьвет векоісты стараймае так да маткі мувіл то нам лепей бўдзе* (91a24–91b3).

(2) *аднаго дня іса прарок яго мілосьць ласка божэ над нім да маткі свайей мувіл і матка мне мувіл джэбра'іл што гэты сьвет мешкане дачаснае ёст прэто гэты сьвет занехайма а на там той сьвет векоісты стараймае так да маткі мувіл то нам лепей будзе* (91a24–91b3).

Зробім некаторыя падагульненні.

1. І кірыліца, і лацініца могуць у роўнай ступені з аднолькавым поспехам быць сродкам транслітарацыі арабскаалфавітных манускрыптаў незалежна ад часу ўзнікнення апошніх.

2. У публікацыях, колькасць якіх істотна павялічылася ў апошні час, няма аднастайнасці і адзінства ў перадачы арабскіх графічных знакаў як сродкамі лацінскага пісьма, так і кірылічнага.

3. Выкарыстанне «поўнага» і «спрошчанага» варыянтаў транслітарацыі, напрыклад з выкарыстаннем кірыліцы, магчымае. Гіпатэтычна ў кожнага з іх можа быць свая матывацыя да выкарыстання, абумоўленая характарам навуковых задач.

4. З мэтай дэманстрацыі гукавой спецыфікі тагачаснай мовы ў кожнай ТС (спрошчанай або пашыранай) могуць быць выкарыстаны элементы фанетычнай транскрыпцыі. Пры гэтым не запатрабуецца ў кожнай публікацыі ўзнаўляць тлумачэнне прынцыпаў транслітарацыі і прымяняць табліцу ўмоўных абазначэнняў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Несцяровіч, В.І.** Транслітарацыя беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом. Частка 1 / В.І. Несцяровіч // Веснік ВДУ. – 2002. – № 3. – С. 63–69.

2. **Антонович, А.К.** Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система / А.К. Антонович. – Вильнюс, 1968. – 417 с.
3. **Мишкинене, Г.А.** К проблеме транслитерации китаба ЛУ-893 / Г.А. Мишкинене // Языкознание. – 1991. – № 42(2). – С. 64–69.
4. **Мишкинене, Г.А.** Тема ислама на страницах рукописей литовских татар / Г.А. Мишкинене // Мечети и мизары татар Беларуси, Литвы и Польши: к столетию второй Минской мечети: материалы VII Международной науч.-практ. конф. – Новгород, 2003. – С. 169–178.
5. **Тарэлка, М.** Тэкст суфійскага паходжання з беларуска-татарскага хамаіла / М. Тарэлка, І. Сынкова // Актуальныя праблемы паланістыкі. – 2005. – С. 29–54.
6. **Suter, P.** Alfurkun Tatarski: Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir / P. Suter. – Böhlau Verlag Köln Weimar Wien, 2004. – 555 p.
7. **Мишкинене, Г.А.** Проблемы археографических исследований в области татаристики / Г.А. Мишкинене // Тюркские народы в истории Беларуси. Часть 2: Книжность тюркских народов Беларуси: материалы IX Международной науч.-практ. конф. – Минск, 2005. – С. 42–43.

S U M M A R Y

The application of transliteration with the elements of phonetic transcription on the basis of Cyrillic in Arabic alphabetical texts (XVIII–XIX centuries) ensures the acceptance of additional phonetic characteristics of the Byelorussian language of that time and simplifies the understanding of the text by broad scientific community. It is possible to use transliteration systems with a maximum or minimum modification of alphabets on the Cyrillic or Latin ground.

Поступила в редакцию 17.10.2008

УДК 801.7

О.Н. Кулиева

Специфика и типы диалогических отношений в драматургических произведениях

Диалог – это наиболее естественная и широко распространенная форма речевой деятельности. Он затрагивает все сферы жизни, все уровни взаимодействия людей – от межличностных до международных. В последние годы появилось новое слово «диалогика» – пока еще не зафиксированное в словарях название науки, занимающейся исследованием диалогического общения вообще [1].

Будучи одной из форм существования языка, диалог является едва ли не самой важной областью проявления языковых закономерностей. «Только в диалоге в полной мере обнаруживается сущность языка», – утверждал М. Хайдеггер [2]. Исследования строения и функционирования языковой системы полностью подтверждают это мнение. Диалог – это конкретное воплощение языка в его специфических средствах, форма речевого общения, сфера проявления речевой деятельности человека, а если брать шире – форма существования языка. Еще Л.П. Якубинский писал, что «язык есть разновидность человеческого поведения. ...Диалогическая форма способствует протеканию речевой деятельности в порядке простого волевого действия, вне обдумывания и отбора, она способствует умалению значения речевых элемен-

тов в общем порядке взаимодействия и протекания речи вне контроля внимания и сознания, и что она лучше всего выполняется при наличии привычности речевых элементов» [3]. Из положения о том, что диалог – явление сложное и многоаспектное, вытекает и множество проблем, которые решает современная лингвистика. Наиболее важные из них – анализ речевой структуры, возникающей в результате говорения, выяснение условий возникновения и протекания диалогической речи. Эти аспекты изучения диалога тесно переплетаются между собой. В то же время в современной лингвистической науке трудно назвать область, в которой в той или иной связи не рассматривался бы диалог как специфическое языковое явление. Так, диалог является одним из объектов изучения в стилистике, синтаксисе, лингвистике текста.

В последние десятилетия достижения социо-, прагма- и психолингвистики дают возможность по-другому взглянуть на традиционные и давно изученные вопросы теории диалога, расширяют и углубляют понимание диалогичности как принципа мышления. Проблемы изучения диалога оказываются в кругу вопросов, связанных с описанием общественной функции языка.

В особом изучении нуждается и специфика диалогических отношений. В соответствии с разной трактовкой диалога по-разному определяются и отношения между его участниками. Специфичность диалогических отношений состоит в том, что их нельзя свести к чисто логическим или к чисто лингвистическим. Такие отношения возможны только между целыми высказываниями различных субъектов речи. Диалогические отношения предполагают наличие языка, так как «там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений», но в системе языка они отсутствуют, поскольку между элементами языка они невозможны, как невозможны между предметами или логическими величинами. Универсальность диалогических отношений в том, что они пронизывают не только человеческую речь, но и всю человеческую жизнь.

В данной статье предпринимается попытка систематизации диалогических отношений. Основным критерием нашей классификации является хронотоп, под которым мы понимаем единство пространственных и временных координат коммуникантов. В результате анализа мы пришли к выводу, что все диалогические отношения можно разделить на две группы: *намеренные* и *ненамеренные*. *Намеренные диалогические отношения* – это такие отношения, при которых происходит прямой контакт между говорящими, вступающими в общение специально, намеренно и с определенными коммуникативными целями и задачами. В группе намеренных диалогических отношений мы выделяем *реальные* и *нулевые*.

Реальные диалогические отношения, которые выделял и М.М. Бахтин [4], являются наиболее простыми и наглядными и представляют собой типичный диалог, который состоит из целевых высказываний или обменов репликами между реальными субъектами – авторами этих высказываний. Говорящие, вступившие в реальные диалогические отношения, общаются непосредственно друг с другом, в процессе общения выражают свои точки зрения без ссылок на других участников диалога; при этом их пространственные и временные координаты статичны, то есть неподвижны, неизменны. Примером диалога, отражающим реальные диалогические отношения, может служить следующий разговор между героями пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных» Владимиром Робертовичем Тальбергом и его женой Еленой:

«Елена. *Кто там?*

Голос Тальберга. *Я, я. Открой, пожалуйста.*

Елена. *Слава Богу! Где же ты был? Я так волновалась!*

Тальберг (входя). *Не целуй меня, я с холоду, ты можешь простудиться.*

Елена. *Где же ты был?*

Тальберг. *В германском штабе задержали. Важные дела.*

Елена. *Ну иди, иди скорей, грейся. Сейчас чай будем пить»* [5].

Выделение реальных диалогических отношений характерно для традиционной лингвистики при узком понимании диалога.

Но в группе намеренных диалогических отношений можно выделить более сложные по своей коммуникативно-семантической структуре отношения. Вслед за М.М. Бахтиным мы называли их *нулевыми* [4, с. 496]. С одной стороны, они не выходят за рамки отношений между репликами реального диалога, но если в диалоге объективно, ирреально присутствует некто третий, чья точка зрения раскрывается в ходе диалога, то несомненно, что этот субъект вступает в особого рода диалогические отношения с говорящими, хотя и находится в разных хронотопах с главными действующими лицами диалога. Например, в следующем диалоге из той же пьесы М.А. Булгакова в нулевых диалогических отношениях находится со всеми героями учитель пения:

«Николка. ...*Леночка, а Леночка! Как, по-твоему, есть у меня голос?* Елена (из своей комнаты.) *У кого? У тебя? Нету никакого.*

Николка. *Это она расстроилась, потому так и отвечает. А между тем, Алеша, мне **учитель пения** говорил: «Вы бы, говорит, Николай Васильевич, в опере, в сущности, могли петь, если бы не революция».*

Алексей. *Дурак твой учитель пения.*

Николка. *Я так и знал. Полное расстройство нервов в турбинском доме...»* [5, с. 6–7].

Нулевые диалогические отношения проявляются там, где один из говорящих в той или иной степени стремится заявить, утвердить свою точку зрения и в то же время проверить ее чужим мнением, чужим словом. В этом отношении весьма характерна сцена из первого акта пьесы М. Горького «На дне»:

«Актер (громко, как бы вдруг проснувшись). *Вчера, в лечебнице, **доктор** сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...*

Сатин (улыбаясь). *Органон...*

Актер (настойчиво). *Не органон, а ор-га-...низм...*

Сатин. *Сикамбр...*

Актер (машет на него рукой). *Э, вздор! Я говорю – серьезно... да. Если организм – отравлен... значит, – мне вредно мести пол... дышать пылью...»* [6].

Данный пример примечателен еще и тем, что в нем сталкиваются диалог внешний и внутренний, «свои» и «чужие» слова. Это переплетение «своей» и «чужой» речи в диалоге может принимать самые разнообразные формы, к числу которых можно отнести цитирование, косвенную, прямую и несобственно-прямую речь, повторы, цитатные вопросы, наличие пословиц, поговорок, афоризмов. Точка зрения «третьего», не участвующего непосредственно в диалоге, так называемое «чужое слово», принимается как знак некоей жизненной установки, предопределяющей линию поведения коммуникантов.

В современной лингвистике диалогические отношения рассматриваются намного шире и выходят за рамки отношений между репликами реального диалога. Они многообразнее, сложнее, их нельзя понимать упрощенно и односторонне, т.к. разговор – это лишь один аспект диалога, другой, не менее важный, – это обмен. Диалог присутствует на всех уровнях обмена – между словами в языке, людьми в обществе. Язык – это только один из нескольких путей проявления диалогических отношений в большом диалоге, которым является наше существование. Особой формой диалогичности являются *ненамеренные диалогические отношения*, при которых не существует прямого и непосредственного контакта между говорящими и не ставится задача ре-

шения какой-либо коммуникативной цели. Порождать такого рода отношения может общность проблемы или любая смысловая соотнесенность (хотя бы частичная), при этом совсем нет необходимости для коммуникантов находиться в одном хронотопе, так как если любые высказывания в речевом общении сопоставляемы в смысловой плоскости, то они неминуемо вступают между собой в диалогические отношения. По мнению М.М. Бахтина, диалог – это встреча двух сознаний. С его точки зрения, недиалогической речи нет, любой текст всегда «двупланов», «двусубъектен». Необходимое присутствие партнера представляется им как возможность, которая может быть рано или поздно реализована, то есть партнер понимается в широком плане как человечество [4]. М. Холквист, один из продолжателей бахтинской теории диалогизма, очень верно отмечает, что «нет слова, направленного ни к кому» [7].

Среди ненамеренных диалогических отношений мы условно выделяем *пространственные* и *текстовые*. В *пространственные диалогические отношения* могут вступать люди, друг о друге ничего не знающие и никогда друг друга не видевшие, иными словами, живущие в разных хронотопах. В качестве примеров пространственных диалогических отношений М.М. Бахтин приводит «диалоги мертвых» у Лукиана и из литературы XVII века, а также обзоры по истории научного вопроса, при которых происходят сопоставления высказываний ученых, которые не знали друг о друге и не могли знать [4, с. 495]. Считать тексты прежних эпох «мертвыми» нам кажется неправильным и несправедливым, поскольку данное утверждение принижает их значение и влияние на современный литературный язык. Действительно, круг их создателей, так же как и читателей, замкнут навечно, но благодаря доступности таких текстов уровень развития языковой личности читателя становится выше и происходит более глубокое осмысление системы языка в ее статике и динамике.

К пространственным диалогическим отношениям можно отнести и выделенный С.Т. Вайманом транстекстуальный диалог, который он считает характерным для чеховских пьес [8]. Ученый в своем исследовании доказывает, что А.П. Чехов культивирует новую форму человеческих отношений: «...его персонажи и впрямь общительны, но не в традиционном, а в каком-то ином смысле. Можно ведь допустить, что люди лучше слышат друг друга не тогда, когда стоят рядом и общаются в тесноте прямого диалогического контакта, но в отдалении друг от друга, вне визуальных «касаний». Слышат не ушами, а «всем собой», предельно напрягая внутренний слух и чутко проектируя в своем сознании – по логике уже сложившихся отношений – варианты переброса и размена реплик» [7, с. 331]. Чтобы подтвердить эту мысль, С.Т. Вайман анализирует начало пьесы «Три сестры». На сцене – Ольга и Ирина:

«Ольга. Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина. Было очень холодно, тогда шел снег. Мне казалось, я не переживу, ты лежала в обмороке, как мертвая. Но вот прошел год, и мы вспоминаем об этом легко, ты уже в белом платье, лицо твое сияет. (Часы бьют двенадцать.) И тогда также били часы.

Пауза.

Помню, когда отца несли, то играла музыка, на кладбище стреляли. Он был генерал, командовал бригадой, между тем народу шло мало. Впрочем, был дождь тогда. Сильный дождь и снег.

Ирина. Зачем вспоминать!

Ольга. Сегодня тепло, можно окна держать настежь, а березы еще не распускались. Отец получил бригаду и выехал с нами из Москвы одиннадцать лет назад, и, я отлично помню, в начале мая, вот в эту пору в Москве уже все в цвету, тепло, все залито солнцем. Одиннадцать лет прошло, а я помню там все, как будто выехали вчера. Боже мой! Сегодня

утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно...» [9].

Формально Ольга обращается к Ирине. Однако неясно, зачем Ольга сообщает Ирине то, что ей хорошо известно? Со дня смерти отца прошел всего один год, какие-то частности позабыты, но главные события не могли стертись из памяти взрослых дочерей и продолжают их волновать. С.Т. Вайман предполагает, что в диалоге с Ириной Ольга адресуется не только к ней одной, но еще к кому-то, как бы поверх нее. Интересно, что в одной из постановок этой пьесы В.И. Немирович-Данченко рекомендовал актрисе, игравшей Ольгу, вообще в этой сцене не «вспоминать», а «просто говорить». Очевидно, режиссер уловил в этом фрагменте еще что-то помимо прямых констатаций. «Просто говорить» – значит говорить ненаправленно, – в тайной, бессознательной надежде на то, что слово само настигнет своего адресата» [8, с. 319]. Примечательно и то, что сходную режиссерскую трактовку этой же сцены предложил другой выдающийся режиссер – Г.А. Товстоногов. Реплику Ирины: «Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и – в Москву...» он советовал исполнять не как прямой отклик на слово Ольги («И только растет и крепнет одна мечта...»), а «в пространство», то есть не в сторону сценического партнера, а по направлению к какой-то загадочной дальней черте. С.Т. Вайман говорит о том, что его не покидает ощущение, что персонажи А.П. Чехова зачастую говорят мимо или поверх друг друга: «В чеховском мире вовсе неважно, что фонетически ты сейчас не услышан, – ведь, помимо фонетики, слово удерживает в горсти массу других атрибутов – тайных разносчиков смысла, каким-то образом настигающих адресата, – оно трансформируется в мимику, жесты, поведенческие «рисунки» в действиях других героев, чутко схватывающих и невольно сеющих его на диалогических просторах» [8, с. 332].

Транстекстуальный диалог – это свободный переброс значений и смыслов поверх «локальных» речевых контактов, при этом один из коммуникантов реально существует, а другой абстрактен, его наличие лишь предполагается. Находясь в разных хронотопах, говорящие вступают в диалогическое общение, поскольку их высказывания сопоставимы в смысловой плоскости. Это свидетельствует о том, что транстекстуальный диалог можно отнести к ненамеренным пространственным диалогическим отношениям.

Нами уже отмечено, что диалогические отношения выходят за рамки диалогической речи, так как «услышанность как таковая является уже диалогическим отношением» [4, с. 499]. В современной лингвистике принято считать, что диалогические отношения устанавливаются не только внутри одного текста, а также за его пределами. Вся мировая литература трактуется как диалог. Художественные образы в произведении не статичны, а динамичны, то есть они вступают друг с другом в сложные смысловые отношения особого типа, определяющие замысел автора. На современном этапе текст-произведение понимается как диалогическая встреча двух субъектов – автора и реципиента, погруженных в определенный культурный контекст. Поэтому четвертый тип диалогических отношений, выделенных нами, мы назвали *текстовыми*. Они принципиально отличаются от первых трех типов, поскольку, с одной стороны, затрагивают отношения внутри одного отдельно взятого текста, следовательно, они замкнуты в текстовом пространстве, а с другой стороны, выходят за его рамки, т.к. любой текст направлен на получателя (читателя, литературного критика, режиссера-постановщика, актера и т.д.). Восприятие художественного текста – это процесс и результат речемыслительной деятельности читателя, направленной на постижение действительности через текст и на понимание текста во всей его многоплановости. Кроме того, по своей природе текст создается для того, чтобы побудить

людей мыслить и возбудить в них эмоции. Таким образом, процесс чтения – это опосредованное взаимодействие автора и читателя на эстетическом, духовном уровне, при этом они не перестают быть личностями со всеми своими характерными особенностями. Следовательно, отношения между автором текста, художественными образами произведения и читателем можно тоже определить как диалогические в широком смысле, а точнее – текстовые диалогические отношения.

Таким образом, приведенный анализ показывает, что в драматургических произведениях можно выделить реальные, нулевые, пространственные и текстовые типы диалогических отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Лагутин, В.И.** Проблемы анализа художественного диалога / В.И. Лагутин. – Кishinev: Штиинца, 1991. – С. 3.
2. **Heidegger, M.** Being and time / M. Heidegger. – N. Y., 1982. – С. 264.
3. **Якубинский, Л.П.** О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избранные работы. Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17, 53.
4. **Бахтин, М.М.** Литературно-критические статьи / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит-ра, 1986. – С. 495.
5. **Булгаков, М.А.** Пьесы / М.А. Булгаков. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 13.
6. **Горький, М.** Собр. соч.: в 18 т / М. Горький. – М.: Худ. лит-ра, 1963. – С. 90. – Т. 16.
7. **Holquist, M.** Dialogism. Bakhtin and his world / M. Holquist. – London and N. Y.: Routledge, 1995. – С. 27.
8. **Вайман, С.** Мерцающие смыслы / С.Т. Вайман. – М.: Наследие, 1999. – С. 318–337.
9. **Чехов, А.П.** Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов. – М.: Наука, 1978. – Т. 13. – С. 119.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of dialogue and dialogic relations in modern linguistics. The author makes an attempt to classify dialogic relations and distinguishes two groups: intentional and unintentional. Real and zero relations refer to the group of intentional relations, spatial and textual – to unintentional. The research is based on the texts of dialogues from A.P. Chekhov's, M. Gorkiy's, M.M. Bulgakov's plays.

Поступила в редакцию 27.10.2008

УДК 811.161.3'38

А.М. Пісарэнка

Лінгвастылістычны аналіз сродкаў стварэння слоўнай экспрэсіі ў кантэксце сучаснай паэзіі

Вядома, што ў мове мастацкага стылю ўвогуле і паэтычнага падстылю ў прыватнасці рэалізуюцца ў большай ці меншай ступені ўсе камунікатыўныя якасці маўлення – правільнасць, дакладнасць, лагічнасць, выразнасць і інш. Гэта значыць, што мова мастацкай літаратуры павінна быць узорнай, яркай; і хаця яна часам выходзіць за межы літаратурнай мовы (бо тут могуць выкарыстоўвацца, напрыклад, і дыялектызмы, і жарганізмы, і прастаноўкі), аднак тым не менш

уяўляе сабой сістэму, у якой усё падпарадкоўваецца эстэтычнай функцыі мовы (сутнасць гэтай функцыі ў тым, каб праз вобразныя сродкі адлюстравачь свет, праз мову і вобразы паўплываць на эмоцыі/пачуцці чытача).

Мове паэзіі ўласціва больш эмацыйнае адлюстраванне рэчаіснасці, нечаканыя і складаныя асацыяцыі, таму ў ёй найбольш функцыянуе індывідуальна-аўтарскія вобразныя сродкаў, аказіянальных слоў. Можна сказаць, што мова паэзіі больш умоўная, таму пры лінгвістычным аналізе вершаваных твораў асабліва ўвага павінна надавацца кожнаму слову, нават гуку (агульнавядома, што вобразы ствараюцца і на фанетычным узроўні з дапамогай алітэрацыі, асанансу і інш.), кожнаму тропу, радку, страфе, яе моўна-сэнсавому напаўненню.

Мэта артыкула – прааналізаваць культурамоўны ўзровень сучаснай паэзіі, бо, як вядома, мова мастацкіх твораў выходзіць эстэтычны густ, моўнае чутцё, а гэта не можа не ўплываць на фарміраванне светапогляду асобы.

Фанетычны ўзровень паэтычнай мовы дэманструе гукавыя асацыяцыі аўтараў, адлюстраваныя праз алітэрацыю і асананс, гукавобразы, складападзел, даўжыню радка, анатацыю і г.д.: *Медзь па азёрах сплыве, Сум у небе імглістым... Як песня, з галін злятае Лісце, лісце, Залацістае лісце, Сто лісцяў, Дзесяць лісцяў, Ліст* (У. Караткевіч); *Даносіцца з нетраў туманнага Праз даўкую чорную быль Тужліва-адчайнае: «Га-а-н-н-о-о...», Пяшчотна-жывое: «Ва-сі-і-ль...»* (С. Законнікаў); *Штохвіліны ля шашы Шумна, як на кірмашы. Шоргат, Шорах, Шум птушыны. За машынаю машына* (Р. Барадулін); *Адна свечка – адзін чалавек, шмат свечак – вечна, і ўсе тыя людзі, якіх засланіла ад свету века труны, уцеляюцца ў свечках, запаленых у імя іхняй памяці, і нанава пражываюць скарочаны курс жыцця* (А. Разанаў); *Калі працягла заракоча, Гукухне голас угары, І шыба ў вокнах абразгоча і гоман пойдзе па бары* (Я. Колас).

Як відаць, паэтычны гукапіс валодае надзвычайнай выразнасцю, паколькі асобнымі гукімі, іх паўторам аздабляе лексічныя сродкі вобразнасці мовы (метафары, эпітэты, параўнанні і інш.). Названыя і іншыя тропы надаюць паэтычным радкам так званую вобразную дакладнасць. Асаблівую цікавасць тут уяўляе аўтарская іх разнавіднасць: *Ды мы наіўна прывыкаем, Што нам спатрэбіцца пасля Прашытая баравікамі, Смалой прапахлая зямля* (Г. Бураўкін); *Веццем-прыгаршчамі клёны Дажжавыя кроплі ловяць* (Я. Сіпакоў); *Жоўты рай, дрымотны рай акацый Паланіла рупная пчала* (А. Вялюгін); *Я люблю часіну навальніцы, Калі б'е пярэнь па ўсіх ладах / І злуюцца ў хмарах бліскавіцы, Кроплі асыпаючы на дах* (П. Панчанка); *У блакіце жаўрук і трымціць ён там гузічкам* (Ю. Свірка); *Як у бары, бы маленькія вожыкі, Шышкі хваёвыя ўсыпалі дол, – Тры гады я не бачыў* (Р. Барадулін); *І плачам бабрамі нярэдка, Ля рэчкі суцішваем крок... Не рэчка мялее, не рэчка, А лепшых пачуццяў выток* (Ю. Свірка); *Рупліва іх [пакошаныя травы. – А.П.] мы ў копы зносім, і там, дзе Нёмна берагі, У зала-тую нашу восень Ржавеюць пад дажджом стагі* (М. Танк).

Прыведзеныя прыклады яшчэ раз дэманструюць незвычайнае аўтарскае бачанне рэчаіснасці. Індывідуальныя, непаўторныя асацыяцыі паэтаў дапамагаюць чытачу ўбачыць прыгажосць свету, яго гармонію праз вобразныя сродкі мовы.

На граматычным узроўні паэтычнага радка асаблівай выразнасцю валодае экспрэсіўны сінтаксіс – анафара, эпіфара, паралелізм, кампазіцыйны стык, градацыя, рытарычнае пытанне і інш.: *А мне хочацца глядзець проста, а мне хочацца разумець проста і проста жыць – і бачыць светлае светлым, і бачыць цёмнае цёмным, крывое крывым...* (А. Разанаў); *Мы, няўдалыя лапы, робім складаныя рухі; Мы, чалавечыя крылы, – звычайныя дужыя рукі; Мы – нядаўнія лапы* (Я. Сіпакоў); *Ты [мова] – наш сцяг, што нікому, нікому на свеце,*

нікому **Не дамо абсмяяць, апаганіць, забыць ці мячом зваяваць** (У. Караткевіч); **Жоўты антон, Наліўны, сакаўны, На галінцы бязлістай вісіць. Сонца ў шэрым восеньскім садзе – Жоўты антон** (А. Багамолава).

Паэтычны сінтаксіс арганізуе радок: дапамагае вылучаць сэнсава важныя словы, фарміруе лагічнасць думкі, а таксама можа адыгрываць кампазіцыйную ролю.

Нягледзячы на ўмоўнасць вершаванай мовы, паэтычны радок павінен быць па-мастацку дакладным, лагічным: час, факты, падзеі, пра якія гаворыцца ў творах, не павінны супрацьпастаўляцца рэчаіснасці, пярэчыць адно аднаму. Так, як, напрыклад, можна назіраць у наступных радках: *Пагляджу ў твае сумныя вочы. Чым развеець нямую тугу? Я зраблю для цябе ўсё, што хочаш, А шчаслівай зрабіць – не змагу. Не таму, што я бедны, як вецер. І характар мой тут ні пры чым. А таму, што на ўсім белым свеце не бывае шчаслівых жанчын*. Прачытаўшы гэтыя радкі, хочацца папытацца ў аўтара: дзе ён браў статыстычныя дадзеныя, апытваў якіх жанчын (шчаслівыя яны ці не), а яшчэ ўдакладніць ад імя жанчын: калі мужчына робіць для жанчыны ўсё, што яна захоча, г. зн., што ён сапраўды робіць яе шчаслівай?

Нелагічным, недакладным уяўляецца нам змест наступных радкоў: *У мяне быў дзед Васіль. І дзед Іван. Была бабуля Агата і Ганна, Але яны былі маўклівыя. Быў прадзед Марцін І прадзед ... Як яго? Я нават імя яго не знаю. Не сказаў, як звалі. Быў нямы; Ішла жанчына і курыла. Рыпее пад ботамі сняжок. Сабе ўсё нешта гаварыла І сплёўвала дымок набок; Хацеў бы Шар зямны Абняць, Ды рукі кароткія. Хіба пасля смерці ўжо – Расцягну Атамы У Бясконцасць Рук. Людзі – як балячкі! Але што ім Ласка тых Атамаў?; Вы спытаеце, Колькі мне год? Адкажу – Мне хочацца шчасця; Я не твая ўжо. Я з другім, бо ты, Нарцыс, стаў сябелюбцам, хоць быў калісьці дарагім, але часам тым не вярнуцца; Пад кожны ўдар Ты свой падставіш боль, замест яго Ты прымеш і атруту, знявагу і варожую любоў, бо нарадзіла Сына для пакутаў; І яшчэ шмат чаго Маю я для таго, Каб не быць чужаніцай І быць ёй не стаміцца; Я ведаю, чаму жанчыны Не бываюць такімі геніяльнымі, Як мужчыны: Муза жанчыны старэе разам З ёй, А муза мужчыны заўжды маладая і прыгожая*.

Як відаць з прыведзеных радкоў, дакладнасць і лагічнасць якіх часам бракуе творах, узнікаюць у выніку неапраўданага ўжывання злучнікаў але, хоць – у такім выпадку змест радкоў супрацьпастаўляецца і тады, калі ў гэтым няма неабходнасці; па-другое, праз штучную валентнасць слоў – *дымок сплёўваць*; па-трэцяе, праз увядзенне «лішніх» радкоў, якія не маюць інфармацыі, а толькі запаўняюць вершаваную прастору – *людзі як балячкі* (сэнсава лішні радок). Бывае, што аўтары, магчыма праз малы жыццёвы вопыт, прыходзяць да высноў-алагізмаў, як у апошнім прыкладзе пра старэнне мужчынскай і жаночай музы або ў наступных вершаваных радках: *І ў шчасці часам точыцца туга, І ў горы знойдуцца святло і асалода; Чаму: у адных – шчасце без цяжкасцей, а да другіх – злыбеды лашчацца?* Магчыма, у шчасці можа быць туга, а вось на конт святла і асалоды ў горы – гэта думка, на наш погляд, спрэчная, як і злыбеды лашчацца – хутчэй злыбеды абрушваюцца.

Часам недакладнасць сэнсавага словаўжывання, няправільнага вызначэння месца слова ў паэтычным радку прыводзіць да такога віду стылістычнай памылкі, як двухсэнсоўнасць, у выніку якой «ажывае» першаснае значэнне слова, цымна выкладаецца думка. У сувязі з гэтым чытач можа неадэкватна ўспрыняць не толькі «распывісты» радок, але і ўвесь тэкст: *Яе мукі на ўсе рукі; Даль апанована белай завесай, Кружыць над полем, кружыць над лесам; Бяжыць [алень] па палях, па лясках – Аж пырскаюць знічкі ў вачах... К аленісе цёплай бяжыць З надзеяй адзінаю – быць!; Так, пошукі кахання*

прывялі *Да страты неабачлівай крыві; І чорны смутак сэрца дажджом пральцеца золкім, ды сонца абаўеца вакол вачэй вясёлкай; Балюча мне было раджаць... А ў небе сонца так іграла! Стагнала цела, а душа спайна з боку назірала; Шампанскае кавай прагнала. Натхненне адкуль узялося? Настолькі з бяссоннем зжылося – да ранку амаль даканала; ... калі жаль сэрца скалане і ў жылах пульс заб'е вавёркай; Холадна ценям на змерзлым снезе. **Цені – таксама дрэвы. Таксама і я, і ты; Цурчыць ручэй паміж алешын. Бушуе бурная рака. Хто дзіўных песень наразвешаў? Узлёт былога жаўрука.***

Думкі і пачуцці паэтаў павінны быць зразумелыя кожнаму чытачу, бо, як пісаў П. Глебка, «пісьменнік не можа стаяць пры кожным чытачу і тлумачыць яму, калі той не зразумеў, сваіх думак, дапамагаючы пры гэтым, як у гутарцы, інтанацыяй і жэстам... Пісьменнік павінен выражаць сваю думку і перадаваць свае пачуцці з усімі іхнімі самымі тонкімі адценнямі так дакладна і проста, каб не патрэбна было ніякіх тлумачэнняў» [1].

З другога боку, празмерная дакладнасць, «называнне рэчаў сваімі імёнамі» таксама можа стаць небяспечнай для эмацыйнай, нагадаем – часам умоўнай мовы паэтычнага радка, якую нельга разумець літаральна: *Я буду ў лятунках цябе абдымаць, што б зоркі для нас не прызначылі, тваё прамыністае сэрца трымаць сваімі халоднымі пальцамі; Я сэрца кінула на лёд – яно і там палала жарсцю. У сне іду на эшафот – і галаву сякуць напасці;... і ўжо не такое мне блізкае [вершаня], як тады, калі насіла цябе пад сваім сэрцам, карміла малаком са сваіх грудзей, люляла, песціла, гадала...; ты захлынешся ў ёй, чорнай крыві сваёй; Хай сто дарог накіравана, але дамоў заўжды вярнуся, бо я да роднай Беларусі пупавінай прывязана.*

У выніку атрымліваюцца вершы, якія нагадваюць навукова-папулярныя анатамічныя нататкі: *І адначасова ўсё ў ім думае – Губы, якімі ён прыкурвае цыгарэту, Вочы, якімі глядзіць на агеньчык, Лоб у вертыкальных складках, Нават пальцы рук, Асабліва тыя, што трымаюць полымя запалкі, Не пальцы – костачкі, Абгорнутыя ў пергамент.* Трэба думаць, што слова пергамент у аўтара ў кантэксце прыведзеных радкоў набывае значэнне 'скура чалавека'. Застаецца высветліць, хто, што і чым будзе пісаць на такім пергаменце. Такім чынам, залішня дакладнасць, як і залішня вобразнасць, расплывістасць вершаванага радка не даюць поўнага ўяўлення чытачу пра тыя вобразы, якія стварыў/хацеў стварыць паэт, выклікаюць такія асацыяцыі, эмоцыі, якія прэрэчаць яго задуме.

Тропы ў мастацкім кантэксце, як адзначалася, павінны быць яркімі, экспрэсіўнымі: створаныя ў выніку індывідуальнага ўспрымання рэчаіснасці, яны выяўляюць не толькі арыгінальнасць аўтарскага мыслення, але і культуру маўлення. Менавіта тропы вядуць чытачоў у непаўторны свет мастацкіх вобразаў рознай сэнсава-эмацыйнай напоўненасці. Аднак апошнім часам назіраецца тэндэнцыя зніжэння эстэтычнай вартасці тропы, магчыма, як вынік пошукаў дакладнай рыфмы і г.д. Тады атрымліваюцца сумна-вясёлыя малюнкi, бо ўзнікаюць не вобразы – антывобразы; уявіце сабе, як чалавек купаецца з асалодай, а цяпер прачытайце, як пра гэта піша паэт: *Расцірае ікры крэпкімі рукамі, Прагна грудзі валасатыя скрабе – Ажно чырвань падае шматкамі, Ажно радасць гулка ў скроні б'е.* Такіх прыкладаў можна прывесці шмат: *Імжакай сутоніцца вуліца. Стаіць каля плота, сутуліцца; Тонуць позіркi радасці ў зрэнках; Гэты год будзе даўкім, як костка ў слюне... Як жывеш без мяне?; Ракавінкамі катушак, бы ўгнаеннем, усыпаны на асушаным балоце чорныя агароды; Гнёзды варон, бы каўтуны ў вала-*

сах, вісяць у дрэвах; Гнілыя зубы лесу – ландышы ў час адцвітання; Мною кіравала тады помста – як дзень, сляпая; Забітае сонца ўпала Далёка за край зямлі, І кроў на спіну сцякала Аблокам, што там плылі; І сонца, як вугельчык цыгарэты, Нягадана праклюнула над светам; Паабсякалі гладка пальцы, Паперарэзвалі на часці... У карагодзе на палянцы Другія... Выглядаюць шчасце; Дзядзька, як бусел з пратэзам, куляй падбіты, Сушыць на сонцы пратэз; Гулі, як вены, правады.

Як відаць з прыведзеных прыкладаў, слова не даруе неахайнага, няўважлівага стаўлення да сябе: у такім выпадку яно замест таго, каб маляваць яркі запамінальны вобраз, стварае штучныя, прымітыўныя, двухсэнсоўныя вобразы. Думаецца, гэтая з’ява – таксама вынік ненатуральнасці сувязі паміж вобразамі і тым прадметам, з якім ён атаясамліваецца.

Бывае, што і самі тэмы, як і вобразы, якія выступаюць у якасці аб’ектаў паэтычнага асэнсавання, нязначныя, штучныя. А калі нават і тэма значная, то асабліва ў маладых аўтараў, мусіць, недастатковы лексічны запас, каб яе апісаць, «расквеціць» словам, ці «заземленыя» асацыяцыі, якія «прыніжаюць» паэтычныя памкненні-«ўзлёты» творцаў: *Не спалася. Ложак быў шырокі і мулі. Шукаў вачамі сучкоў у столі; Людзі прыходзяць у парк падыхаць чыстым паветрам, А сосны, праз адну, кадзяць над імі ўласнымі трупамі; Без нагі [голуб], а есці хочацца. Без нагі не без крыла!; Прачнулася ноччу ад дотыку твайго нецярплівага цела. Пад месяца хворымі промнямі Яно мармурова бялела і гойсала ў жудасным танцы ўгары, нібы здань над магілай...; Я б хацела памерці ў сне, Каб сабачка мой сніўся мне... І не ўцяміла б я тады, Што наяве мне ўжо кранты; І сталіся словы яго Запаветам. І я паўтару іх, і ты. Спаўняюцца ўсе абяцанкі на свеце. Калі не на гэтым, то значыць – на тым; Скрыжаванне. Неба. Сонца дзіўны бубен. Снег, як цукар. І сабакі з клопатам пра род. Фыркануў аўтобус. Ты!.. Стаю разгублен. Далі. Поле. Лес. І рэчкі сіні брод.*

На жаль, такія рыфмаваныя наборы слоў ці фраз, пазбаўленыя не толькі эстэтычнай вартасці, але і ўвогуле сэнсу, дэманструюць не самыя лепшыя якасці сучасных беларускіх паэтычных твораў. Думаецца, у бязгледзіцы няма «апраўдання рыфмай». Хочацца папытацца ў аўтара, што ён хацеў сказаць наступнымі радкамі: *Стаю і пацею І слова сказаць Не смею. Бо сонца свеціць. Бо мячык ганяюць Дзеці. І муха аб шыбу б’ецца – Аж хата трасецца або Сусед мой дом пабудаваў На скрыжаванні праўдаў і няпраўдаў, Над домам вісне сінява, Ля дома сад, і смех, і радасць... Шпакі свіргочуць на антэне, пад яблыняй у садзе стол... Стаю ля плота ў знемажэнні, Зайздросчу ціха з-за кустоў.* Калі чытач з багатым уяўленнем падключыць сваю фантазію, то наўрад ці «намалюе» вобраз, напоўнены глыбокім сэнсам, поўны эстэтычнай вартасці: што ж такое павінны былі рабіць за сталом суседзі, каб аўтар/лірычны герой знемагаў ад ціхай зайздрасці ды яшчэ ля плота, з-за кустоў падглядаючы.

Вядома, што мове паэтычных твораў уласціва такая з’ява, як версіфікацыйныя адхіленні (адхіленні ад моўных нормаў – акцэнталагічных, граматычных), выкліканыя рытмам або рыфмай верша. Самым бяскрыўным такім адхіленнем з’яўляецца выкарыстанне у нескладовага замест складовага ці наадварот. Іншыя ж адхіленні адлюстроўваюць моўныя з’явы, не прадуктыўныя ў беларускай літаратурнай мове, не ўласцівыя ёй, якія не дэманструюць адметнасць яе ладу: *Між ляснога роднага карэння, Між асеўшых шэрых валуноў...; Ледзь не кожны лісточак Быў распраўлен яго даланёю, пакратан яго дрыготкімі рукамі; Ці ствару я Жыцця Свайго Песню? Траплю ў Кнігу Жывых ці Памершых* (памерлых. – А.П.); *Прыйшла зіма – Ні снегу, ні марозаў* (маразоў. – А.П.); *За памяць*

доўгую пра іх мы **п'ем** (абвесны лад; п'ём. – А.П.) **віно**; *І вецер стукае ў спіну* (спіну. – А.П.): *Глядзі, а бездань побач. Ну?!*; *Там баравіннае паветра, Там даражэйшы* (трэба ўжываць элятыў, форма найдаражэйшы – самы дарагі. – А.П.) *успамін* (недзе ёсць таннейшы? – А.П.).

Думаецца, нельга блытаць з версіфікацыйнымі адхіленнямі сучаснай паэтычнай мовы тыя моўныя факты ў творах пісьменнікаў ранейшага пакалення, якія звязаны з не ўсталяванымі яшчэ ў той час моўнымі нормамі: Пала раса; у палёх Загарэліся пацеркі мілых Жоўта-чырвоных агнёў... (М. Багдановіч); Зоры гавораць па-над возерам вольным, Човен цалуе спакойную сінь, Плаўна калышацца ўзмахам павольным, Будзіць нямую, застыўшую плынь (П. Трус); Паважайце тую птушку, Што крыўды не робе; Не цурайцеся роднай песні Ў шчасці і ў жалобе (Я. Купала); А елкі хмурымі крыжамі Высока ў небе выдзялялісь, Таемна з хвоямі шапталісь (Я. Колас).

Відавочна, што выдзеленыя моўныя факты не ўласцівыя сучаснай беларускай літаратурнай мове, таму іх можна кваліфікаваць як **версіфікацыйныя адхіленні часу**.

Тыя ж нязначныя моўныя хібы, якія таксама не адпавядаюць сучасным моўным нормам, выкліканыя рытмам і рыфмай вершаванага радка, не скажаюць змест твора, не «зацямяняюць» вобразаў, патрабуюць адпаведных каментарыяў лінгвіста ў адпаведнай сітуацыі: **А ільнам, бы нам, няўседкі** – *Ліўнем мыюцца з ахвотай*; **А апенек** – *ля пнёў і ля сховішч вавёрак...*; *Ты бачыш адноўлены горад?* **А далей**, *дзе неба блакіт, Широкае Мінскае мора...*; *Мяне кліча ў госці друг мой лепшы – Шэры дрозд, цудоўнейшы спявак*; *Зямлі не адагрэць Агнём ліствы апошняй*. Як вядома, прыстаўныя галосныя ўзнікаюць, калі ў моўнай плыні папярэдняе слова заканчваецца на зычны; паўтор аднолькавых галосных і зычных на стыку слоў парушае мілагучнасць маўлення; дыялектны націск, які істотна не ўплывае на мелодыку верша, на гучанне слова, можна разглядаць як магчымы ў літаратурнай мове маўленчы варыянт; элятыў, які называе ў дадзеным выпадку гранічна высокую ступень якасці без супастаўлення з якасцю іншых прадметаў, у літаратурнай мове выражаецца простаай або складанай формай найвышэйшай ступені параўнання; літаратурная форма множнага ліку назоўніка *ліст* – *лісты*, а значэнне зборнасці перадаецца назоўнікам *лістота*.

Рускі даследчык мовы мастацкага стылю В.У. Вінаградаў слушна зазначае, што «мова мастацкай літаратуры... мае законнае права на дэфармацыю, на парушэнне агульналітаратурных нормаў» [2–3]. Аднак нельга забывацца на тое, што ўсе адхіленні ад літаратурных нормаў павінны быць эстэтычна матываванымі (напрыклад, дапушчальныя яны ў маўленні персанажаў, дзе ёсць устаноўка на імітацыю размоўнага стылю).

Нечаканы эфект, як правіла, узнікае ад такой памылкі, як змяшэнне стыляў, калі словы з «палярнай» стылістычнай афарбоўкай уводзяцца ў адзін мікракантэкст, вытлумачваюць пры гэтым адно паняцце не з супрацьлеглых бакоў: *Я – трапяткая адчайная знічка, якая марыць стаць Галактыкай, але ўсе высілкі марныя*; *На шлях Немезіды Вечнасць стала. Свіннёю ружоваю зарохкаў новы дзень*; *Як дасягае [чалавек] ёй [лапатай] патрэбнае мяжы, Дзе болей апушчэнне немагчыма*; *Мне – катарсісам Вашы абдымкі ў каламуці шалёных хваляў*; *Ты – як надзея, Апора, цвердзь. Дзень маладзее, Начхаць на смерць*; *І жыве чалавек у вакууме, Бо будучага няма яшчэ, А былога ўжо няма. Прырода, як вядома, не церпіць пустаты. Вось яна і заткнула гэтую шчыліну Чалавекам*.

Бясспрэчна, што рэжуць вока і слых высілкі знічкі і тыя ў вечнасці дні, якія рохкаюць свіннямі, ці катарсіс, які разбаўляе каламуць і г.д. Змяшэнне стыляў –

у дадзеным выпадку спалучэнне слоў з кніжнай, высокай афарбоўкай са словамі размоўна-афарбаванымі – вядзе да зігзагападобнага выкладу думкі, такога ж апісання аўтарскай эмоцыі, што ўрэшце парушае агульную танальнасць твораў, разбурае семантыка-стылістычнае адзінства радкоў, вобразаў і тым самым выклікае супярэчлівыя адносіны ў чытача.

Відавочна таксама, што словы размоўнага характару кантрастуюць з філасофскім зместам і, наадварот, кніжныя словы «выбіваюцца» з нейтральнага кантэксту: *Боль жыццю не перашкода! У чалавека пэнкае галава, а ён думае; ...дзе квецень каштанаў прылашчыць сьвяжак; Ты помніш сарамлівасць хваляў – электраімпульсы між намі; Да сноў уладкавалася прырода, Спакойных доўгіх сноў.*

У кантэксце такога стылістычнага недагляду, як змяшэнне стыляў, хочацца звярнуць увагу на функцыянаванне слоў іншамоўнага паходжання ў паэтычным радку. У.В. Анічэнка, аналізуючы мову навуковых тэкстаў, правамерна сцвярджае, што «ў многіх выпадках запазычанні ўскладняюць успрыняцце, зацяжняюць сэнс інфармацыі» [4]. Што тады казаць пра мову паэзіі, саму паэзію, якая павінна быць па меншай меры «песняй», а не формулай ці тэарэмай з доказам і вывадам: *Ды памяць – мой банк інфармацыі – мне выдала тэкст на дысплей; Баюся спаць, твой дух чакаю апакаліпсістычнымі начамі; Няўжо так моцна нагршыла душа падчас рэінкарнацыі; Фантазіяй з хвастом метэарыта імчыцца думка; Мне – катарсісам Вашы абдымкі ў каламуці шалёных хваляў; Міраж трансфармуецца ў рэчаіснасць.*

Адзначым, што прыклады няўдалых радкоў узяты з твораў сучасных паэтаў І. Чыгрына, Н. Капы, В. Аколавай, Т. Барысюк і інш.

Як відаць, сучасны вершаваны радок часам «хварэе» на недасканаласць. Пазбаўлены выразнасці, лагічнасці, вобразнай дакладнасці, ён становіцца як бы апаэтычным, бо выклікае ў чытачоў супярэчлівыя эмоцыі, можа нават супрацьлеглыя аўтарскім пачуццям, дэманструе не яркія запамінальныя вобразы, а поўныя схематызму антывобразы (прыгадайце хаця б перыфразу *гнілыя зубы лесу – ландышы ў час адцвітання*).

У ідэале павінна быць усё інакш, бо паэтычная функцыя мовы абапіраецца на камунікатыўную, зыходзіць з яе, але ўзводзіць над ёй падпарадкаваны эстэтычным заканамернасцям мастацтва новы свет маўленчых сэнсаў і суадносін [3, с. 147].

ЛІТАРАТУРА

1. *Глебка, П.* Збор твораў: у 4 т. / П. Глебка. – Т. 4. – С. 14.
2. *Виноградов, В.В.* Литературный язык и язык художественной литературы / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1955. – № 4.
3. *Виноградов В.В.* Проблема русской стилистики / В.В. Виноградов. – М., 1981.
4. *Анічэнка, У.В.* Асновы культуры маўлення і стылістыкі / У.В. Анічэнка. – Мінск, 1992. – С. 185.

S U M M A R Y

The problems of culture in the language of poetry are discussed in this article. The language mistakes, reducing aesthetic value of poetry, are being analyzed there.

Поступила в редакцию 2.04.2008

Чат как жанр интернет-дискурса

Интенсивное развитие мировой компьютерной сети Интернет вызывает интерес исследователей в различных областях знания: философии (А.В. Савельев, Ю.И. Шелистов и др.), психологии (А.Е. Войскунский, Н.Д. Чеботарев, Л.Г. Гримак, А.Г. Ваганов и др.), культурологии (В.Е. Иванов, В.В. Миронов, Л.М. Землянова и др.), политологии (С.В. Маслениченко, Д.А. Войтов и др.), экономике (Е.В. Сапир, И.А. Тишкова, Д. Таганов и др.), педагогике (А.М. Махов, О.Н. Антипина, Л.В. Новикова и др.), лингвистике (М.Б. Бергельсон, В.Г. Трофимова, Л.В. Шалина и др.).

Целью данной статьи является рассмотрение основных признаков интернет-дискурса и установление специфики их проявления в синхронном чате как одном из его жанров. Объектом наблюдения и анализа стали наиболее посещаемые белорусские чаты. Под белорусскими мы понимаем такие чаты, которые созданы на белорусских порталах, независимо от языка, на котором ведется общение. Их адрес часто содержит домен верхнего уровня by, а доменами нижних уровней могут быть названия белорусских городов (в основном областных центров и столицы). Например, chat.np.by, www.chat.by, chat.brest.by, chat.fm.by, talk.grodno.by, chat.mogilev.by, chat.vitebsk.ws, gomelchat.com, chat.minsk.com и др.

В последнее десятилетие в ряду главных объектов изучения языковедов находится интернет-дискурс, однако в зависимости от задач, которые ставят перед собой ученые, новая разновидность общения получает разные терминологические обозначения: интернет-дискурс (С.А. Матвеева, Т.И. Свистун, Н.Г. Лукашенко, М.Н. Фонина), интернет-коммуникация (М.Б. Бергельсон, С.В. Тихонова, С.А. Матвеева, А.В. Палкова, Г.Н. Трофимова), компьютерный дискурс (Е.Н. Галичкина, П.Е. Кондрашов), компьютерная коммуникация (Р.К. Потапова), виртуальный дискурс (М.Б. Бергельсон), виртуальная коммуникация (М.Б. Бергельсон, Р.К. Потапова), компьютерно опосредованная коммуникация (О.Б. Симонова), электронный дискурс (А.Г. Аврамова). Использование атрибутов «электронный», «виртуальный» и «компьютерный» в сочетании с терминами «дискурс» и «коммуникация» вызвано необходимостью подчеркнуть три из основных конститутивных признаков компьютерного дискурса. Во-первых, это использование электронных сигналов коммуникации, которые, по сравнению с другими способами электрической связи, существенно меняют качество человеческого общения: увеличивается скорость и объем передаваемой информации, используются аудио- и видеоканалы общения, режим on-line.

Во-вторых, компьютерная коммуникация характеризуется виртуальностью, которая понимается как возможность вступать в глобальную коммуникацию не от своего имени [1] либо в общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками (в противоположность актуальной коммуникации) [2]. В технологическом смысле виртуальность лежит в основе функционирования компьютера и Сети, так как экранные тексты и образы, воспринимаемые пользователем, — это результат функционирования компьютерных устройств и их программного обеспечения. Однако виртуальность присуща не только компьютерной и сетевой средам, социальная реальность также может иметь виртуальное измерение. «Феномен анонимности, безличности, виртуальности — многомерное и неоднозначное общественное явление, охватывающее систему социальных регуляторов,

агентов, связей и человека как такового. ... Феномен АБВ на индивидуальном уровне – это имя и авторство, измененные состояния сознания и погружение в виртуальный мир компьютерных игр и Интернета» [3]. В компьютерном дискурсе вектор виртуальности особым образом сочетается с реальностью: виртуальное и реальное время и пространство, реальные коммуниканты и их виртуальные образы, созданные с помощью ников и самопрезентаций.

В-третьих, электронная коммуникация по способу контакта является опосредованной техническим средством – компьютером. При этом следует иметь в виду, что компьютер является не только материальным средством осуществления этого вида коммуникации, но и ее объектом и фактором.

Термины «интернет-дискурс» и «интернет-коммуникация» имеют более узкие значения по сравнению с остальными, их использование ограничивает сферу проводимого исследования коммуникативной средой Интернета. Можно сказать, что общение в сети Интернет – это одна из областей реализации компьютерного дискурса, поэтому его черты будут присущи интернет-дискурсу как составной части.

Дискурс рассматривается нами в рамках социально-прагматического (В.И. Карасик) и ситуативного (Н.Д. Арутюнова) подходов, то есть как сложное образование, соположенное и с процессом общения (речью), и с его результатом (текстом), но помимо этих лингвистических составляющих включающее условия протекания речи (формирования текста), ситуацию общения. Коммуникативная ситуация включает следующие категории: 1) участники общения, 2) условия общения (сфера общения и коммуникативная среда), 3) организация общения (мотивы, цели, стратегии), 4) способы общения (канал, режим, тональность, стиль, жанр) [4]. Компьютерный дискурс – это «особая речеповеденческая система» [5], существующая в компьютерных сетях и обладающая собственными языковыми и экстралингвистическими признаками.

Анализ литературы по данной проблематике и собственные наблюдения позволили нам выделить, наряду с тремя вышеназванными экстралингвистическими признаками, следующие черты компьютерного дискурса: дистантность, высокая степень проницаемости (или открытость), объединение различных типов дискурса, динамичность и процессуальность, коммуникативность, преимущественно статусное равноправие участников, персонифицированность и анонимность коммуникантов, социальная и культурологическая маркированность (экстралингвистические); преобладание письменной формы коммуникации, наличие гипертекста, креолизованность текстов, коннотативность, возможность условной передачи эмоций, логического и смыслового фокуса, специфическая компьютерная этика, взаимовлияние естественных языковых систем (лингвистические).

Жанровые разновидности интернет-дискурса различаются степенью и специфичностью проявления в них вышеперечисленных признаков.

Вопрос о жанрах компьютерного дискурса остается открытым вследствие того, что в разных концепциях предлагаются разные классификации. Так, А.Е. Войскунский в своем анализе Интернета приводит следующую таксономию его пространств: 1) среда WWW; 2) электронная почта; 3) асинхронные обсуждения (электронные доски объявлений, веб-конференции, веб-форумы и др.); 4) синхронные чаты; 5) групповые ролевые игры типа MUD; 6) графические «наследники» MUD; 7) интерактивное видеоизображение с передачей звуковых сообщений [6]. Сходную классификацию предлагает Р.К. Потапова, но выделяет в отдельные жанры электронные доски объявлений и компьютерные конференции, а также заменяет жанры игр одним – виртуальные миры [7].

С.А. Матвеева наряду с такими жанрами интернет-дискурса, как электронная почта, чат, телеконференция, форум, электронная доска объявлений,

выделяет сайт и гостевую книгу [8]. П.Е. Кондрашов уменьшает общее количество жанров до четырех: форум (конференция), чат, мгновенные сообщения (ICQ) и компьютерные игры [5, с. 14]. Не вступая в дискуссию о правомерности той или иной классификации, следует отметить, что выделение чата в качестве самостоятельного жанра интернет-дискурса не вызывает сомнений у исследователей.

Чат (от англ. *chat* – *непринужденный разговор, болтовня*) как один из наиболее популярных жанров синхронного компьютерного дискурса представляет собой страницу Интернета, специально предназначенную для общения пользователей в режиме реального времени. Структурная организация данной страницы определяется гипертекстом, который является разновидностью текстового документа. Большинство исследователей (А.Н. Барановым,

А.А. Калмыковым, Е.Е. Прониной, В.Г. Трофимовой, Ю.И. Шелистовым и др.) выделен ряд его специфических признаков: 1) гипертекстовые ссылки, или «линки»; 2) своеобразная ассорти-композиция, или гиперструктура, характеризующаяся нелинейной, многомерной организацией и способностью к саморазвитию; 3) специфический темпоритм, связанный с законами внутренней речи; 4) интертекстуальность – размывание границ текста, его незаконченность, неоднородность, открытость; 5) деперсонализация автора, определяющаяся перекрестной структурой гипертекста и его свободным использованием в Интернете; 6) интерактивная стилистика: акцентуированный ник или нарочитая самопрезентация; сленговая фразеология; использование дополнительных знаковых систем (система смайликов для выражения чувств) и т.д.

Чат характеризуется высокой степенью проницаемости, он открыт для любого пользователя и обеспечивает статусное равноправие всем участникам. В структуре каждого чата есть главная страница, на которой предлагается зарегистрироваться и войти в чат. Она, как правило, содержит заголовок чата (*Иная реальность, Чат Березовского района, Чат Chat.by*), ссылки на форум, правила поведения в чате, на список и количество зарегистрировавшихся участников (чатлан), их рейтинг, поиск по нику и перечень комнат. Количество последних варьируется от двух-трех до десяти и более единиц. Например, в чате www.chat.by 32 комнаты, которые создаются в зависимости от коммуникативных целей (*Давай дружить, Одинокие души*) чаттеров, их интересов (*Экзотика, Neo planet*), от их возраста (*13–18 – самый лучший возраст, До 16 и старше*) и реального места проживания (*Минск, Витебск, Белорусы за границей*). Многие комнаты связаны с молодежной субкультурой (*Готика, Эмо, РЭП и HIP-HOP*). Самой посещаемой комнатой в чатах является *Обо Всем* (chat.np.by) или *Общая* (chat.mogilev.by, chat.vitebsk.ws). Отсутствие разветвленной структуры комнат может компенсироваться наличием кланов – особых сообществ чаттеров, образующихся на тех же основаниях, что и комнаты. В *Могилевском чате* таких кланов 26 (*FASHION, NeFoRmaLy, Живущие в кайф* и др.). Состав комнат, кланов может быть дополнен администратором чата либо чат-коммуникантами в зависимости от их коммуникативных потребностей, установок на общение и поиски того или иного собеседника. Таким образом актуализируется коммуникативность интернет-дискурса в чатах.

Страница каждой комнаты чата имеет несколько основных областей. Во-первых, это центральная часть, на которой находится обновляемый в определенном временном интервале текст, содержащий реплики чат-коммуникантов. Под ним или справа размещены доступные эмотиконы, или «смайлики», призванные компенсировать трудности эмоционального контакта собеседников и отсутствие паралингвистических средств общения из-за физической непредставленности коммуникантов. В белорусских чатах встречаются

как пиктографические эмодзи, создаваемые с помощью клавиатуры, так и их качественно новый вид – цветные анимированные рисунки. Обязательными элементами чата являются также список собеседников, то есть тех, кто в данный момент находится в чате, строка ввода реплик, разнообразные ссылки (на главную страницу, информацию о чаттерах, их поиск и др.) и дополнительные функции (отключение смайликов, выделение цветом, шрифт и др.).

Чат понимается и как форма языкового общения в интернет-дискурсе – это специфический свободный полилог, позволяющий пользователям либо принимать в нем активное участие, либо пассивно наблюдать, читая чужие реплики. Общение может переходить в форму диалога в режиме «шепота» (реплика для выбранного адресата невидима остальным в общем разговоре) либо «привата», или «приватных комнат» (осуществляется выход из общего разговора), можно также игнорировать реплики некоторых участников. Интернет-чат – это интерактивный обмен сообщениями между двумя или более участниками, который в чем-то схож с непосредственной беседой «лицом к лицу», в том смысле, что обратная связь поступает практически мгновенно. Так как диалогическая речь определяется как мобильная форма речи, а обмен письменными репликами с несколькими респондентами в режиме on-line происходит достаточно быстро, несмотря на отдаленность коммуникантов в пространстве, мы можем говорить о динамичности чат-общения. Кроме того, постоянная смена реплик, тематическая изменчивость, возможность перехода из комнаты в комнату, от ссылки к ссылке характеризует чат как процессуальную форму общения.

Отсюда следует, что чат представляет собой гипертекстовое образование электронной коммуникации, которое находится в постоянной динамике и реализовано совокупностью взаимозависимых (физически, семантически, интенционально) веб-страниц.

Само название «чат» свидетельствует о наличии признаков устности в этой форме письменной коммуникации. Большинство исследователей приходят к выводу, что в Интернете происходит «взаимопроникновение различных по природе форм речи (устной и письменной)» [5, с. 6], что появилась «новая разновидность симбиотического разговорно-письменного языка виртуальной коммуникации» [7, с. 320], что «в чатах наблюдается взаимодействие устно-форматирующих свойств канала с графической субстанцией, что позволяет рассматривать электронное общение как новый способ осуществления речи» [9], что «интернет-чаты стали ярким примером письменной фиксации спонтанной, т.е. неподготовленной устной разговорной, речи со всеми ее фонетическими, морфологическими, синтаксическими и стилистическими особенностями, ранее существовавшими только в устной форме» [10]. Бесспорно утверждение о том, что для интернет-коммуникации характерна непредсказуемость, живость устной речи. Таким образом, чат-коммуникация гибридна, поскольку отличается письменной формой реализации, но строится по принципам устной разговорной речи.

Общение в чате предоставляет пользователю широкие возможности для конструирования своей виртуальной личностной идентичности и образа адресата. Процесс экспликации личности в чатах происходит в первую очередь при использовании сетевых псевдонимов – ников. Они обладают большей номинативной уникальностью и индивидуальностью, чем личное имя, так как в пределах чата всегда относятся только к одному конкретному пользователю, стремящемуся самостоятельным и осознанным выбором имени выразить себя, свои воображаемые интересы и качества, создать фантастический, нереальный образ и остаться при этом анонимным. В ряде случаев ники могут дать более или менее верное представление о получателе или отправителе сообщения (если учитывать мотивы их выбора). Это в основном касается теплотворных сетевых псевдонимов по причине большей семантической

прозрачности их основ (*Лучистая, Солнечная, Одинокий Волк, Непризнанный гений, чародейка, favoritka, Acrobat, Viking* и др.). Дальнейшее самовыражение и самотворчество чат-коммуникантов может осуществляться главным образом при помощи их реплик (текстуально), изображений – реалистических либо фантастических (это, например, аватары). В результате собеседникам доступно лишь то, что решит им сообщить адресант. Степень правдивости/ложности тоже определяется им, потому что в условиях интернет-коммуникации общающиеся формируют свое представление друг о друге на основе гораздо меньшего объема информации, чем в реальном мире.

Общение в чатах неоднородно, мало приспособлено для обмена серьезной информацией и ограничивается обсуждением вопросов бытовой сферы, поэтому этот жанр интернет-дискурса является персонально ориентированным. Основной коммуникативной функцией чата принято считать фатическую. Это подтверждает тот факт, что беседа часто строится не только как признания и комплименты, оскорбления и ссоры, флирт, шутка, ирония и т.д., но и носит ассоциативный характер, сопровождаясь снижением языка и выводом смысла из предмета разговора (механизм «эсхрофемизма»).

Таким образом, чаты как жанровая разновидность интернет-дискурса отличаются высокой динамичностью, коммуникативной установкой на фатическую и отчасти творческую функции, карнавальной персонифицированностью, полилогичными и разнотемными ситуациями общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Каптерев, А.И.** Менеджмент знаний: от теории к технологиям: науч.-метод. пособие / А.И. Каптерев. – М.: Либерей-Библинформ, 2005. – С. 266.
2. **Галичкина, Е.Г.** Характеристики компьютерного дискурса / Е.Г. Галичкина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 10. – С. 57.
3. **Бычков, В.М.** Анонимность, виртуальность / В.М. Бычков // Общество и книга: от Гуттенберга до Интернета. – М.: Традиция, 2001. – С. 66.
4. **Карасик, В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 241 с.
5. **Кондрашов, П.Е.** Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / П.Е. Кондрашов; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – С. 8.
6. **Войсунский, А.Е.** Метафоры Интернета / А.Е. Войсунский // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 70.
7. **Потапова, Р.К.** Лингвистическая специфика виртуальной коммуникации (коммуникация в мировой информационной сети) / Р.К. Потапова // Новые информационные технологии и лингвистика: уч. пособие. – 4-е изд., стереотип. – М.: Ком. книга, 2005. – С. 322.
8. **Матвеева, С.А.** Сайт як жанр Інтернет-комунікації (на матеріалі персональних сайтів учених): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 / С.А. Матвеева; Донецьк. нац. ун-т. – Донецьк, 2006. – С. 6.
9. **Аврамова, А.Г.** Лингвистические особенности электронного общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Г. Аврамова; Моск. гос. ун-т. – М., 2005. – С. 9.
10. **Трофимова, Г.Н.** Интернет-эпоха в русской филологии. Ст. 1 / Г.Н. Трофимова // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 2. – С. 34.

S U M M A R Y

The paper deals with the questions connected with the description of the main features of the Internet-discourse and their realization in a chat treated as a genre of the Internet-communication. The modern chat is a hypertext product of electronic communicative activity which is continuously developing and is realized in the combination of interconnected (in physical location, semantics and intentions) web-pages. The author draws a conclusion that a chat differs from the other genres of the Internet-discourse in mobility, communicative aim, carnival personification, dialogic interaction and thematic variety of communicative situations.

Поступила в редакцию 28.05.2008

А.У. Русецкі, Ю.А. Русецкі

Жураўліным лётам «у сінязорны край» (да 100-годдзя паэта Алеся Дубровіча)

«Хай не гавораць аб рэвалюцыі тыя, хто піша гэта слова, але ніколі не страляў і не быў пад стрэламі, хто ніколі не галадаў дзеля ўсеагульнай стачкі і не вадзіў трамвай па заведама мініраваных пуцях; хто ніколі не бачыў старога, у якога стрэлам знесла палавіну галавы, хто не ўздрыгваў пры вокрыку «рукі ўгору!»; хто ніколі не бачыў, як напампоўваюць у агітатара кішкою сціснутае паветра, хто ніколі – гэта ўжо сур'ёзней, г.зн. караецца суровой, – не перавозіў зброі ноччу ў вялікім горадзе, хто ніколі (бадай, хопіць, бо працягваць можна да бясконцасці) не стаяў на даху, спрабуючы адмыць уласнаю мачою чорную пляму паміж вялікім і ўказальным пальцам, – след вінтоўкі, калі сама вінтоўка закінута ў калодзеж, а па лесвіцы падываюцца салдаты; па руках вас будуць судзіць, другіх доказаў апрача рук, ім не трэба; зрэшты, калі рукі чыстыя, вас усё роўна не адпусцяць, калі ведаюць дакладна, з якога даху вы стралялі».

Эрнест Хэмінгуэй

Вядома, такіх натуралістычных дэталей, якія, па Э. Хэмінгуэю, характарызуюць маладога рэвалюцыянера 20-х гадоў XX ст. (незалежна ад таго, дзе яму прыходзілася дзейнічаць – у рэвалюцыйнай Мексіцы, франкісцкай Іспаніі, фашысцкай Польшчы ці Германіі) у давераснёўскай біяграфіі ўраджэнца в. Каралевічы Дзісенскага павета Віленскай губерні (цяпер Глыбоцкі раён Віцебскай вобласці) паэта **Алесея Дубровіча** (сапраўднае прозвішча Рэдзька Аляксей Ягоравіч) не было. Але пераканальным фактам з'яўляецца тое, што А. Дубровіч быў актыўным змагаром за вызваленне Заходняй Беларусі з-пад нацыяналістычнай пільсудчыны: што першы раз трапіў у турму ў 1933 г. за збор подпісаў супраць 93-дзённага Лейпцыгскага працэсу над Георгіем Дзімітравым; што вілейская турма, пабудаваная яшчэ Кацярынай II «дзеля спакою гэтага краю» (праўда, тады Расійскай, а ў 20–30-я гады XX ст. – Польскай дзяржавы. – А.Р., Ю.Р.) з яе бізуновымі добытамі, цёмнымі карцарамі з памазанымі дзёгцем сценамі і цэментаванай падлогай, палітай вадой, не зламлі валявой натуры змагара, а наадварот, дазволілі паспяхова вытрымаць першае суровае выпрабаванне на мужнасць; што ён гарэў рэвалюцыйнай работай, часта бываў у той жа Вілейцы, прывозячы падпольшчыкам інструкцыі і падпольную літаратуру (В. Каляда); што ў 1933 годзе А. Дубровіч звязаўся з віленскім цэнтрам рэвалюцыйнай заходнебеларускай літаратуры і ўдзельнічаў у першым нелегальным з'ездзе пісьменнікаў Заходняй Беларусі.

Патрэбна адзначыць, што А. Дубровіч у першай палове 30-х гадоў у Заходняй Беларусі **спачатку** вядомы як адзін з актыўных аўтараў літаратурнай старонкі легальнай «Беларускай газеты» – неафіцыйнага друкаванага органа КПЗБ (выходзіла на беларускай мове ў Вільні з 8 чэрвеня 1933 г. да 30 студзеня 1934 г. На 17-м нумары афіцыйна забаронена, а найбольш актыўныя супрацоўнікі арыштаваны і пасля двухгадовага следства засуджаны), **а затым**, разам з рэдактарам газеты А. Карповічам, актыўнымі змагарамі з белаполь-

скай рэакцыяй паэтамі і пісьменнікамі В. Таўлаем, П. Пестраком, Я. Чаборам, Я. Міско – як арганізатар рэвалюцыйнага «Літаратурнага фронту сялянска-рабочых пісьменнікаў Заходняй Беларусі (існаваў з 10 снежня 1933 г. да пачатку сакавіка 1934 г. Распаўся пасля арышту польскімі ўладамі яго арганізацыйнага ядра). Дарэчы, А. Рэдзька быў адным з аўтараў «Праграмы Літаратурнага фронту...» (надрукавана ў першым і адзіным нумары часопіса «Літаратурная старонка», які выйшаў з друку 25 студзеня 1934 г.), скіраванай на арганізацыю духоўна-патрыятычнага выхавання моладзі Заходняй Беларусі, запрашэнне яе для творчай працы ў імя працоўнага народа, разуменне прынцыпаў талерантнага існавання народаў, актыўнай ролі мастацтва ў гэтым існаванні, непрымання тэорый надкласавасці і апалітычнасці мастацтва. У вершы «Усхваляваныя напевы» (1937) дэкларацыйныя радкі дакумента выльюцца ў яркую паэтычную форму:

*Сплаці, пясняр, свой доўг вялікі.
Прарокам будзь ясніейшых дзён...*

У 1934 г. Алесь Рэдзька напісаў «Дэкларацыю групы паэтаў да ўсіх пісьменнікаў Заходняй Беларусі». Яна таксама была надрукавана ў «Літаратурнай старонцы».

Паэтычнае слова А. Дубровіча гучыць пераканальна і рэвалюцыйна ясна. Яго вершы ідуць у народ, распаўсюджваюцца ў маладзёжным асяроддзі Заходняй Беларусі ў рукапісным выглядзе. І адным з такіх вершаў была «Крапіва» – верш, у якім яскрава раскрываецца пакутная доля і гаротнае жыццё заходнебеларускіх сялян:

*Зелянее на сонцы пад плотам
І шапоча маркотна крапіва,
А на вёсцы – нядоля, бядота,
Нашы людзі живуць нешчасліва.*

*Зачарсцвелага хлеба скарынка
Часта ўпрочкі ідзе ад абеду.
Доўга ў місцы малая крупінка
Усё гарцуе, не робячы следу.*

*Перад лыжкай павернецца крута,
Быццам дробная рыбка з-пад сеці,
І лавіць яе гэтак – пакута,
Недарма – замарнелыя дзеці.*

*І шапоча маркотна крапіва
Пад вясновага сонца праменнем:
Гэты позірк галодны, скваплівы
Адшукаў яе, нібы збавенне.*

*Заўтра справяць галодныя дзеці
Па вясне зноў памінкі крапівай:
Весялей будуць вочы глядзеці,
З-пад рукі выглядаючы жніва.*

Як адзначаюць даследчыкі творчасці А. Дубровіча (напрыклад, М. Бельскі) у канцы 1933 – пачатку 1934 г. пад яго рэдакцыяй было выдадзена і некалькі рэвалюцыйных лістовак.

Але ж не драмала польская дэфензіва, асаднікі, тайная агентура. Была забаронена «Літаратурная старонка», у 1934 г. за актыўны ўдзел у рэвалюцыйна-

літаратурным руху А. Дубровіч быў арыштаваны і змешчаны ў сумна вядомую турму, што на Лукішках у Вільні. Сядзеў юнак у камеры для палітзняволеных. Два з паловай гады допытаў, вочных ставак, хамскіх здзекаў, разаблачэння ілжывых сведчанняў і паклёпаў, вобыскі не толькі ўдзень, але і начамі, недапушчэнне сустрэч з раднёй. Можна прадставіць, якой бесчалавечнай, жорсткай і здэклівай была турэмная атмасфера, калі ў тагачаснай Вільні – гэта трапна прымеціў малады беларускі кампазітар Рыгор Шырма – не толькі паглыблялася «расцэрушэнне сілаў», а нават адбываўся «нейкі працэс знячулення да маральнай подласці». Да таго ж у грамадстве «прытупілася чуйнасць грамадзянскай этыкі, што нават публічныя даносы ў прэсе не выклікаюць заслужанага абурэння» [1].

Алесю Дубровічу, як і іншым зняволеным пісьменнікам і паэтам, галоўнае абвінавачванне прад'яўлялася за прыналежнасць да КПЗБ, стварэнне Літаратурнага фронту, за арыентацыю на Савецкую Беларусь.

Але гэта была і школа грамадскага сталення, грамадзянскай сталасці, умацавання асабістых перакананняў. Валянцін Таўлай так ахарактарызаваў лукішскі перыяд жыцця А. Дубровіча: «Два з паловай гады, праведзеныя А. Рэдзькам (А. Дубровічам. – А.Р., Ю.Р.) у гэтым «універсітэце» поруч з не адным выдатным і палітычна-асвечаным рэвалюцыянерам, далі яму не толькі агульныя веды, але і асновы марксісцка-ленінскага светапогляду. Павышаны ідэйны і культурны ўзровень, узбагачаны палітычны вопыт сталі перадумовай далейшага творчага росту. Аб гэтым сведчылі новыя вершы А. Рэдзькі, якія пад псеўданімам «Мікіта» змяшчаліся ў асцярожным літаратурным часопісе «Краты» [2].

Хоць на прагулянках па турэмным двары арыштаваных ішлі не менш чым праз 3 м адзін ад другога, усё ж была якая-нікая магчымасць перакінуцца словам з больш вопытнымі арганізатарамі рэвалюцыйнай барацьбы П. Пестраком, В. Таўлаем, М. Мінковічам, П. Радзюком, А. Карповічам, А. Балабановічам, А. Рыбацкім, А. Патажнікам і іншымі аўтарамі артыкулаў, лістовак, літаратурных твораў аб прыніжэнні беларусаў у Польшчы. (Дарэчы, у гэтай жа турме крыху больш за чатыры гады адбываў пакаранне польскага суда актыўны ўдзельнік рэвалюцыйнай барацьбы ў Заходняй Беларусі паэт і зямляк А. Дубровіча Міхась Машара. – А.Р., Ю.Р.).

Пасля двух з паловай гадоў зняволення адбыўся суд над пісьменнікамі-рэвалюцыянерамі, т.зв. працэс «16» ці «Малой грамады». Алеся Рэдзьку (у судовай справе паэт значыцца пад гэтым прозвішчам. – А.Р., Ю.Р.), як адзначае адзін з першых аўтараў аб жыцці і творчасці А. Дубровіча Мікалай Чамеза (яго артыкул «Паэт-змагар» быў надрукаваны ў газеце «Літаратура і мастацтва» 2 верасня 1983 г. – А.Р., Ю.Р.), «прысудзілі да чатырох гадоў і яшчэ да чатырох месяцаў за тое, што збіў на горкі яблык турэмнага наглядчыка».

Трохі вышэй, спасылаючыся на В. Таўлая, мы ўспомнілі рукапісны часопіс «Краты», які нелегальна ў рукапісным выглядзе выдаваўся ў Лукішках (усяго выйшла каля 20 нумароў. – А.Р., Ю.Р.) і ў выданні якога актыўны ўдзел бралі Максім Танк, Валянцін Таўлай, Піліп Пестрак (дарэчы, вядомы верш П. Пестрака «Паэзія» быў слынным арыенцірам для пачынаючых літаратараў «за кратамі» ў разуменні імі сілы паэтычнага слова і ролі паэзіі ў духоўным жыцці народа. – А.Р., Ю.Р.). Пад псеўданімамі «Макар» і «Мікіта» ў «Кратах» актыўна друкаваўся і А. Дубровіч.

У сваіх успамінах «Ён вершам краты пілаваў» вядомы дзеяч рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі Якаў Герасімавіч Міско (Якуб Міско) піша: «Трэба мець на ўвазе, што за невялікі агрызак алоўка вязню пагражаў карцар, а ў выпадку яму «лічылі» скабы так, што ён пасля доўга вычухваўся». І сярод тых беларусаў, якія сядзелі ў Лукішках, аўтар успамінаў называе прозвішча А. Рэдзькі: «Усцешыўся ад таго, што на старонках часопіса (маецца на ўвазе часопіс «Краты». – А.Р., Ю.Р.) былі прозвішчы В. Таўлая, А. Рэдзькі, Я. Патаповіча...»

А. Дубровіч быў вызвалены з Лукішак па амністыі ў 1936 г., адразу ж пасля аглашэння прыговора суда, як адсядзеўшы свой тэрмін «авансам», на працягу

зацягнутага расследавання. Але звернемся да Валянціна Таўлая. «У 1936–1939 гг., – піша Таўлай, – на старонках «Беларускага летапісу»* (выходзіў з пачатку 1936 г. – А.Р., Ю.Р.), а пасля і «Калосся»** з’яўляюцца вершы Алеся Дубровіча. Гэтым Дубровічам быў Аляксей Рэдзька, вымушаны маскіравацца перад польскай дэфензівай і цэнзурай. ... Дубровіч упарта авалодваў мастацкім словам, вучыўся ў Янкі Купалы і ў сваіх старэйшых, больш дасведчаных сяброў, быў на парозе творчага самавызначэння».

А што вопытнейшы літаратар і арганізатар рэвалюцыйнай справы быў правы, сведчаць два выказванні Народнага паэта Беларусі Максіма Танка, які ў тыя гады з’яўляўся рэдактарам літаратурнага аддзела часопіса «Беларускі часопіс». Аналізуючы адносіны А. Дубровіча да праблемы «мастацкая спадчына і сучаснасць», М. Танк у «Беларускім часопісе» (№ 10–11 за 1938 г.) адзначае: «Гэтыя вершы належаць да катэгорыі маладых старыкоў, аб іх можна сказаць, што яны **неблагія** (выдзелена намі. – А.Р., Ю.Р.), але спозненыя на 20–30 год». Праз колькі часу, рыхтуючы да друку аўтабіяграфічныя нататкі «Лісткі календара» [3], М. Танк адзначае: «...зараз сяджу за прысланымі ў рэдакцыю творамі Я. Сумнага, В. Бурстальгама, ... М. Ліста, А. Дубровіча, А. Іверса... Вершы апошніх двух – найбольш **цікавыя і арыгінальныя**» (выдзелена намі. – А.Р., Ю.Р.).

Праўда, Народны паэт канкрэтна не вызначае, аб якіх творах ён выказаўся адназначным чынам. Можна толькі здагадацца, што ў першым выпадку размова магла ісці аб вершах, напісаных для турэмных «Кратаў» (на жаль, да сучаснага чытача яны не дайшлі. – А.Р., Ю.Р.), калі магчымасці для творчага роздуму пад штодзённым паліцэйска-турэмным уціскам былі рэзка абмежаваны; у другім жа – аб тых сямі вершах А. Дубровіча, якія друкуюцца ў пазыччаных зборніках і сталі амаль што хрэстаматыйнымі. На наш погляд, у першую чаргу, размова можа ісці аб вершах «Кіну свае думы», «Пад звон драгоў...», «Калісь любові хмель вясняны», «Усхваляваныя напевы».

Вось, напрыклад, верш «Кіну свае думы», напісаны ў 1938 г. і прысвечаны ўпэўненасці паэта ў наступленні станоўчага, вясенніх змен у жыцці, актыўнай ролі мастака ў набліжэнні да народа такіх змен:

*Кіну свае думы жураўліным лётам –
Хай ляцяць да сонца, у далёкі край.
Сам пайду і сяду пад лазовым плотам
І пра тое сонца буду ціха граць.*

*І хоць скасцянеюць пальцы на марозе,
Не пакіну кратаць галасістых струн,
Хай зімой завеі выюць на парозе
Ці ў барах сасновых плачуць, як лясун,*

*А як пашарэ белы снег пад плотам –
Падкручу ў цымбалах кожную струну
І на ўсіх, залітых ранняй пазалотай,
Я зайграю з ветрам маладым вясну.*

*І па хатах людзі вечарам лучынным
Пра вясну, пра сонца будуць гаварыць;
Выйдуць на узгоркі з туманоў лагчынных,
Каб вясняным сонцам грудзі апаліць.*

* Дубровіч А. Крапіва // Бел. летапіс. – 1937. – № 4; Дубровіч А. Грудзей распаленых напевы // Бел. летапіс. – 1937. – № 6–7; Дубровіч А. Дзяўчыне // Бел. летапіс. – 1937. – № 10–11; Дубровіч А. Кіну свае думы. Восень. Зорны край // Бел. летапіс. – 1938. – № 4–5.

** Дубровіч А. Гэй, віхор шырокакрылы. Калісь любові хмель вясняны // Калоссе. – 1938. – № 4; Дубровіч А. Пад звон драгоў сумуючы. Вясна. І тысячы сугучаў // Калоссе. – 1939. – № 2.

*Дык ляціце ж, думы, жураўліным лётам,
Каб хутчэй сустрэцца з сонцам і вясной!
Я іграць не кіну пад лазовым плотам,
Рукі не самлеюць, воч не сплюшчу сном!*

Зразумела, што і «тое сонца», і «далёкі край» – гэта не толькі пра жыццё ў Савецкай Беларусі, аб якім марылі і ў прыход якога непахісна верылі паднявольныя «польскія» беларусы. Гэта яшчэ і яркае сведчанне таго, што для найбольш актыўнай творчай моладзі, якая жыла на «крэсах усходніх», галоўнай мэтай было паскорыць уз'яднанне беларусаў у адну агульную сям'ю, стаць актыўным удзельнікам сацыльнага працэсу, за якія яны змагаліся ў рэвалюцыйным падполлі, траплялі ў пастарункі і дэфензівы, сядзелі ў турмах буржуазнай Польшчы.

Лепшае пацвярджэнне такому меркаванню знаходзім у вершы «Зорны край», датаваным 1938 г.:

*Мне песняй выліць хочацца
Увесь жар грудзей маіх.
Наперад!.. Не варочацца,
Хоць шлях калюча-ліх!*

*За хмарамі, за горами
Ёсць сінязорны край.
Іду к яму нязморана –
Гэй, сэрца, марш іграй!*

*Прыпол там, зорак поўны, я
Згарну з той сінявы.
Да вас, прасторы родныя,
Да сцежак палявых*

*Вярнуся, поўнай жменяю
Сыпну пад стрэхі хат, –
Няхай гараць праменьнямі,
Да дня гараць няхай!*

І, нарэшце, аб асабістай пазіцыі паэта, занітаванай у вершы «Калісь любові хмель вясняны». Пазіцыі адкрытай, пазіцыі актыўнага змагара, упэўненага ў правільнасці абранага шляху:

*Калісь любові хмель вясняны,
Што на калоссі ззяў расой,
Пілі мы сэрцамі дап'яна
І вочы цешылі красой.*

*На развітанне ў шлях змагання
Адзін я, без цябе, пайшоў, –
Цябе жыццё маніла раннем,
Магілай веяў звон акоў.*

*Я йшоў нямала ў непагоду...
І зноў мой край – пазнаў сляды,
І зноў гляджу ў твой твар лагодны,
Усё так жа свежы, малады.*

*Адно адменнае пабачыў:
Вачэй агонь раўней гарыць...*

*Не раз мо выпіла без плачу
Слязу, што ў сэрцы накіпіць!*

*А можа, сэрцам зразумела
Цану нявыбітых дарог!
Дык дай руку – і пойдзем з верай
Насустрэч нашых перамог!*

Невялікая творчая спадчына ўсё ж дазваляе зрабіць некаторыя вывады. Для сучаснага чытача А. Дубровіч не толькі актыўны ўдзельнік рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі. Гэта, перш за ўсё, паэт, які валодаў самабытным паэтычным дарам і яркімі здольнасцямі ў спасціжэнні акаляючага яго свету, і чалавек, які ўмеў у звычайным і будзённым убачыць перспектывыя накірункі сацыяльнага развіцця, спалучаў публіцыстычны запал з мяккім лірызмам, выяўленне суб'ектыўнага свету асобы з асабістымі яго ацэнкамі. Лірычны герой А. Дубровіча мог паслаць свае думкі «жураўліным лётам», «каб хутчэй сустрэцца з сонцам і вясной», кінуць у свет «усхваляваныя напевы», імкнуцца наперад, у будучыню, нягледзячы на тое, што «шлях калюча-ліх». Пры гэтым «зорны край» А. Дубровіча – гэта не абстрактны вобраз, запазычаны ў сімвалістаў. Гэта менавіта яго, А. Дубровіча, паэтычнае адкрыццё, якое ў жорсткіх цензурных умовах даносіла да чытача мару аб жыцці ў Савецкай Беларусі, жыцці, аб якім марыла насельніцтва Заходняй Беларусі.

Нельга не пагадзіцца з М. Мікулічам, які, аналізуючы творчасць А. Дубровіча (гл.: «Літаратура і мастацтва», 2006, 25 жн.), найбольш тыповым для разумення рамантычнага, вобразна-эмацыянальнага пачатку называе верш «Гэй, віхор шырокакрылы...» (на жаль, ён амаль што не друкуецца. – А.Р., Ю.Р.): «У ім лірычны герой паэта звяртаецца да «падарожніка непрытульнага» віхора, пытаецца ў яго, «дзе зьвіваў» ён «хмарам грывы, дзе спраўляў свой лёт разгульны?» «Раскажы, што ў сьвеце бачыў, – прапануе ён, – крумкачы аб чым дзе крычуць, аб чым весткі ў сьвеце ходзяць?...»

*Быў далёка я за морам,
Цалаваўся з акіянам,
На сваіх сняговых горах
Я гуляў з вяселлем п'яным, –*

паведамляе віхор. «І на захадзе й на ўсходзе свет грыміць і звоніць стальлю... Гэй, там ёсць чаму паўчыцца!...» – шматзначна сцвярджае ён.

Аб прыцягальнасці паэтычных твораў А. Дубровіча сведчыць і той факт, што яго лепшыя вершы перакладаліся на рускую і ўкраінскую мовы і друкаваліся ў ленінградскіх, кіеўскіх, мінскіх выдавецтвах. Заўважым, што і на іншых мовах вершы А. Дубровіча гучаць гэтак жа мілагучна, як і на мове арыгінала. У якасці прыклада звернемся да перакладзенага яшчэ ў 1938 г. Іосіфам Васілеўскім верша «Кіну свае думы» (у перакладзе ён быў надрукаваны пад назвай «Думы». – А.Р., Ю.Р.):

*Вдаль летите думы
С журавлиным клином.
Я прощаюсь с вами,
С грустью расстаюсь.
Сам возьму цимбалы,
За лозовым тыном
Сяду и об этом
С солнцем поделюсь.*

*Пусть хоть дождь, хоть вьюга
Встретят на пороге,*

*Пусть буран закружит
Захлестнет буран,
Пусть зачоченею
Где-нибудь в дороге,
Струн я не оставляю,
Голосистых струн.*

*А когда утихнет непогодь лихая, —
Подтяну в цимбалах
Каждую струну
И с хорошей песней,
Ветру подпевая,
Встречу молодую
Светлую весну.*

*Будут в темных хатах
Вечером лучинным
И на посиделках
Люди песни петь.
А пригреет солнце —
В кажушках старинных
Выйдут на пригорок
Душу отогреть.*

*Так летите ж, думы,
С журавлиным клином,
Встретиться скорее
С солнцем и весной.
Я вам подыграю
За лозовым тыном,
Пусть летит за вами
Тихий голос мой.*

На роднай беларускай мове вершы А. Дубровіча друкаваліся ў паэтычных зборніках «Мы іх не забудзем» [2], «Сцягі і паходні», «Крывёю сэрца», «Радзіме — радок і жыццё» [4–6]. Вершы «Крапіва» і «Кіну свае думы» ўключаны ў «Анталогію беларускай паэзіі», якая ў 3 т. выдадзена ў Мінску ў 1961 г.

Такі вось ён наш зямляк Алесь Дубровіч — паэт-змагар, паэт-рамантык, паэт-летуценнік...

На заканчэнне некалькі аўтарскіх заўваг.

Першая — аб пачатку творчай дзейнасці. Здавалася б, пачатковая школа, якую закончыў тады яшчэ Аляксей Рэдзька, ніяк не магла стаць фундаментам для паэтычнай творчасці. Але яна пазнаёміла будучага паэта з класічнымі творамі польскай і рускай літаратуры, падштурхнула яго да больш дэталёвага знаёмства з творамі Пушкіна і Лермантава, вершамі Я. Купалы і Я. Коласа. А яшчэ — літаратурная самаадукацыя, а таксама ўплыў старэйшага брата Дзмітрыя, з якога Аляксей заўсёды браў прыклад.

Свой першы верш А. Рэдзька надрукаваў у прагрэсіўнай газеце «Доля працы» ў 1928 г., у васемнаццацігадовым узросце. Потым устанавіцца сувязь з легальным неафіцыйным органам КПЗБ — «Беларускай газетай». Як адзначае М. Чамеза, ужо ў шостым нумары газеты літаратурны аглядальнік у артыкуле «Адгукнуліся» пісаў пра вершы паэта з Глубоччыны: «Другі малады паэт А. Рэдзька цешыцца, што

*«рух народны рвецца на раздолле
І ў заўтра пракладае торны шлях».*

Аказваецца, размова ішла аб вершы «Беларусь», які датуецца 1933 г. Праўда, колькі месяцаў раней быў напісаны цяпер стаўшы амаль хрэстаматыйным верш «Мы». Але аб ім трохі ніжэй. 1928 – 1932–1933 – вось яны адметныя штрыхі першых творчых шуканняў Аляксея Рэдзкі.

Другая – аб паходжанні псеўданіма «Дубровіч». Існуюць дзве версіі. Адна з іх належыць жыхару г. Глубокае Аляксею Гур'евічу Пашковічу, які ў размове з пісьменнікам Алесем Жыгуновым выказаўся наступным чынам:

«Тады раскажу, як ён канспіраваў перадачу нелегальнай літаратуры. Непадалёк ад Каралевічаў дуб дуплаваты стаяў, каля дуба камень вялізны ляжаў. І Алесь гаварыў мне: «Калі на валуне ляжыць яшчэ адзін каменьчык, то лістоўкі пракламацыі – у дупле. Падыходзь і забірай. Калі ж не – праходзь міма».

– Аляксей Гур'евіч, а можа, ад дуба гэтага і псеўданім – Дубровіч?

– Ніколі ён мне пра гэта не казаў, але я думаю, што не, штосьці іншае тут...»

Той жа Алесь Жыгуноў даносіць да чытача і другую версію, але запісаную ад брата Аляксея Рэдзкі Івана Ягоравіча Рэдзкі, які да апошніх дзён жыў у Каралевічах:

«Дубровіч, здаецца мне, пайшоў ад Дуброўскага, літаратурнага героя, і Алесь яго неаднойчы ўспамінаў. А ці так гэта на самай справе – не ведаю...» [7].

Якая з дзвюх версій жыццёвая, меркаваць чытачу. Але сутнасць іх у тым, што, дзякуючы ім, не толькі ў беларускай, але і ў славянскай і еўрапейскай літаратурах назаўсёды занітавана прозвішча «Дубровіч», назалежна ад таго, якая з версій больш, а якая менш праўдзівая.

Трэцяя – аб жыццядзейнасці А. Дубровіча ў Савецкай Беларусі. Дзень 17 верасня 1939 г. стаў для паэта лёсавызначальным – пачалося жыццё, да якога ён імкнуўся ўсёй сваёй свядомай дзейнасцю. Ён працуе ў камісіі па размеркаванні панскіх зямель і маёмасці валаснога рабоча-сялянскага камітэта. Яго выбіраюць дэпутатам у Галубіцкі сельскі савет, дзе Аляксей спачатку працуе сакратаром, а затым прызначаецца старшынёй. Да Алеся Дубровіча прыйшло і асабістае шчасце: у 1939 г. ён стаў бацькам дзвюх дзяўчынак-блязнят.

У кастрычніку 1939 г. працаўнікі Глыбоччыны дэлегіруюць А. Дубровіча для ўдзелу ў рабоце Народнага сходу ў Беластоку. Паездка ў Беласток стала для паэта столь уражлівай (і не толькі таму, што ён адчуў сябе ўдзельнікам сацыялістычнага аднаўлення заходніх беларускіх зямель, а і таму, што ў Беластоку А. Дубровіч сустрэўся са сваімі «калегамі» па Лукішках П. Пестраком, В. Таўлаем, Я. Міско, Я. Патаповічам, М. Машарай, іншымі палітвязнямі), аб чым паэт доўгі час дзяліўся ўражаннямі са сваімі землякамі з Глыбоччыны.

Да месца прывесці наступны эпізод, звязаны з удзелам А. Дубровіча ў рабоце Народнага сходу. (Я, праўда, раней не думаў, што эпізод з майго рабочага дзённіка аб уражаннях ад Урачыстага пасяджэння ў Мінску ў верасні 1999 г., прысвечанага 60-годдзю ўз'яднання Беларусі, калі-небудзь будзе выкарыстаны. – А.Р.). І справа вось у чым. Трэба было бачыць, якімі радаснымі і ўсхваляванымі былі ўдзельнікі пасяджэння, асабліва тыя, хто быў значна старэйшы за нас, сучаснікаў. Я з цікавасцю назіраў за сустрэчай былых удзельнікаў сходу з Глыбоччыны і Вілейшчыны...

– А ўспомні нашу сустрэчу з Піменам Пестраком, як ён абрадаваўся, калі даведаўся, што мы з Глыбоцка-Вілейскага Паазер'я. І адразу ж запытаў: «А дзе ж Ваш Алесь?» Мы пераглынуліся: «Які Алесь?» «Ну, вядома ж, Дубровіч. Мы ж разам праходзілі лукішскі ўніверсітэт». І нечакана пачаў чытаць верш:

*Мы – скрыўджаных няпраўдай струны,
Адным распалены агнём.
Мы гімн пакуце граем сумны
І славу барацьбе пяём.*

*Натхненне наша у змаганні
За шчасце новага жыцця,
Мы летуцім аб светлым ранні,
І шмат у песнях пачуцця.*

*Мы сэрцам полымным і чыстым
Асвецім шлях сябрам другім,
І верым – песняй урачыстай
Мы перамозе зложым гімн.*

Мы здзіўлена маўчалі. А Пімен Сямёнавіч працягваў: «Гэта ж вядомыя «Мы» Алеся Рэдзкі, датаваныя 1932 г. Верш, як бачыце, настолькі палымна-прызыўны, што ўжо да публікацыі ў «Літаратурнай старонцы» ў 1934 г. шмат якія ўдзельнікі антыфашысцкага руху ў Заходняй Беларусі выкарыстоўвалі яго як своеасаблівы пароль для сувязі. Але, дзе ж Дубровіч?»...

Арганізацыйная, гаспадарчая, адміністрацыйная праца ўсё ж не перашкаджала літаратурнай творчасці А. Дубровіча. Усё часцей на старонках газеты «Вілейская праўда» (орган Часовага ўпраўлення Вілейскай вобласці, у якім з кастрычніка 1939 г. працаваў М. Танк. – А.Р., Ю.Р.) з'яўляліся вершы*, нарысы, карэспандэнцыі паэта. З 1940 г. ён перайшоў на пастаянную працу ў вілейскую раённую газету. Паездкі па Вілейшчыне, штодзённае знаёмства з пераменамі ў жыцці людзей, ахопленых пачуццём новага, невядомага, але ўсё больш і больш пераканальнага, пошук таго няўлоўнага, што выклікала цікавасць у чытачоў, – усё гэта настойліва і неадольна пераконвала А. Дубровіча ў правільнасці абранага ім шляху.

Паведамленне аб нападзе фашысцкай Германіі на СССР застала А. Дубровіча ў мястэчку Куранец, куды ён быў накіраваны ў чарговую камандзіроўку. У спешным парадку давалася вяртацца ў родныя мясціны (а ад вілейскага Куранца да родных Каралевіч каля 150 км. – А.Р., Ю.Р.). Атрымалася так, што Алесю з сям'ёй не ўдалося пакінуць захопленую ворагам тэрыторыю. Душа рэвалюцыянера-змагара шукала выйсця. І яно знайшлося – разам з бацькам, братамі Дзмітрыем і Васілём, суседам Васілём Капшулем яны ствараюць у Каралевічах падпольную групу, устанаўліваюць сувязь з партызанамі дзеючай у тых мясцінах брыгады імя Суворова.

М. Бельскі, адказны сакратар глыбоцкай раённай газеты «Шлях перамогі», які яшчэ ў 1966 г. звярнуўся да жыцця і творчасці А. Дубровіча, аб падпольнай групе ў Каралевічах пісаў: «Народныя мсціўцы перабіраюцца ў гарнізоны фашысцкіх катаў, што размяшчаліся ў гарадскім пасёлку Падсвілле, вёсцы Галубічах, горадзе Глыбокім. У атрады партызан паступаюць каштоўныя звесткі аб размяшчэнні сіл ворага, перапраўляюцца зброя, вопратка, харчы» [8].

Галіна Сутула ў артыкуле «Кіну свае думы жураўліным лётам» [9] дае ўласнае бачанне трагедыі, якая адбылася восенню 1942 г. у Каралевічах: «Аднойчы Аляксей атрымаў ад А. Пашковіча лістоўкі, але добра не схаваў, а тут вобыск. Адну лістоўку хлопец з'еў, астатнія знайшлі. Як высветлілася пазней, здраднікам, які выдаў Аляксея, быў Сенька Зімніцкі (солтыс), вясковы бадзяка і п'яніца.

Сям'я Рэдзкаў (за выключэннем Івана) трапляе ў засценкі гестапа. Нягледзячы на катаванні, збіванне, Аляксей, яго браты і бацька не згадзіліся супрацоўнічаць з немцамі».

Раніцай 7 лістапада 1942 г. Аляксей Дубровіч разам з бацькам Ягорам Францавічам, роднымі братамі Васілём (з жонкай Ірынай) і Дзмітрыем і стрыечным братам Міхаілам былі расстраляны на вачах сястры і жонкі паэта ва ўрочышчы Жвіроўня, непадалёку ад родных Каралевічаў.

* Гл., напрыклад: Дубровіч А. Хоць радасць сэрца не выліць словамі // Вілейская праўда. – 1939. – 3 студз.; Дубровіч А. У краіне Леніна // Вілейская праўда. – 1939. – 10 студз.; Дубровіч А. Толькі сталінцаў пашлём. Пад мудрым законам // Сялянская газета. – 1940. – 21 лют.

«Вечная память героям, павшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – такі лаканічны, нават традыцыйны, надпіс чытаецца на някідкім у вочы помніку ва ўрочышчы Жвіроўня. І адным з гэтых герояў з’яўляецца паэт Алесь Дубровіч, чалавек, які ў свае 32 гады жыў на зломе эпох, спазнаў чалавечыя, маральныя, сацыяльныя каштоўнасці панскай Польшчы і Савецкай дзяржавы, а ўрэшце рэшт загінуў ад рук «вялікіх» вызваліцеляў Еўропы – нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

І чацвёртая – аб памылках і недакладнасцях, якія сустракаюцца ў публікацыях аб жыццядзейнасці А. Дубровіча. Першая звязана з устанаўленнем сапраўднай даты нараджэння паэта. Адны аўтары (напрыклад, В. Таўлай, М. Бельскі, М. Мікуліч) сцвярджаюць, што А. Дубровіч нарадзіўся ў 1906 г., другія (напрыклад, Л. Кароткая) лічаць, што згубіўся дзень нараджэння. Нам думаецца, што такія недарэчнасці павінны быць зняты, як кажуць, адзін раз і назаўсёды. Тым больш, што дзякуючы глыбоцкаму краязнаўцу А. Тарыкаву ісціна ўстаноўлена яшчэ ў 1993 г. У кнізе «Зарніцы в глубинах озер» (Мн., 1993) адназначна сцвярджаецца: «Алесь Дубровіч (Аляксей Рыгоравіч Рэдзька) нарадзіўся 10 сакавіка 1910 года ў вёсцы Каралевічы, што ў 12 кіламетрах на ўсход ад Глыбокага». (Дарэчы, указанне на месца нараджэння – гэта таксама ліквідацыя недакладнасці, якую дапусцілі В. Таўлай і Л. Кароткая, называючы месцам нараджэння в. Галубічы). Аб ісціннасці вывадаў А. Тарыкава сведчыць і тое, што ўзятыя ў якасці адзіна правільных, яны сталі высновай для рэдакцыйных калегій і рэдактараў энцыклапедычных, даведкавых, літаратуразнаўчых выданняў.

Другая памылка не такая ўжо і сур’ёзная, але дзеля справядлівасці патрэбна сказаць і пра яе. А справа вось у чым: час ад часу друкуюцца сведчанні, што А. Дубровіч закончыў сярэдняю школу. Аўтары альбо не ведаюць гістарычных рэалій, або разважаюць самым спрошчаным чынам: як гэта вядома паэт закончыў толькі пачатковую школу. А якую ж іншую школу мог закончыць Аляксей Рэдзька, калі апрача пачатковых у сельскай мясцовасці «крэсаў усходніх» іншых не было? Да таго ж існаваўшыя беларускія пачатковыя школы актыўна ператвараліся ў польскамоўныя (адзначым, што да 1933 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі ўжо не існавала ніводнай беларускай школы. – А.Р., Ю.Р.). Зробім вывад: школу А. Рэдзька (А. Дубровіч) закончыў у Галубічах, і гэта была звычайная вясковая школа, у якой было ўсяго 4 класы, – факт агульнапрызнаны, з’яўляецца набыткам усёй даведачнай літаратуры.

І яшчэ. Калісьці В. Таўлай, гадоў 60 таму назад, памылкова выказаўся, што А. Дубровіч быў расстраляны нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў снежні 1941 г. На жаль, гэту памылку В. Таўлая даволі часта тыражавалі больш познія аўтары матэрыялаў пра А. Дубровіча. Дарэчы, памылку рабілі і тыя аўтары, якія датай смерці А. Дубровіча лічылі лістапад 1941 г., 6 лістапада 1942 г. або нават канец лістапада 1942 г. Чуць вышэй мы называлі дату трагічнай смерці паэта-рэвалюцыянера – 7 лістапада 1942 г. Яна таксама стала вызначальнай для сучасных аўтараў і выданняў.

Такія вось разважанні і ўдакладненні, якія, на наш погляд, дазваляць сучасніку мець больш поўную і аб’ектыўную карціну жыцця і творчай дзейнасці нашага земляка, паэта-самавука, паэта-змагара Алеся Дубровіча [10–12].

ЛІТАРАТУРА

1. *Ліс, А.* Цяжкая дарога свабоды / А. Ліс. – Мінск, 1994. – С. 381.
2. *Таўлай, В.* Алесь Дубровіч / В. Таўлай / Мы іх не забудзем. – Мінск, 1949.
3. *Танк, М.* Збор твораў: у 6 т. / М. Танк. – Мінск, 1981. – Т. 6.
4. *Дубровіч, А.* Сцягі і паходні / А. Дубровіч. – Мінск, 1965.
5. *Дубровіч, А.* Крывёю сэрца / А. Дубровіч. – Мінск, 1967.
6. *Дубровіч, А.* Радзіме – радок і жыццё / А. Дубровіч. – Мінск, 1986.
7. *Жыгуноў, А.* Вяртанне Алеся Дубровіча / А. Жыгуноў // Дзвіна: Віцебшчына літаратурная. – Мінск, 1992.

8. **Бельскі, М.** Ён прыйшоў у сінязорны край: да 60-годдзя Алеся Дубровіча / М. Бельскі // Літаратура і мастацтва. – 1966. – 8 ліпеня.
9. **Сутула, Г.** «Кіну свае думы жураўліным лётам» / Г. Сутула // Народная газета. – 1998. – 8 снежня.
10. **Гісторыя беларускай савецкай літаратуры:** у 2 т. – Мінск, 1965. – Т. 1.
11. **История белорусской советской литературы.** – Минск, 1977.
12. **Лойка, А.А.** Гісторыя беларускай савецкай літаратуры. 1917–1940 / А.А. Лойка. – Мінск, 1981.

S U M M A R Y

The article is devoted to the life and creative work of Ales Dubrovich, a poet, a romanticist, a revolutionist. His creative heritage isn't large but it gives an idea of his talent, ability to see and to express in a literary form the peculiarities of surrounding life, social process and people relations.

Поступила в редакцию 2.02.2009

УДК 821.161.3-1.09

В.В. Лапацінская

Зборнік А. Сербантовіча «Пярсцёнак»: ідэйна-мастацкі аналіз

Вірлівы і пераломны час хрушчоўскай «адлігі» (сярэдзіна 50-х – 60-я гады) быў спрыяльны на з'яўленне новых талентаў. У гэты час на поўны голас пра сябе заявілі Уладзімір Караткевіч, Ніл Гілевіч, Рыгор Барадулін, Анатоль Вярцінскі, Еўдакія Лось, Генадзь Бураўкін, Янка Сіпакоў. На жаль, па-за ўвагай даследчыкаў яшчэ застаецца творчасць значнай колькасці паэтаў, якія тады ўнеслі важкі ўклад у развіццё нацыянальнага мастацтва слова, але па розных прычынах засталіся забытыя. Гэта Уладзіслаў Нядзведскі, Юрась Свірка, Васіль Макарэвіч, Анатоль Сербантовіч і многія іншыя. «Паэты гэтага пакалення маюць агульную роднасць духу і збліжаюцца па самой прыродзе таленту. Іх вызначае абвостраная ўспрымальнасць і рамантычна-страсная мэтаімпаненнасць: захоўваць у чысціні «высокае неба ідэалу» [1].

Вызначаючы асноўны напрамак творчасці маладых паэтаў, А. Лойка ў 1974 годзе пісаў: «Маладая паэзія 60-х гадоў шмат тэмпераменту аддала маральна-этычнай тэме. Пасля вершаў на гэту тэму М. Танка і П. Панчанкі, А. Вярцінскага і П. Макаля, здавалася, цяжка ўжо было знайсці тут штосьці новае. Тым не менш і А. Сербантовіч, і асабліва М. Маляўка, А. Разанаў гэтае новае знайшлі, казалі, узнялі маральна-этычную тэму і як тэму спецыфічна свайго пакалення» [2].

Па прычыне відавочнай значнасці, важкасці, сэнсавай і фармальнай арыгінальнасці, у сувязі з недастатковай вывучанасцю жыццё і творчая спадчына Анатоля Сербантовіча прыцягнула нашу ўвагу. На сённяшні дзень пра выдатнага мастака слова напісана мала: артыкулы Варлена Бечыка «За сінім парогам» (змешчаны ў кнізе «Свет жывы і блізкі»), «Глыток жыцця» Сяргея Кавалёва, які спачатку быў надрукаваны ў часопісе «Маладосць» (1985, № 8), а потым стаў асновай прадмовы да пасмяротнага зборніка паэта «Жаваранак у зеніце», «Недапетая песня: Развагі пра творчасць Анатоля Сербантовіча» («Роднае слова». – 1997. – № 5–6) Міколы Мішчанчука. У іх даюцца звесткі з біяграфіі мастака слова, аналізуюцца найбольш характэрныя яго вершы. Вартымі ўвагі даследчыкаў, безумоўна, з'яўляюцца і ўспаміны Аляксея

Пысіна і Хведара Жычкі, Барыса Сачанкі. Паэзія Анатоля Сербантовіча, якога М. Мішчанчук назваў «сынам эпохі агорання цаліны і пакарэння космасу», уяўляе сабой яскравы, вобразны адбітак 60-х гадоў, з'яўляецца адпаведнікам эпохі перыяду адлігі і пачатку застою.

Спадчыну А. Сербантовіча складаюць чатыры зборнікі лірыкі: «Азбука» (1966), «Міннае поле» (1968) (выйшлі яшчэ пры жыцці паэта) і «Пярсцёнак» (1971), «Жаваранак у зеніце» (1989), што ўбачылі свет пасля яго смерці. Творы, сабраныя ў іх, характарызуюцца высокім грамадзянскім пафасам, уважлівым стаўленнем да маральна-этычнай, філасофскай праблематыкі, яркай вобразнасцю.

Трэці зборнік лірыкі Анатоля Сербантовіча – «Пярсцёнак» – выйшаў у 1971-м годзе, праз год пасля заўчаснай смерці паэта. Прадмову «Песня веснавога жаўранка» да яго напісаў Аляксей Пысін. Водгукі, што з'явіліся на «Пярсцёнак», умоўна можна назваць крытычнымі артыкуламі па той прычыне, што іх аўтары смерць Анатоля Сербантовіча перажылі як асабістую трагедыю і імкнуліся ўспомніць самога паэта пры жыцці, а таксама падкрэсліць адметнасць яго таленту. Анатоль Вярцінскі, напрыклад, пісаў: «Натуральнасць, нявымушанасць радка, яго жыццёвая канкрэтнасць і пластычнасць – гэта асабліва ўражае, калі чытаеш зборнік «Пярсцёнак» [3]. А Казімір Камейша адзначаў, што «захапленне ў Сербантовіча – толькі першая ступень пры напісанні вершаў. У кожным яго творы ёсць роздум чалавека заклапочанага і засяроджанага, ёсць свае адносіны да жыцця і яго праяваў» [4]. Віктар Ракаў у унісон дадаваў, што: «... нескаронасць пакутам нябачнымі ручайкамі пералілася ў яго сталасць, стала ўнутраным законам яго творчага жыцця». З падобнымі сцвярджэннямі нельга не пагадзіцца, бо яны сапраўды адлюстроўвалі разуменне агульнага настрою, танальнасці і пафасу зборніка.

Па колькасці твораў (109) зборнік «Пярсцёнак» самы вялікі.

У першую чаргу, у ім неабходна вылучыць творы, абноўленыя сучасным поглядам на праблему паэта і паэзіі (якая, дарэчы, была цэнтральнаю і для рускага рамантызму 1820-х гадоў і немалаважнае месца заняла ў творчасці беларускіх аўтараў у 20-я гады мінулага стагоддзя): «Смерць мастака», «У паэтаў ёсць такое права...», «Незразумелыя вы, геніі...», «Дабрыдзень, слава!..», «Так стараўся...» Названыя творы сведчаць пра змененую канцэпцыю адлюстравання рэчаіснасці, узрушаную «адлігай», пераломна-трывожную паласу жыцця. Ад канстатацыі «Я труба, ў якую трубіць колас, // У якую трубіць родны край» [5] (верш «Не пытайся, дзе хвароба носіць...» са зборніка «Азбука») у названых творах не засталася і следу. У вершы «У паэтаў ёсць такое права...» Анатоль Сербантовіч, асэнсоўваючы ролю свайго пакалення, яе асноўныя задачы, адыходзіць ад стэрэатыпнага разумення значнасці яе эстраднага характару (жыццярэдаснасці, бунтоўнасці), надае ўласцівае ёй поліфункцыянальнае пазачасовае класічнае значэнне. У паэтаў яго пакалення, па сцвярджэнні мастака слова, ёсць права «Напляваць на грошы < ... > і славу // І на вечнасць нават напляваць» [6] па прычыне значнасці таго, што яны хочуць сказаць, хоць падчас і гучыць голас іх надрыўна, пераходзіць на крык, бо «выключнасць 60-х якраз у тым, што слова было вымаўлена ўслых. Савецкі чалавек загаварыў сам» [7]. А. Сербантовіч спадзяваўся, што слова яго сучаснікаў будзе пачута, і яго асабісты ўсплеск радасці і смутку ў крыку не будуць дарэмнымі: «Можа, можа, потым праз гады // Хтосьці назаве нас у народзе, // Як паэтаў шчасця і бяды» [6]. Афарызм – «паэтаў шчасця і бяды» – падкрэслены намі невыпадкова, у ім заключаны не толькі ідэйны змест аднаго адзначанага намі верша, а і разуменне трагізму паэтавага часу, часу «адлігі», але не канчатковай «вясны».

У няпоўныя трыццаць год паэт стварае верш «Дабрыдзень, слава!», які па ідэйным гучанні і маштабнасці асэнсавання жыцця не ўступае геніяльным

класічным вершам на тэму паэта і паэзіі Максіма Багдановіча і Янкі Купалы. Кампазіцыйна твор пабудаваны як дыялог паміж Паэтам і Славай. «Ці ў мяне не тыя песні, // Ці мне той груз не па плячы, // Які раней паэты неслі?.. // Няўжо, скажы, і я не той, // Няўжо я з тых, якіх так многа?..» [6, с. 128] – непакояць лірычнага героя балючыя пытанні перад вызначальнымі момантам, калі, здавалася, можна «прычасціцца на вечнасць». Вобраз Славы наватарскі ў інтэрпрэтацыі А. Сербантовіча. У першую чаргу, паводле яго меркаванняў, Слава – не суддзя для Паэзіі, а яе паплечнік. Нечаканай з’яўляецца і канцоўка верша – рытарычнае пытанне: «Чаго ж нам сорамна дваім, // І ні аб чым мы не гаворым?» [6, с. 128], якая прымушае рэцыпіента задумацца, асэнсаваць не толькі месца пакалення шасцідзiesiąтнікаў і лірыкі А. Сербантовіча ў эпосе 50–60-х гадоў, але і сваё асабістае прызначэнне на Зямлі.

Раскрыццё тэмы роднага краю, да якой паэт усё часцей звяртаецца ў зборніку «Пярсцёнак», знаходзіцца ў непарыўнай сувязі з вышэйсказаным. Ад агульнага захаплення рэчаіснасцю, яе ідэалізацыі А. Сербантовіч пераходзіць на філасофскі ўзровень яе ўспрыняцця. Сцвярджэнне непарыўнай сувязі лірычнага героя з роднай зямлёй вызначыла ідэйнае гучанне верша «Дамоў заўсёды ісціна вядзе...». Жыццё чалавека ўяўляецца паэту зорнай дарогай ісціны, пачатак якой ля бацькоўскага парога, а заканчэнне – у космасе. А. Сербантовіч прытрымліваецца традыцыі беларускай літаратуры ў раскрыцці тэмы вёскі. Сэнсава-кантэкстуальны змест твора заключае ў сабе адзінае, але трапнае і рэалістычнае параўнанне: «Я звязаны з бацькоўскаю зямлёй // Дарогай той, як з маці пупавінай» [6, с. 78]. Неабходнасць сінтэзу, больш агульнага погляду на рэчаіснасць і ўсеабыднага яе ўспрыняцця падводзілі паэзію другой паловы 60-х гадоў да таго, што мастакі слова ў сваіх творах імкнуліся бачыць і цаніць чалавечы свет у цэлым. «Агульную накіраванасць паэзіі другой паловы 60-х гадоў можна вызначыць як імкненне адкінуць усё «знешняе» і, так сказаць, не неабходнае і звярнуцца да першачарговай асновы паэзіі» [8], – даводзіць крытык слоўнага мастацтва Л. Анінскі. Па гэтай прычыне менавіта тэма Радзімы стала запатрабаванай у значнай ступені.

У параўнанні з двума папярэднімі зборнікамі «Пярсцёнак» уключае ў сябе больш твораў пейзажных, часцей гэта псіхалагічныя малюнкi, якія непасрэдна адлюстроўваюць думкі і пачуццi лірычнага героя (або суадносяцца са станам прыроды, або падкрэслена кантрастныя ёй), і пейзажы-сiмвалы, дзе канкрэтныя вобразы прыроды з’яўляюцца ўвасабленнем аўтарскіх разваг, падставай для глыбокіх філасофскіх вывадаў.

Так, пейзажная замалёўка Налібоцкай пушчы, што выступае сiмвалам спрадвечнай прыгажосці і мудрасці, дае магчымасць Анатолю Сербантовічу паразважаць («Налібокі – вір глыбокі...») над філасофскім пытаннем пра сутнасць Сталасці:

*А ўгледзішся у кроны
І адразу ты прыціх:
Адчуваеш, што зялёны
Перад сталасцю другіх* [6, с. 77].

Такім чынам, верш апісальна-выяўленчага характару набывае адзінкі медытатывнасці, што яшчэ раз падкрэслівае думку пра яе ўзрастанне ў трэцім зборніку мастака слова. «Мы разумеем філасафічнасць у паэзіі як своеасаблівасць падыходу мастака да рэчаіснасці, як спосаб тыпізацыі жыццёвых з’яў, звязаны з высокім каэфіцыентам перадачы жыцця ў мастацкім вобразе» [9] – гэтае вызначэнне У. Гніламёдава можа стаць яшчэ адным аргументам на карысць нашых разваг.

Філасофская заглыбленасць як вынік ускладненага аўтарскага светабачання ўласціва вершам А. Вярцінскага, Ул. Караткевіча, Н. Гілевіча, Я. Сіпакова. Яна пашырае рамкі паэзіі 60-х гадоў, яе далягляды. Характарызуючы слоўнае мастацтва гэтай пары, Адольф Урбан пісаў: «Паэзія ўсё глыбей унікала ў лёсы свету, у лёсы людзей. Адна з яе самых сучасных якасцей – уменне мысліць катэгорыямі, што ахопліваюць свет у цэлым» [10]. Творы філасофскай тэматыкі займаюць большае месца ў агульнай структуры «Пярсцёнка» параўнальна з папярэднімі зборнікамі, і гэта, безумоўна, сведчыць пра сталасць паэзіі А. Сербантовіча. Разважанне пра вартасць чалавечага жыцця – так можна сфармуляваць ідэю верша «Гадзіннікі». Паэт-настаўнік даводзіць, што толькі праца і сіла здольныя даць магчымасць чалавеку «на хвіліну адбіцца» «Рыскай маленькаю на цыферблаце // Круглай і вечнай зямлі» [6, с. 43]. На думку мастака слова, сапраўднае зорнае імгненне больш вартае за ўсё руціннае жыццё, і толькі Вечнасць – мерка каштоўнасці існавання. Такое разуменне «драматызму неадпаведнасці часу касмічнага, вечнасці і часу чалавечага» [11] з'яўляецца адзнакай літаратурнага працэсу перыяду «адлігі» і ўласцівае многім аўтарам. «У творчасці А. Куляшова пераважае рамантычнае, «лермантаўскае» супрацьпастаўленне імгнення і вечнасці» [11, с. 52], – зазначала Т. Чабан.

У сістэму філасофскіх поглядаў Анатоля Сербантовіча ўваходзяць і роздумы пра Дух, Душу і яе пакуты. «Асоба – сінонім душы. Слова «душа» найбольш ужывальнае ў кнігах паэтаў. Тут трэба пагадзіцца з У. Салаўёвым: «У паэзіі апошніх гадоў [60-х гг. – В.Л.] душа – ледзь не галоўная гераіня, быццам бы рэакцыя на доўгае выключэнне гэтага слова з паэтычнага слоўніка» [12]. Адзначаныя тэндэнцыі яскрава адлюстраваліся ў лірыцы рускіх паэтаў М. Рубцова, С. Куняева, А. Жыгуліна і іншых, а таксама ў вершы Анатоля Сербантовіча «Не прырода ў тым вінавата...», які вылучаецца наватарскім падыходам да трактоўкі адзначанай праблемы. Сэнсавым стрыжнем твора з'яўляецца складаны і неадназначны вобраз катэ. Толькі чалавечым, а не прыродным лічыць Сумленне паэт, яно – Кат, якога прыдумаў і стварыў Чалавек, «каб пакуты свае абрываць» [6, с. 52], ды толькі гэтага аказалася недастаткова. Далей Сербантовіч разважае пра тое, што кат – гэта і Малюта Скуратаў (сімвал жаху і сумлення ў часы Івана IV Жахлівага), але ён быў таксама пакараны іншым катом, вобраз якога ўжо і ёсць Існасць сапраўднага, неблефавага сумлення. А такі «русагаловы» кат (як тонка падводзіць нас да думкі мастак слова) – пакутнік, які сам сябе асудзіў, бо вяршыць справядлівасць – і ёсць пакуты сумлення, пакуты сапраўднай душы. Гэтай ідэі падпарадкавана і ўся паэтыка верша: ужыванне рыфмаў («мўкі – рўкі»), выкарыстанне метафар («сцякала рубашка з плячэй» (як кроў), «размяталіся крыламі бровы над парэчкамі дзіўных вачэй») і колеравага супрацьпастаўлення – «крывавых» рук, якія кат узнімае да неба, і сінявы ў вачах. Такое глыбіннае разуменне праблемы, таленавітая яе падача, на нашу думку, ставяць верш А. Сербантовіча «Не прырода у тым вінавата...» ў лік лепшых філасофскіх твораў, якія знаходзяцца за межамі часовага існавання па прычыне вечнай актуальнасці іх зместу.

Паглыбленне асабовага, інтымнага пачатку – яшчэ адна асаблівасць трэцяга зборніка Анатоля Сербантовіча. Інтымная лірыка ўвачавідкі вытанчаецца, пачуццё сталее, яшчэ больш выразней акрэсліваецца асоба аўтара, у выказванні паэт звяртаецца да паказу ўсёй гамы чалавечых пачуццяў. Невыпадкова вядучае месца ў «Пярсцёнку» пачынае займаць інтымная лірыка. «Лірычнае пачуццё загучала на ўсю моц. Ва ўсёй літаратуры ўзнікае большы давер да ўласнага аўтарскага светаадчування і перажывання» [13], – справядліва адзначыў у 1980-я гады Віктар Каваленка. Трыадзінства Паэзія – Жанчына – Муза набывае ў вершах Анатоля Сербантовіча ўсё больш анталогічную

аснову. Усмешка абранніцы – цэлы свет, толькі яна здольная нарадзіць новыя радкі, якімі з пакалення ў пакаленне ўслаўляюць боскае пачуццё паэты. Такім бачыцца нам змест верша «Там пачынаецца паэзія...». Да адзначанай ідэі мастак звяртаецца неаднаразова. У вершы «Заплачаш. Заломіш рукі...» ён робіць амбівалентны акцэнт, і гэты «сацыяльны адыход» у новых вершах зноў жа гучыць просьбай прабачэння перад Жанчынай за міжвольную «зброду» («Бо я без яе, як спінінг // Без сіняй рачной вады» [6, с. 123]. Паглыбленне асабовага, інтымнага пачатку – яшчэ адна асаблівасць трэцяга зборніка паэта.

Памяць пра вайну, дзяцінства неадступна крочыць за Анатолям Сербантовічам. Вызначаны асаблівым лейтматывам вобраз міннага поля-памяці паэт цяпер разгортвае, карыстаючыся чыста рамантычнымі стылявымі сродкамі, і ў «ваенных» вянках санетаў са зборніка «Пярэсцянак». Самі іх назвы сталіся скразнымі вобразамі-дэталі – «Курганы», «Салдат». У вянках санетаў раскрылася яшчэ адна рыса таленту аўтара – уменне па-майстэрску карыстацца цвёрдымі вершаванымі формамі. Адзначым і ўдалае, падобнае Купалаваму, выкарыстанне паэтам мастацкай дэталі, трапны падбор сродкаў паэтычнай выразнасці. Настрой вянка санетаў «Курганы», да прыкладу, задаецца адразу разгорнутым параўнаннем-дэталлю:

*У курганоў ёсць нешта ад званоў,
З якіх павырывалі языкі,
Але іх звон прарэзлівы такі,
Што я вачэй якую ноч не звёў [6, с. 62].*

Па-мастацку падобраны эпітэты «прарэзлівы» ў дадзеным выпадку на ўзроўні мастацкай дэталі перадае трагедыю настрой героя-аўтара.

Янка Купала выкарыстоўваў вобраз званоў у многіх сваіх творах, перадаў з яго дапамогаю настрой пачатку стагоддзя («хаўтурны не зводзіцца звон»). І другім разам яго выкарыстоўвае Анатоль Сербантовіч пры паказе жахлівых падзей Вялікай Айчыннай вайны:

*Званоў жалобы і званоў бяды,
Што распляскалі чэрвеньскі настой.
І ўзмахваючы вогненным хвостом,
Уздрыгвалі, як рыбы, гарады [6, с. 62].*

Мастацкае параўнанне палаючых гарадоў з рыбамі, выцягнутымі з вады, выразна падкрэслівае несумяшчальнасць вайны з чалавечым жыццём. Гэтая ідэя стала адной з цэнтральных сэнсавых асноў гуманістычнага погляду Анатоля Сербантовіча.

Жыццё паэта трагічна абарвалася на дваццаць дзевятым годзе. Многа паэтам было зроблена, «толькі адзінокі і самотны Ангел Смерці [задума вянка вянкаў санетаў «Мужанка». – В.Л.] так і не прайдзе свой пакутлівы шлях пракляцця, так і не сустрэнецца са сваёй ракавой каханай, бо ён так і не з'явіўся на гэты свет, так і кануў у нябыт – ненароджаны, ненапісаны. Але і тое, што нарадзілася, што гарэла і білася ў душы Паэта дзеля людзей, – ніколі не згасне, не сыдзе ў нябыт».

Такім чынам, творчасць паэта як цэласная мастацкая сістэма стала адбіткам свайго часу. Неадпаведнасць слова і справы ў грамадстве выклікалі раздвоенасць перажыванняў паэта і яго героя, таму ад першага да апошняга зборніка назіраецца нарастанне трагедыйнага пафасу, што адбілася непасрэдна ў жанравай арганізацыі яго паэзіі – на змену хваласпеўным одам і гімнам прыходзяць элегіі расчаравання і незадаволенасці, пратэсту і бунту,

балады. Абвастрэнне перажывання, напружаная праца думкі сведчаць пра ўзрастанне філасафічнасці, медытатыўнасці, асабліва ў многіх творах з «Пярсцёнка». Скразнымі тэмамі, што праходзяць праз усю творчасць А. Сербантовіча, сталі маральна-этычная і тэма Вялікай Айчыннай вайны.

Як адзначае М. Арочка, «эстэтычная адметнасць мастацка-вобразнага свету любога паэта праяўляецца як бы ў двух вымярэннях, якія ідуць па сутнасці ад двух тыпаў адносін да жыцця: пазітыўнага, глыбока лірычнага, калі паэтызуюцца непасрэдна ці праз падтэкст паўната адчування роднай зямлі, усіх радасных і трывожных праяў нашага жыцця, і негатыўнага, крытычна-сатырычнага, калі перадавыя ідэалы сцвярджаюцца праз выкрыццё ўсяго, што знаходзіцца ў дыяметральнай супрацьлегласці з імі, вымярэнні гэтыя палярныя толькі ў форме эстэтычнага асэнсавання жыцця, а не ў сутнасці. Тэза і антытэза сустракаюцца ў выснове, у шырокім мастацкім вывадзе». Спачуванне чалавеку, імкненне паказаць яго ўзаемаадносіны з дэфармаваным грамадствам, заклапочанасць свабодай асобы абумовілі зварот А. Сербантовіча да традыцый сусветнага рамантычнага мастацтва, а рамантычныя стылявыя адзнакі склалі аснову сінтэтычнага стылю паэта. У непасрэднай сувязі са сказаным знаходзіцца і вобразна-выяўленчая спецыфіка яго творчасці. Шматслойныя, асацыятыўныя, неадназначныя сімвалічныя вобразы – таксама прыкметная з’ява ў мастацкім свеце паэта.

ЛІТАРАТУРА

1. **Арочка, М.** Галоўная служба паэзіі: зб. крыт. арт. / М. Арочка. – Мінск: Маст. літ., 1974. – С. 154.
2. **Лойка, А.** Паэзія і час: літ.-крыт. арт., творчыя партрэты / А. Лойка. – Мінск: Маст. літ., 1981. – С. 134.
3. **Вярцінскі, А.** Не думай, што дзеля славы... / А. Вярцінскі // Вярцінскі А. Высокае неба ідэала: літ. крытыка і публіцыстыка. – Мінск: Маст. літ., 1980. – С. 225.
4. **Камейша, К.** Таварыш па вясне і песні / К. Камейша // Палымя. – 1991. – № 5. – С. 167.
5. **Сербантовіч, А.** Азбука / А. Сербантовіч. – Мінск: Беларусь, 1966. – С. 48.
6. **Сербантовіч, А.** Пярсцёнак / А. Сербантовіч. – Мінск: Беларусь, 1971. – 131 с.
7. **Вайль, П.** Страна слов / П. Вайль, А. Геніс // Новый мир. – 1991. – № 4. – С. 250.
8. **Аннинский, Л.А.** Тридцатые – семидесятые / Л.А. Аннинский. – М.: Современник, 1977. – 271 с.
9. **Гніламёдаў, У.** Традыцыі і наватарства (у беларускай паэзіі 50–60-х гадоў) / У. Гніламёдаў. – Мінск: Маст. літ., 1972. – С. 159.
10. **Урбан, А.** Возвышение человека. Заметки о современной поэзии / А. Урбан. – Л.: Художеств. лит. Ленингр. отд-ние, 1968. – С. 7.
11. **Чабан, Т.К.** Крылы рамантыкі: Рамант. тэндэнцыі ў сучас. беларус. паэзіі / Т.К. Чабан. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – С. 47.
12. **Акаткин, В.** В поисках главного слова (к проблеме «тихой» лирики) / В. Акаткин // Вопр. лит. – 1974. – № 3. – С. 50.
13. **Каваленка, В.А.** З пазіцый сучаснасці: Агульн. працэс літ. развіцця / В.А. Каваленка. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Нар. асвета, 1982. – С. 82.

S U M M A R Y

The article deals with ideological and art analysis of A. Serbantovich's anthology «A Ring». The works renewed by modern view on the problem of poet and poetry are picked out in the book. A poet from general passion for reality turns to philosophical standard of perception. Poet's works as a complete artistic system became the reflection of that time.

Поступила в редакцию 12.12.2008

В.Ю. Бароўка

Народазнаўчы матэрыял у літаратурным творы: перспектывы далейшага навуковага асэнсавання

Сучаснае літаратуразнаўства – гэта літаратуразнаўства пераходнага перыяду, якое знаходзіцца ў стадыі пераацэнкі ранейшага навукова-герменеўтычнага вопыту і ў актыўным пошуку новай метадалогіі. Сёння навукоўцы на постсавецкай прасторы дастаткова часта звяртаюцца да міфапаэтычнага, культуралагічнага і інтэртэкстуальнага аналізу твораў мастацтва слова, што выступае свайго роду кампенсаторнай рэакцыяй на доўгія гады панавання сацыялагічнай метадалогіі. Увогуле ж у літаратуразнаўстве пачатку XXI стагоддзя наглядаецца тэндэнцыя да ўзмоцненага сінтэзу дасягненняў іншых, найперш гуманітарных, навук, да развіцця так званых міждысцыплінарных напрамкаў даследаванняў, што істотна падвышае гнасеалагічны патэнцыял навукі пра мастацтва слова, дазваляе ўнікнуць рэдукцыі ідэа-мастацкага зместу літаратурных твораў, што непазбежна ўзнікае пры выбары нейкага аднаго канкрэтнага навуковага метаду.

Не толькі эстэтычна, але і сацыяльна запатрабаваным напрамкам навуковых пошукаў у літаратуразнаўстве пачатку трэцяга тысячагоддзя можа стаць шматаспектнае даследаванне народазнаўчага матэрыялу ў літаратуры ўвогуле і ў канкрэтных творах прыгожага пісьменства ў прыватнасці, паколькі інтэнсіўныя эканамічныя і культурныя ўзаемадзеянні ў наш час робяць асабліва значнай цікавасць да этнакультурнай адметнасці, да таго, што ў герменеўтыцы навейшага часу прынята называць у шырокім сэнсе «іншым» або «другім». Пагроза поўнай гомогенізацыі культуры ўзмацняе імкненне лю-дзей творчых прафесій усвядоміць уласную асобасную і нацыянальную ідэнтычнасць. Нядаўна мінулае XX стагоддзе прымусіла чалавецтва задумацца над праблемай выяўлення і захавання этнічных каштоўнасцей дзеля самаідэнтыфікацыі сябе ў зменлівым свеце, таму сёння неабходна паглыблена даследаваць тыя фактары, якія абумоўліваюць змястоўную і мастацкую спецыфіку нацыянальных літаратур. Запатрабаваным у сучасных умовах з'яўляецца асэнсаванне нацыянальных літаратур як важных складнікаў адзінага полікультурнага свету і своеасаблівых рэтранслятараў этнаанталагічных карцін Універсуму. Адрэфлексаваная майстрамі мастацкага слова этнічнасць у літаратурным творы прадстае як каштоўнасць эстэтычная, этычная, навуковая. Яна ўяўляе сабой самадастатковы матэрыял для рознабаковых тэарэтычных даследаванняў, у тым ліку літаратуразнаўчых. Навуковае асэнсаванне народазнаўчага матэрыялу ў творах прыгожага пісьменства дае магчымасць глыбока і ўсебакова выяўляць суадносіны рэчаіснасці і мастацтва слова, раскрываць такія аспекты зместу і формы літаратурных твораў, як, для прыкладу, сувязь эстэтычнага і ментальнага ў творчым працэсе, што не заўсёды заўважаецца пры іншых ракурсах даследавання класічнага і сучаснага славеснага мастацтва.

Той ці іншы напрамак у навуковым спасціжэнні літаратурных твораў правальны, калі ён адпавядае прыродзе прыгожага пісьменства. Літаратура звычайна абапіраецца на народазнаўчыя звесткі для стварэння паўнаwartаснага

вобраза свету і чалавека, яна выступае свайго роду этнаграфічным эпіфеноменам, а таму сацыягістарычная, ландшафтная, эстэтычная, аксіялагічная парадыгмы нацыянальнай прасторы, з аднаго боку, істотна ўплываюць на літаратурную творчасць, а з другога – самі знаходзяць у ёй сваё ўсебаковае ці частковае выяўленне.

Народазнаўчы матэрыял у мастацкім творы – гэта заўсёды вынік узаемадзеяння пісьменніцкай інтэнцыі і эмпірычнай рэчаіснасці, гэта адлюстраванне сродкамі мастацтва слова матэрыяльнай і духоўнай культуры пэўнага народа, носьбітамі якой выступаюць разнастайныя эстэтычныя з’явы, напрыклад, апрацоўка фальклору, міфалогіі, апісанне ландшафту, побыту, светаадчування пэўнага народа. Атрыбутыўная рыса мастацкага народазнаўства, такім чынам, – рэпрадуктыўная або крэатыўная рэтрансляцыя этнакантэксту вобразна-выяўленчымі сродкамі.

Народазнаўчы матэрыял у літаратурным творы – важны элемент змястоўнай формы і істотны складнік ідэйнай палітры. Этнаграфічны малюнак, этнаграфічная дэталь, узноўленая ў літаратурным творы, маюць прадметны і сэнсавы план. Прадметны план дае магчымасць ацаніць інфарматыўна-рэфератыўны бок твора, уласна пазнавальны пласт, а сэнсавы план – аўтарскую канцэпцыю свету і чалавека, узровень пісьменніцкага майстэрства, паколькі адны аўтары схільныя да эмпірычна-рэпрадуктыўнага ўзнаўлення рэчаіснасці, а другія – да ініцыятыўна-творчага. Акрамя таго, этнаграфічны матэрыял у творы – гэта яшчэ і пэўная камунікатыўная мадэль, якая дазваляе чытачу супаставіць свае меркаванні пра пэўны нацыянальны свет з паказаным пэўным аўтарам у нейкім канкрэтным творы, пазнаёміцца з аўтастэрэатыпамі і гетэрастэрэатыпамі нацыянальных характараў. Народазнаўчы матэрыял не толькі дапамагае пісьменнікам перадаць субстанцыянальныя рысы характару пэўнага народа, непаўторнасць ландшафту і аўтахтоннага быту канкрэтнага этнасу, але і дазваляе пазнаёміць з імі шырокае кола чытачоў, сярод якіх ёсць як суайчыннікі пісьменніка, так і прадстаўнікі іншых нацыянальнасцей, што дзякуючы літаратуры адкрываюць новае для сябе ў іншанацыянальным свеце. Этнаграфічны матэрыял, пададзены пісьменнікам, па свайму міфалагізуе нейкую канкрэтную этнарэчаіснасць, эндэмічныя, рэлятыўныя ці рэлевантныя рысы пэўнага этнасу.

Мастацкае народазнаўства ў літаратуры прадстае ў адзінстве трох узаемазвязаных бакоў: пазнавальна-рэфератыўнага, эстэтычна-крэатыўнага, камунікатыўна-рэцэптыўнага. Важкі ўклад у тэарэтычную распрацоўку пазнавальна-рэфератыўнага боку народазнаўчага матэрыялу ў літаратурных творах унеслі прадстаўнікі культурна-гістарычнай школы ў другой палове XIX стагоддзя. Заснавальнік культурна-гістарычнай школы Іпаліт-Адольф Тэн сцвярджаў, што на літаратурную творчасць уплываюць тры асноўныя фактары: «раса», «асяроддзе», «момант», дзе «асяроддзе» – гэта не адзін, а мноства дэтэрмінантных фактараў, у тым ліку і этнічны. У працы «Гісторыя англійскай літаратуры. Уводзіны» І. Тэн, спасылаючыся на гістарычныя і культуралагічныя факты, даказваў, што гісторыя літаратуры канкрэтнага народа раскрывае псіхалогію гэтага народа. Тэн адзначаў ва ўводзінах да «Гісторыі англійскай літаратуры»: «...Вывучэнне літаратур дазваляе стварыць гісторыю звычайнага развіцця і наблізіцца да пазнання псіхалагічных законаў, якія кіруюць падзеямі. У гэтай кнізе я раблю спробу напісаць гісторыю адной літаратуры, каб раскрыць у ёй псіхалогію аднаго народа» [1]. Аўтарытэтны гісторык і тэарэтык літаратуры Аляксандр Мікалаевіч Весялоўскі, які часткова падзяляў ідэі Тэна, таксама цікавіўся суадносінамі творчасці і нацыянальнага побыту, прадвызначыў збліжэнне этналогіі і літаратуразнаўства. Навуковыя пошукі А.М. Весялоўскага былі звернуты да генезісу паэтычных форм, родаў, да працэсу вылучэння іх з першабытнага сінкрэтызму, а гэты працэс, згодна з поглядамі

рускага вучонага, немагчыма зразумець без звароту да ўсяго комплексу этнаграфічных звестак. Акадэмік Вёсялоўскі адзначаў, што для таго, каб мець адэкватнае ўяўленне пра літаратуру пэўнага народа, трэба ведаць, як гэты народ жыў. Вядомы рускі вучоны другой паловы XIX стагоддзя Аляксандр Мікалаевіч Пыпін фактычна надаваў літаратуры этнаграфічны статус і значна перабольшваў ролю народазнаўчага плана ў мастацтве слова, бо, як вядома, пададзеная пісьменнікамі інфармацыя народазнаўчага характару не тоесная рэчаіснасці, аднак ідэі выдатнага прадстаўніка рускай культурна-гістарычнай школы А.М. Пыпіна знайшлі працяг у працах наступных пакаленняў літаратуразнаўцаў, у тым ліку беларускіх, як паказваюць «Гісторыя беларускае літаратуры» (1920) Максіма Гарэцкага, «Очерки истории белорусской литературы» (1920) пад рэдакцыяй Мікалая Янчука, «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі» (1926) Вацлава Ластоўскага, артыкулы Адама Бабарэкі. Французская школа «аналаў» у XX стагоддзі, яркімі прадстаўнікамі якой з'яўляліся Марк Блок, Люсьен Феўр, а прадаўжальнікам іх ідэй – Жан Ле Гоф, сваёй дзейнасцю сцвярджала прынцып міждысцыплінарных узаемадзеянняў. Гэты прынцып уключае ў якасці аб'ектаў вывучэння разнастайныя галіны культуры, а таксама ментальнасць, калектыўнае бессвядомае, гісторыка-антрапалагічныя даследаванні і г.д. Неабходнасць улічваць шырокі гістарычны і этнічны кантэкст у працэсе рэцэпцыі любой нацыянальнай культуры пастаянна акцэнтуюцца ў працах рускага даследчыка Г.Д. Гачава, заснаваных на выяўленні і характарыстыцы праз мастацкія творы канкрэтнага нацыянальнага «Косма-Псіха-Логасу», па тэрміналогіі самога Гачава [2–3]. Арыгінальнае навуковае асэнсаванне прасторава-часавыя архетыпы беларускага прыгожага пісьменства ў сучасным айчынным літаратуразнаўстве знайшлі ў шэрагу артыкулаў і манаграфіі І.А. Чароты «Пошук спрадвечнай існасці». Варта падкрэсліць, што ў работах савецкіх (В.Р. Базанаў) і постсавецкіх вучоных (Г.Д. Гачаў, У.М. Конан, А.І. Мальдзіс, І.А. Чарота), як і ў публікацыях іх заходніх калег [4–6], прысвечаных ролі народазнаўчага матэрыялу ў літаратурных творах, дамінуе даследаванне яго культуралагічнай ролі, падыход да этнаграфічнага матэрыялу ў мастацкім творы як да важнага сродку рэпрэзентацыі этнічнага або нацыянальнага ў літаратуры. Анталагічная паэтыка, кагнітыўнае літаратуразнаўства, геапаэтыка, якія актыўна развіваюцца з канца мінулага стагоддзя, таксама актуалізуюць праблему этнічнага складніка асобы, этнаанталагічнай карціны свету, а ў сувязі з гэтым і даследаванне мастацкага народазнаўства як важнага сродку эстэтычнай рэпрэзентацыі і характарыстыкі пэўнага народа ў літаратурным творы.

Прыгожае пісьменства ўвогуле, і асабліва проза, як правіла, ўзнаўляе нацыянальна-эпічны свет у разнастайнасці яго праяў. У кожнай нацыянальнай літаратуры няўхільна і пастаянна пашыраецца сэнсавое поле этнавообразаў за кошт поліварыянтаў і інварыянтаў створаных пісьменнікамі нацыянальных характараў. Літаратура ўзнаўляе і мадэлюе нацыянальную рэчаіснасць і нацыянальную аксіялогію праз разнастайныя камбінацыі мастацкіх вобразаў людзей пэўнай нацыянальнасці, што ўвасабляюць ментальнасць пэўнага этнасу, становячыя і адмоўныя рысы характару яго прадстаўнікоў. Так, у «Новай зямлі» Якуба Коласа носьбітамі нацыянальнага характару беларуса з'яўляюцца не толькі Міхал з Антосем, але Карусь Дзівак, Грышка Верас ды іншыя героі твора, у «Знаку бяды» Васіля Быкава – не толькі Пятрок і Сцепаніда, але і Гуж з Антонам Недасекам.

Нацыянальны характар у літаратуры прадстае асобасна дыферэнцыраваным пісьменнікамі, з аднаго боку, пад уздзеяннем аўтарскага светабачання, з другога – пад уздзеяннем рэчаіснасці. Бясспрэчна, што ў жыцці нацыянальны характар, захоўваючы інварыянтную аснову, пад уплывам часу пастаянна дапаўняецца новымі рысамі. Мастацтва слова асэнсоўвае і адлюстроўвае гэты складаны працэс перш

за ўсё на ўзроўні характаралогіі. Для прыкладу, Якуб Колас у вобразе Андрэя Лабановіча з трылогіі «На ростанях», Максім Гарэцкі ў вобразе Мацея Мышкі з рамана «Віленскія камунары», Уладзімір Караткевіч у вобразе Антона Косміча з рамана «Чорны замак Альшанскі» прадставілі тыпы нацыянальных характараў інтэлігентаў на розных гістарычных этапах развіцця грамадства. «Ядро» характару названых персанажаў – імкненне да самапазнання свайго народа і асабіста сябе, аднак кожны з іх мае выразныя індывідуальныя рысы: у Лабановіча пераважае рэфлексія над чалавекам і рэчаіснасцю, у Мышкі – самаіронія, у Косміча – актыўная інтэлектуальная і фізічная дзейнасць.

У літаратурных творах пастаянна і сінхронна адбываецца замацаванне старых і стварэнне новых этнастэрэатыпаў як комплексу ўяўленняў адной этнічнай групы аб другой або аб сабе самой, што дае падставы літаратуразнаўцам, псіхолагам, сацыёлагам аналізаваць аўтаэтнастэрэатыпы (уяўленні пэўнага народа пра сябе) і гетэрастэрэатыпы (уяўленні пэўнага народа пра іншы народ) у мастацтве слова. Вобразнасць – родавая рыса літаратуры. Паняцце «мастацкі вобраз» карэлюе ў прыгожым пісьменстве з паняццем «стэрэатып». Этнастэрэатып – устойлівы і спрошчаны элемент мастацкай карціны свету, які не мае зурывычнага патэнцыялу і не спрыяе прадуктыўнаму этнакультурнаму дыялогу. Паколькі мастацкая літаратура – важны сродак сувязі паміж людзьмі, то ў сучасным полікультурным свеце знаёмства з іншанацыянальным этнакантэкстам можа адыгрываць значную ролю ва ўсталяванні і ўмацаванні ўзаемаразумення паміж народамі, бясспрэчна, пры ўмове аб'ектыўнага адлюстравання пісьменнікамі сваёй ці чужой рэчаіснасці. У адваротным жа выпадку, калі пісьменнік суб'ектыўна і тэндэнцыйна абыходзіцца з этнаматэрыялам, літаратура садзейнічае фарміраванню неадэкватных уяўленняў пра прадстаўнікоў пэўнага этнасу, правакуе этнічныя забавоны ў сусветнай супольнасці.

Перспектыўным шляхам вывучэння літаратурных твораў ва ўмовах глабалізацыі многія навукоўцы прызнаюць даследаванне этнатопа. Сам тэрмін «этнотоп» прапанаваў у другой палове мінулага стагоддзя англійскі вучоны Рычард Райд па аналогіі з бахцінскім «хранатопам». Этнотоп – гэта арганізацыя этнасу і этнапрасторы ў літаратурным творы. Этнотопы падзяляюцца на сіметрычныя, калі этнас і этнапрастора супадаюць, і асіметрычныя, калі няма такога супадзення. У часы ўсталявання і развіцця так званай намадалагічнай цывілізацыі асэнсаванне асіметрычных этнотопаў набывае надзвычай важнае значэнне не толькі ў навуковым і эстэтычным, але і ў практычным плане, бо дае магчымасць сродкамі мастацтва слова пазнаёміцца з варыянтамі акліматызацыі этнасу ў чужой этнапрасторы.

Пры даследаванні мастацкага народазнаўства не варта забываць пра бінарную прыроду прыгожага пісьменства, пра суб'ектыўна-эстэтычны бок мастацкага народазнаўства. У работах навукоўцаў ХХ стагоддзя А.М. Адамовіча, А.А. Гарэлава, М.М. Грынчыка, У.Б. Далгат, В.А. Каваленкі, Ю.М. Лотмана, В.Я. Халізева, А.П. Чудакова, В.Ф. Сакаловай, А.Л. Факеева, Н.М. Шумілы прысутнічала імкненне выявіць эстэтычную ролю этнаграфічнага матэрыялу ў літаратурных творах, але яно не было сістэмнага характару. Паколькі прыгожае пісьменства – гэта мастацтва слова, то ў цэнтры ўвагі творцаў безумоўна знаходзяцца культурна-асобасныя дамінанты ў вызначэнні з'яў нацыянальнага парадку, у выніку гэтага адны аўтары могуць ідэалізаваць свой народ, другія – свядома пазбягаць ідэалізацыі. Народазнаўчы матэрыял у мастацкім творы – гэта не толькі змястоўна-прадметны, але і эстэтычна істотны апавядальніцкі феномен. Вядомы літаратуразнаўца ХХ стагоддзя Л.Я. Гінзбург слухна сцвярджала: «Для эстэтычнай значнасці не абавязковы вымысел і абавязковая арганізацыя – адбор і творчае спалучэнне элементаў,

якія адлюстраваны і пераствораны словам» [7]. З гэтага вынікае, што па-мастацку апрацаваны народазнаўчы матэрыял – адзін з такіх семантыка-структурных элементаў твора, які ўказвае на асаблівасці пісьменніцкай індывідуальнасці, ступень стваральна-творчага патэнцыялу аўтара.

Даследаванне народазнаўчага матэрыялу ў тых літаратурах, якія назапасілі значны вопыт у яго эстэтычным асэнсаванні, дапамагае ўстанавіць, чым дэтэрмінавалася эстэтычнае самавызначэнне канкрэтнай нацыянальнай літаратуры: імкненнем аўтараў да арыгінальнасці ці традыцыяй. Наспелая неабходнасць сучаснага паглыбленага тэарэтычнага асэнсавання мастацкага этнаграфізму тлумачыцца ўзмацненнем увагі сучаснай навукі да праблем ускладненай сувязі традыцый і наватарства ў літаратурным працэсе навейшага часу. Вывучэнне народазнаўчага матэрыялу ў мастацкіх творах дае магчымасць выявіць наяўнасць або адсутнасць пераемнасці на пэўных этапах развіцця канкрэтнай нацыянальнай літаратуры, прасачыць прычынна-выніковыя сувязі, якія характарызуюць суадносіны розных перыядаў у гісторыі славеснасці і ў творчасці канкрэтных пісьменнікаў, а разам з гэтым і ўдакладніць узаемадзеянне літаратуры і навакольнага свету, глыбей даследаваць рух жанрава-стылёвых форм, нацыянальную адметнасць мастацкіх метадаў і напрамкаў. Вывучэнне мастацкага народазнаўства адкрывае шырокія магчымасці ва ўсебаковым спасціжэнні ідэйна-мастацкай палітры літаратурных твораў. Напрыклад, разгорнутыя апісанні побыту розных пластоў рускага грамадства пачатку XIX стагоддзя ў «Вайне і міры» Л. Талстога, англійскай правінцыі мяжы XIX–XX стагоддзяў ва «Уэсексім цыкле» Т. Хардзі, казацкага жыцця ў «Ціхім Доне» і «Узнятай цаліне» М. Шолахава або паляшुцкага свету ў «Палескай хроніцы» І. Мележа – канцэптуальныя ў сваёй аснове, яны ўводзіліся для таго, каб перадаць поліфанію канкрэтнай нацыянальнай рэчаіснасці, даказаць трываласць спрадвечнага, «каранёвага» праз канкрэтны чалавечы лёс, які экстрапалюецца на лёс усяго народа.

Навуковае асэнсаванне дынамікі літаратурнага працэсу ў яго цэласнасці і разнастайнасці прадугледжвае разам з вырашэннем іншых задач спасціжэнне спецыфікі прыгожага пісьменства з пункту гледжання прынцыпаў і прыёмаў выкарыстання літаратурай этнаграфічнага матэрыялу і характарыстыкі этна-нацыянальнай рэчаіснасці. Народазнаўчы матэрыял у літаратурных творах заслугоўвае ўвагі навукі пра літаратуру яшчэ і таму, што на падставе яго вывучэння можна выявіць дзеянне асноўных законаў мастацкай творчасці, такіх, напрыклад, як закон вобразнага адлюстравання ці закон праўдзівасці мастацкага адлюстравання. Даследаванне інтэграцыйных творчых сувязей у межах парадыгмы «літаратура – этнаграфія» дазваляе глыбей зразумець феномен самой літаратуры як мастацтва слова, прасачыць нацыянальныя асаблівасці ўключэння народазнаўчага матэрыялу ў твор. У многіх літаратурах свету, такіх, як, напрыклад, беларуская, назапашаны багаты вопыт у эстэтычным асваенні такога матэрыялу, што патрабуе яго сістэматызацыі, а на аснове яе – выяўлення агульных тыпалагічных і нацыянальна-індывідуальных рыс пры ўзнаўленні пісьменнікамі этнарэчаіснасці сродкамі славеснага мастацтва. Асноўныя спосабы адлюстравання нацыянальнай ідэнтычнасці ў літаратурах свету, безумоўна, розныя. Так, у айчынай прозе XX стагоддзя імі сталі пераважнае ўзнаўленне і мадэляванне аўтаэтнастэрэатыпаў, апора на фальклор, а таксама на нацыянальную праявітую традыцыю з яе нязменнай увагай да этнаграфічна-побытавых пластоў. У суседняй рускай прозе цэнтральнае месца адводзілася адлюстраванню аўтаэтнастэрэатыпаў і гетэраэтнастэрэатыпаў, прычым, апошнія нярэдка, асабліва пісьменнікамі XIX стагоддзя, выкарыстоўваліся для таго, каб акцэнтаваць дамінантныя рысы рускага нацыянальнага характару.

Найменш вивучаны на сучасны момант камунікатыўна-рэцэптыўны бок мастацкага народазнаўства. Сучаснае канцэптуальна-сістэмнае даследаванне народазнаўчага матэрыялу патрабуе каардынацыі метадаў, прынятых у літаратуразнаўстве, мовазнаўстве, культуралогіі, псіхалогіі, сацыялогіі. Вывучэнне камунікатыўна-рэцэптыўнага боку мастацкага народазнаўства ў якасці асноўных уключае такія пытанні, як спецыфіка канцэптуалізацыі і маніфестацыі творчай індывідуальнасцю пэўнай нацыянальнай рэчаіснасці, адметнасць успрыняцця чытачом «сваіх» і «чужых» этнарэалій і нацыянальных характараў, прадстаўленых у літаратурным творы.

Навуковае асэнсаванне мастацкага народазнаўства ў пачатку XXI стагоддзя не страціла свайго значэння, яно набыло новыя рысы, дэтэрмінаваныя аб'ектыўнымі і іманентнымі фактарамі развіцця літаратурнага працэсу. У сучасных сацыякультурных умовах шматаспектнае даследаванне праблемы засваення славесным мастацтвам матэрыяльна-бытавой і духоўнай культуры народа, несумненна, з'яўляецца перспектыўным у гісторыка-культурных, тэарэтычных і метадалагічных адносінах.

ЛІТАРАТУРА

1. **Тэн, И.-А.** История английской литературы // И.-А. Тэн // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 94.
2. **Гачев, Г.Д.** Национальные образы мира: общие вопр. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский / Г.Д. Гачев. – М.: Совет. писатель, 1988. – 445 с.
3. **Гачев, Г.Д.** Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 384 с.
4. **Kulturelle Grenzziehungen im Spiegel der Literaturen:** Nationalismus. Regionalismus. Fundamentalismus; Hrsg.: H. Turk [et al.]. – Göttingen: Wallstein, 1998. – 294 s.
5. **Nationale und Kulturelle Identität:** Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neizeit; Hgrs. von B. Giesen. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. – 578 s.
6. **Saldivar, R.** Multicultural politics, aesthetics, and the realist theory identity: A response to Satya Mohanty / R. Saldivar // New literary history. – Baltimore, 2001. – Vol. 32, № 4. – P. 849–854.
7. **Гинзбург, Л.Я.** О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 10.

S U M M A R Y

In the article the condition of fiction ethnographism in the modern literature studies is investigated. The author makes a conclusion, that social and cultural context of the beginning of the twenty-first century foregrounds future studies of the cognitive and abstractive sides of ethnographic materials in literary works and intensifies the role of scientific conceptualization of communicative and receptive sides of fiction ethnographism.

Поступила в редакцию 28.10.2008

Новая неклассическая (расширенная) рациональность – парадигма Новейшей музыки

XX век занимает исключительное место в мировой художественной культуре. Это век пересмотра накопленных ценностей, век формирования новой эстетической парадигмы и нового художественного мировоззрения. Особое место в культуре столетия принадлежит европейскому музыкальному авангарду, создавшему неклассическую концепцию музыки. Ее сущностным принципом является новое качество западного рационализма, или новая рациональность (термин Н. Автономовой), проявившая себя на уровне содержания музыки, образной системы, формы, композиционной логики и свойств материала. Ее специфика заключается в апеллировании к постмодернистскому принципу «само» – самоопределения и самоструктурирования, самоорганизации, что существенно раздвигает границы представлений о музыкально-художественном феномене¹.

Авангардная композиторская практика дала повод для дифференциации нового качества западного рационализма, поскольку рациональность, положенная в основу музыки первой половины XX века, была отторгнута во второй половине новым типом рациональности. В целом, новая рациональность позиционировала себя неклассической (в Новой музыке) и новой неклассической (расширенной) формой (в Новейшей музыке).

Неклассическая рациональность (термин М. Мамардашвили; его же *неорациональность*) – это рациональность, которая зиждется на идеях новой звуковысотности, нового порядка и связи элементов, а также неклассического представления о мире. Неклассическая рациональность отличается от классической прежде всего рациональным конструктом – 12-тоновый ряд (свободный и серийный) и принципом организации музыкальных параметров. Сама идея 12-тоновости и серийности не разрушила единства «материи и идеи» и в себе свойство всеобщности. Додекафония содержала в себе свойство всеобщности и стала для авангардных композиторов первой половины XX века творческим методом, который был «а-классичен», «оппозиционен» классиче-

¹ Классическая – неклассическая – новая рациональности – формы конструирования мира (музыки) и связанные с ними музыкальные реалии, репрезентанты исторических типов музыкального мышления, содержательно дифференцирующихся по следующим параметрам: *метода композиции* (например, диктат рационального логицизма в классической тональности и серийной додекафонии и его критика в композиторских техниках постмодернизма – сонорике, алеаторике и проч.), *типа процессуальности* (детерминированного, линейного типа в классической музыке и додекафонии и индетерминированного, нелинейного в интуитивистских композициях), *принципа функционирования музыкальной системы и ее элементов* (например, однозначного в тональной и додекафонной системах и многозначного (многовариантного, множественного) – в сонорности, перформансе), а также по *типам связей* (элементов, структурных единиц), *музыкальному материалу, музыкальным стилям*.

скому в своей сути. Содержанием неклассической рациональности является: гемитоника, хроматика, свободный диссонанс, микрохроматика; серия, симметричные лады; серийность и сериальность, *линейная логика* – логика *порядку* – в условиях темпации и замкнутой системности; строго регламентированная *новотональная структурность* (музыка А. Берга, А. Веберна, А. Шенберга, Й. Хауэра, Ф. Кляйна, О. Мессиана, Э. Денисова, Р. Леденева).

Новая неклассическая рациональность (ННР) отличается от классической и неклассической новизной содержания, структуры, логики. Будучи обращенной к множеству (а не к одному) рациональных конструктов, к нелинейности, ННР включает в свою структуру вероятность отдельного события, случайность, которые нередко выступают в качестве меры согласования и потому потенциально сравнимы по мере. Логические действия определяются на макро- и микроуровнях композиции: например, суперформула как макродействие может привести к единству все «случайности» и аппроксимации¹ [1]. Отсюда мера в вероятностной форме есть выражение новейшей музыкальной логики (наряду с другими), ее наиболее радикальный тип, возникший в Новейшей музыке.

Такой же мерой и организующим принципом ННР являются «интуитивное чувство порядка» (выражение К. Штокхаузена), пространственные координаты и графические плоскости, которые в существе своем есть незакрепленный текст с незакрепленными границами, то есть объективированная индетерминанта, или рационально трактованная неустойчивость. Все это – свидетельства наличия в музыке *скрытой, или неявной, рациональности* (по М. Мамардашвили), или точнее – *латентной рациональности*. И хотя ее действие завуалировано эффектом неожиданности (например, вкраплениями или инкрустациями в коллаже), однако она сильнее явной (явных симметрий, пропорций, разного рода регламентаций) и несет в себе новый эстетический критерий.

Содержанием ННР являются кластерный и сонорный диссонансы, электронный, или Новый звук и микротон; музыкальная пространственность (как безмерность) и музыкальная графика; нелинейность и нелинейная логика, или «детерминистский хаос» (термин Д. Глейка), «интуитивное чувство порядка», а также «конкретная музыка» и «инструментальный театр» (произведения Л. Берио, П. Булеза, С. Губайдулиной, Э. Денисова, Д. Лигети, М. Кагеля, Д. Кейджа, В. Мартынова, П. Шеффера, К. Штокхаузена). *Свойствами* ННР являются скрытость параметров и фактор случайности, «разбалансировка материала» и неравновесность, индетерминизм, поливариантность и неоднозначность, фрактальность и аппроксимативность, алеаторика (элементов, формы) и неопределенность (элементов, ткани, формы), где *состояние неопределенности* апеллирует к идее бифуркирования², коррелирующей, в свою очередь, с восточными принципами «все во всем» и «бесконечности». Отсюда – «форма без конца», или «форма et cetera», незакрепленность текста и размытость границ между творцом и творением («Музыка картриджей» Кейджа), вероятность отдельного события и рациональная трактовка неустойчивости (своего рода объективированной индетерминанты) в перформансах, хэппенингах («Приключения» Д. Лигети, «Шум и тишина» Губайдулиной).

Новая неклассическая рациональность есть *расширенная рациональность*, поскольку зиждется на расширенном рациональном конструкте, например, на направленности звукового потока или на «многопараметровости». При наличии меры отношений между «идеей» и «телом» (звуковой материей), «случайностью» и «стабильностью» и т.д. расширенная рациональ-

¹ Аппроксимации в музыке (лат. *approximare* – приближаюсь) – приблизительное выражение музыкального параметра: высоты, ритма, метра, темпа, динамики и проч.

² Бифуркация (от лат. *bifurcus* – раздвоенный) – место разветвления. В авангардной музыке – место раздвоения, неопределенности процесса развертывания музыкальной мысли.

ность наиболее приближена к идеалу целостности как концепции музыки. Расширенная рациональность адекватно объясняет «детерминистский хаос» и нелинейность (например, самоорганизующиеся процессы в алеаторике), фрактальность¹, бифуркацию, и тем самым выступает оптимумом авангардного музыкального мышления, реализующем себя в Новейшей музыке. Сквозным действием своих параметров (параметры не онтологичны; они вторичны и обнаруживают себя через нечто скрытое), ННР есть онтос (сущее, сущность) авангардного музыкального мышления, определивший содержание музыки во второй половине XX века.

При изучении Новейшей музыки целесообразно обратиться к синергетике, поскольку как научная парадигма и метод исследования она адекватно объясняет принцип организации открытых (нелинейных) самоорганизующихся музыкальных композиций². Главным в синергетике является внятная трактовка индетерминант, неустойчивостей и стохастического поведения в качестве параметров порядка («внерационального образа порядка» по Е. Князевой, С. Курдюмову, В. Васильковой) и системных элементов. Благодаря синергетике понятия неустойчивости, спонтанности, индетерминизма и т.п. освобождаются от негативного оттенка. Синергетический подход также позволяет адекватно объяснить не только принципы самодвижения и самоорганизации в музыке, но и слиянности субъекта и объекта, оригинально претворенных только в Новейшей музыке (например, там, где исполнитель вовлекается в процесс сочинения и в общение с действием – в музыкальном хэппенинге, перформансе и т.п.). Синергетическое понятие *новый образ детерминизма*, или «высший тип детерминизма» (Е. Князева, С. Курдюмов), помогает раскрыть действие случайностей в рамках определенного поля возможностей. Кроме того, синергетика характеризует переход от неустойчивости к устойчивости (и наоборот) в композициях, связанных с импровизацией, где выделяет особую точку музыкального развития – точку бифуркации, или разветвления, обретающей в авангардном творчестве мировоззренческое значение. Суть «точки» – в неопределенности, то есть в стертости и размытости границ (напр., звука, формы), неравновесности и многозначности возможных путей процесса развития, тождестве противоположностей (например, элементов музыкальной речи). Все это объясняет существо неклассичности по отношению и к смыслу и бытию и к содержанию и форме музыкального произведения II Авангарда. Последнее особенно важно при изучении композиций, имеющих слабые и скрытые «фундаменты» – репрезентантов «не-явной рациональности», в которых доминирует нелинейная логика: так, например, форму «Циклов» Штокхаузен называл «скрюченной» [*gekrümmte*], структурирование же перформансов всегда персонифицировано. Однако, если равновесность как устойчивость и параметр порядка более-менее понятна, то неравновесность в качестве своеобразного организующего фактора и меры в вероятностной форме – новое явление, пришедшее в европейскую музыку с творчеством авангардных композиторов в эпоху постмодернизма. С неравновесностью, входящую в структуру ННР, связаны изменчивость, непостоянство

¹ Фрактальность, фракталы (англ. – осколок, разрыв; дробный, частичный) – термины синергетики, введенные в научный оборот Е. Князевой и С. Курдюмовым [2], дополненные Э. Сороко [3]. Фрактальная форма – форма, которая как бы разрывается инкрустациями, «чужим», и ее очертания уже не плавные, правильные, заранее «заданные», но напротив, зигзагообразные, «неправильные».

² Синергетика (от греч. synergētikós – совместный, согласованно действующий; syn – вместе, ergón – работа), «фундаментальное трансдисциплинарное учение о кооперативном действии, о самоорганизации, саморазвитии систем как угикальных универсумов» [3]; научное направление, изучающее связи между элементами структуры (в т.ч. подсистемами), которые образуются в открытых системах.

структурности, нелинейная процессуальность, что наиболее ярко выразилось в алеаторике формы.

В алеаторических композициях неравновесность является тем качеством, которое делает систему неустойчивой, требующей дополнительной структуризации. Таковым выступил фактор исполнителя, интерпретатора музыки. И хотя в таких случаях все аспекты музыкальной материи и их координация сознательно моделировались композитором, однако конечный результат зависел все же от исполнителя – от его чувства порядка и представления о целом. Примерами служат «Инори» и «Кси» Штокхаузена, «Музыка картриджей» и «0.00.» Кейджа, Третья соната П. Булеза, а также целый ряд произведений российских композиторов – «Силуэты» Э. Денисова, Moz-art, Три сцены для голоса и ударных А. Шнитке, «Диалог для магнитофонной пленки и импровизации» С. Губайдулиной.

Характеристики и параметры этих композиций свидетельствуют о проникновении в Западную музыку неевропейских традиций, связанных с принципом «все во всем». Так, например, в ряде сочинений Кейджа признаки собственно нового, неевропейского видятся в «размытости» сфер действия рациональности, с чем связана актуализация разомкнутой формы при однонаправленности процесса музыкального развертывания. Новая трактовка художественного (музыкального) времени и процессуальности указывает на их отдаленную связь с принципом «бесконечности» (потенциальной), который присущ индийской раге и восточному типу мышления в целом.

Необратимая, устремленная «в никуда», «бесконечная» или «безпредельная», *неопределенностная форма* (форма et cetera) демонстрирует тождество рационального и нерационального и актуализацию *неопределенного* – крайней формы нерационального для воплощения нового музыкального содержания и нового миропонимания – выражения в музыке и музыкой художественных и мировоззренческих идей постмодернизма. При этом речь идет не о концептуализации нерационального в систематизированных формах, а об отрицании тех европейских традиционных принципов музыкального мышления, которые трактуют нерациональное как нечто, чуждое разуму, не допускающее диалога.

Понятие «неопределенности» многомерно и пока робко входит в сферу специального исследовательского интереса. Само слово «неопределенность» было введено в научный оборот В. Гейзенбергом, который в 1927 г. сформулировал принцип соотношения неопределенностей (как один из принципов квантовой механики) и тем самым внес новый нюанс в представления о целостности (неопределенность одних состояний порождает неопределенность других как взаимосвязанных и взаимопереходящих). В философской литературе феномен неопределенности рассматривался в связи с категорией движения (В. Гречанова), диалектикой неопределенности и определенности с привлечением понятий возможности и вероятности (В. Готт, А. Урсул). В музыкальной теории о «ладотональной неопределенности» писал В. Берков, о «неопределенности и приблизительности отдельных или даже всех параметров музыкального звука» – Ю. Кон.

Неопределенность в Новейшей музыке есть новое качество структуры и формы бытия музыки. Она возникает в нескольких случаях: в сфере слабой, или латентной, рациональности (алеаторика элементов, формы), *посреди* между явным рациональным (явно выраженным: напр., нотные символы) и неявным рациональным (хэппенинг, алеаторика формы), в семантическом поле *не-рационального музыкального (аппроксимации)* и *рационального не-музыкального* (слово, мысли о музыке), свидетельствуя о кризисном состоянии неклассической формы западного рационализма в авангардном музыкальном мышлении XX века.

Выделим основные позиции неопределенного и неопределенности в авангардной музыке.

Во-первых, неопределенность связана с казуальностью (случайностью) как явлением, выражением которой служит техника «случайностей» (или «метод случайных действий», по М. Переверзевой). Здесь неопределенность есть многозначность (структурная, функциональная), создаваемая абсолютным разнообразием элементов, их качественной уникальностью и неслиянностью друг с другом, что делает невозможным их объединение на единых началах. Это ситуация «разбалансировки материала» в стохастической музыке (Я. Ксенакис). Во-вторых, неопределенными могут быть *свойства* музыкальных элементов, например, звуковысот (аппроксимации, флажолеты у струнных и духовых инструментов), тембров («шлейфы», «эхо»), ритма («непериодичный» ритм), которые не измеряются общей мерой – числом. В-третьих, неопределенностью может быть форма сочинения (например, «Южные этюды» Кейджа) – своего рода форма *et cetera*, синонимичная потенциальной бесконечности. Кроме того, неопределенность – это и невозможность точного описания, и неправомочность любого типа определенности, это и размытость, и аморфность, и беспредельность элементов музыки.

Описывается неопределенность в музыке приблизительными характеристиками – «больше», «меньше», «выше», «ниже» и потому не «схватывается» числом. Но вместе с тем неопределенность содержит в себе возможность, потенцию, которые могут стать чем-то конкретным, т.е. рациональным, и тем самым принять участие в создании целостности. Согласно синергетике, имеющей интенцию к корпоративному поведению элементов любой системы, управление в таких случаях основывается на слиянии ее внутренних тенденций и внешнего фактора, в качестве которого в музыке Второго авангарда выступает человек – композитор-исполнитель (хэппенингов, перформансов, инвайронментов и т.п.) и музыкант-импровизатор. В этом сочетании и проявляется высший тип детерминизма – «детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее» [4]. Другими словами, расширенная рациональность включает в свою структуру такие характеристики неопределенности, как возможность и неоднозначность, выступающие в качестве параметров порядка. Однако, чем бы и в чем бы ни выражалась неопределенность в музыке, ее характеризует одно качество – неизмеримость (как без-мерность).

Назовем наиболее яркие примеры неопределенности в Новейшей музыке: 1) «Южные этюды» Кейджа: сочинение демонстрирует попытку построения «открытой системности, лишенной предзаданной центрированности» (Н. Автономова); 2) его же «4'33'' безмолвствия» – «молчание-музыка», форма воплощения как внутреннего «Я» художника, его мировоззрения, одухотворенного трансцендентными идеями и идеями восточного мистицизма с устремленностью творческой души к Божественному. Отметим также мировоззренческую составляющую пьесы: «4'33''» – это не простой набор цифр, поскольку 4 минуты и 33 секунды равны 273 секундам, что означает «абсолютный температурный нуль по Кельвину (в градусах)» (Э. Сороко); в экзистенциальном смысле – это метафора «смерти», то есть конца, предела «звуковой» музыки, или конца западной музыкальной рационалистической цивилизации, и одновременно торжества креативного начала в виде «внерациональных образов порядка»; 3) его же «Неопределенность»: художественная идея и композиторское решение сочинения целиком центрированы неопределенным. Сюда же относится и «Кси» Штокхаузена, которое можно рассматривать как подтверждение бифуркационной ситуации во Втором музыкальном авангарде. Художественная идея «Кси» (X_i есть перевернутый iX – «икс», то есть знак

неизвестного, трактуемый как символ неизвестности) – многовариантность, диктуемая «волей» исполнителя, т.е. своеобразная *ad libitum*-композиция. Смысловой доминантой «Кси» является «вопрос» и в этом отношении сочинение продолжает идею бифуркационного выбора, или вопроса, поставленного Кейджем, а еще ранее – Ч. Айвзом в его инструментальном ансамбле «Вопрос, оставшийся без ответа» (1908). У Кейджа и Штокхаузена состояние неопределенности зиждется на симультании рационального и нерационального, явного, не-явного и неявленного, то есть говорит о тождестве противоположностей.

Выражением *тождества* противоположностей в музыке как носителей неопределенности является также приравнивание музыкального к немusicalному («Неопределенность»), к тишине ($4'33''$) у Кейджа, и даже – творца к творению (хэппенинг, акция, перформанс). Понимание существа *тождества* (противоположностей) в музыке позволяет дать аргументированный ответ об истинности и ценности музыкального творения, ибо в основе такой новой неклассичной целостности лежит универсальность субъективного, создающая не столько целостную, сколько расширенную и даже мозаичную картину мира, основу которой составляет индивидуально (субъективно) интерпретированный «планетарный» элемент. Это «противоречивое смешение токов, идущих от разных парадигм» (В. Алтухов), порождает внутреннюю разнородность авангардного музыкального мышления, или своего рода плюралистическую мозаику, не имеющую единого стержня. Тем самым возникает благоприятная ситуация для формирования компромиссной эпистемы – русла для новой парадигмы, интегрирующей принципы классической, неклассической и новой неклассической рациональности в единую музыкально-логическую систему на основаниях концептуальной целостности, приходящей на смену всеобъемлющей полноты и широты¹.

Таким образом, новая неклассическая (расширенная) рациональность интегрирует мировоззренческий, музыкально-языковой и композиционный аспекты музыки как вида и произведения искусства. Она включает в свою структуру такие феномены, как объективированный индетерминизм, трактуемый как композиционный и художественный факторы, рационально интерпретируемую неустойчивость, неопределенность и «внерациональные образы порядка». Они функционируют по-разному, являясь в целом и в частности инспираторами неклассических – новых и новейших – средств музыкального выражения. Последние же аккумулируют в себе смыслы, значения и специфику бытия музыки представителей Второго авангарда. Тем самым ННР обретает статус музыкально-эстетической парадигмы композиторского творчества в границах эпохи постмодернизма, где главной тенденцией является интенция музыки к целостности, к музыкальному миру как целому – голограммной универсалии, вбирающей микро- и макрокосм в Единстве.

Между тем индивидуальные формулы целостности, созданные и найденные авангардными композиторами, не стали метамоделью, как ни впечатляли они своей *видимой* «гармоничностью» и новизной идей. Поэтому взгляд на авангардную музыку с позиций ее новой (расширенной) рационалистической концепции открывает путь к постижению истины (в том числе и как Абсолюта – высшей и свободной сущности), и позволяет приоткрыть завесу над тайной творчества, где красота звучания обосновывается законами порядка, где интуитивное ощущение «правил» выливается в «красоту» формы и где спонтанный набор мыслей, чувств и настроений вырастает в «прекрасную гармонию звуков» (выражение Ю.Н. Холопова).

¹ В мировоззренческом аспекте такой новой парадигмой является синергетическое мировидение, которое сближает Восток и Запад, рациональное и нерациональное, находит Порядок в Хаосе, объективирует неустойчивость и апеллирует к целостности и недугальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Музыкальный словарь.** – Минск, 1999. – С. 26, 277.
2. **Мамардашвили, М.** Классические и неклассические идеалы рациональности / М. Мамардашвили. – Тбилиси, 1984. – С. 48.
3. **Сороко, Э.** Краткий энциклопедический словарь философских терминов / Э. Сороко, П.В. Кикель. – М., 2008.
4. **Василькова, В.** Порядок и хаос в развитии социальных систем / В. Василькова. – СПб., 1999.

S U M M A R Y

The article is a new theoretical argumentation of the principles of rationalism in creative works of European avant-garde composers.

Поступила в редакцию 3.09.2008

УДК 785.03(510)

Пэй Хан

Пентатоника как проявление национального музыкального мышления

В Китае создание профессиональной фортепианной музыки началось в 20-х годах XX столетия. В фортепианных сочинениях часто использовали структуру народного лада – пентатоники. Довольно большое распространение получил прием цитирования – перенос народной мелодии в музыкальный текст пьесы. Такие произведения утвердились в композиторской практике во многом благодаря тому, что ладовая основа пентатоники передает неповторимый народный колорит. Композиторы, выбирая несколько наиболее ярких напевов или мелодий национального меньшинства определенного района, применяли гармонические средства для их обработки и аранжировки, обогащали и изменяли их, преобразуя в фортепианную музыку. Среди таких произведений можно выделить следующие: «Храмовой праздник» Цзян Цзусиня, «Картина местности Башу» Хуан Хувей, «Пейзаж Цзяннань» Шу Ванхуа, «Народная песня восточных монгол» и «Семь фортепианных этюдов Внутренняя Монголия» Сана Туна, «Народные песни провинции Юньнань» Шень Чуансиня, сюита «Обычаи Шаньдуна» Цуй Шигуана, сюита «Народности чжуан» Ни Хунцзиня, «Красочные воспоминания о 8 акварелях» Тань Дунь, «Пять народных песен провинции Цзянси» Дуна Вейцзие и др. Например, в произведении «Картина местности Башу» Хуан Хувей композитор использовал четыре народных песни провинции Сычуань и две народные танцевальные мелодии национального меньшинства этой провинции, благодаря чему ему удалось передать неповторимые образы природы и людей этой местности (Башу – сокращенное название провинции Сычуань).

Однако в ранних фортепианных произведениях композиторы использовали лишь простейшие европейские приемы гармонической аранжировки китайской народной музыки. Вследствие разницы в устройстве ладов в мелодии и гармонии часто возникали стилистические противоречия. Для их преодоления, а также для того, чтобы гармонично объединить стили, композиторы постоянно искали способы и пути согласованного соединения национальной мелодии и классической европейской гармонии. В настоящее время наиболее распространенными приемами

являются следующие: 1) растворение народного лада в традиционных европейских гармонических функциях, что проявляется, с одной стороны, в ослаблении функциональных тяготений классической гармонии, а с другой – в использовании основных элементов народного лада; 2) опора на смешанность народных ладов с выделением при этом национальных особенностей при помощи использования многоладовости и вариативности тональности.

В связи с вышеизложенным, *цель* данной статьи – аргументировать и раскрыть музыкально-смысловое наполнение пентатоники, в ее многообразии ладовых и мелодических проявлений.

Лад – это тональная основа всей мелодии. Он создается не отдельным композитором, а формируется в национальной музыкальной культуре на протяжении длительного исторического периода. Ладотональность является квинтэссенцией эстетических представлений определенной народности, основным смысловым элементом [1]. В многообразной китайской фольклорной музыке есть типы ладов, которые отличаются от традиционных европейских ладов – минорного и мажорного. Среди них наиболее часто встречающимися являются лады из пяти звуков (пентатоника) и образованные на их основе лады из шести и семи звуков (по типу европейской гаммы). Основная их особенность заключается в том, что на основе пяти основных (начальных) нот «гун», «шан», «цзюе», «чжи», «юй» возникают различные ладовые звукоряды, включая звукоряды из шести и семи нот. Таким образом, можно составить пять видов ладовых систем [2]:

1) гун; 2) шан; 3) цзюе; 4) чжи; 5) юй.

Последовательности из пяти нот, базовыми (начальными) звуками которых являются «гун, шан, цзюе, чжи, юй», принято называть пентатоникой, известной в европейской музыкальной культуре как пентатоника «до-ре-ми-сол-ля» [3].

Пентатоника возникла довольно давно. В трактате «Гуаньцзи», написанном в VII в. до н.э., объясняются числовые характеристики ступеней пентатоники. «Гун» почитается здесь выражением (произведением) самого совершенного числа – 81 (9х9), все другие – последовательным увеличением или уменьшением числа на одну треть по сравнению с предшествующим числовым выражением тона (...) Это построение является точным отражением акустических закономерностей пентатонного звукоряда» [4].

Приведенные исчисления показывают, что гун является основным тоном лада, начальным звуком, от которого выстраивается последовательность: «гун-чжи-шан-юй-цзюе». Например, если взять «до», как начальный звук, и применить пятиступенчатый (в европейской традиции квинтовый) прием, то получится пять звуков «до-сол-ре-ля-ми». Выстроив их по порядку от низкого к высокому, получим гамму из пяти нот «до-ре-ми-сол-ля». Это и есть классическая гамма пятиступенчатого лада «гун-шан-цзюе-чжи-юй» [5].

В пентатонике эти пять звуков также называют «пятью основными звуками», и при определенных обстоятельствах каждый из них может выступать ладовой тоникой (основой) пентатоники. Кроме того, если к имеющимся пяти основным звукам прибавить еще дополнительные звуки (составляющие кварту и септиму относительного основного звука), то пентатоника расширяется. Дополнительные звуки называются «производными звуками». Таким образом, возникают шести- и семиступенные последовательности, основанные на пентатонике. Производные звуки в пентатонике выполняют только вспомогательную функцию или используются для придания произведению дополнительной эмоционально-художественной окраски, но не могут составлять тонику. Наиболее часто используются четыре дополнительных («производных») звука: «цин-цзюе, бьянь-чжи, бьянь-гун, жунь», которые соответствуют «фа, фа-диез, си, си-бемоль» [6].

Пентатоника звучит очень плавно и равномерно, без резких переходов. Это

объясняется тем, что в ладу существует пять трехзвучных рядов (или пять рядов, содержащих по три ноты). Их можно объединить в три группы:

А) «*гун-цзюе*»: группа из трех нот «гун, шан, цзюе», которые составляют последовательность из двух мажорных секунд (в европейской нотации «до-ре» и «ре-ми»), крайние звуки которых образуют большую терцию («до-ми»);

В) «*шан-чжи*»: группа из трех нот «шан, цзюе, чжи» и «чжи-гун» – группа из трех нот «чжи, юй, гун». Оба трехзвучных ряда ограничиваются квартами «ре-соль» и «ми-ля»;

С) «*цзюе-юй*»: группа из трех нот «цзюе, чжи, юй» и «юй-шан» – группа из трех нот (юй, гун, шан). Оба трехзвучных ряда также ограничиваются квартами «соль-до» и «ля-ре» [2, с. 67].

Эти три вида созвучий из трех нот (и их вариации) отражают основные мелодические закономерности пентатоники. Ранее отмечалось, что созвучия «*шан-чжи*» и «*цзюе-юй*» ограничиваются квартами и малыми (минорными) терциями, и только созвучие «*гун-цзюе*» обладает большой (мажорной) терцией. Именно она служит основным элементом различия в системе гун, и если отношения «*гун-цзюе*» можно четко определить, то устанавливается ладовая система *гун*. Таким образом, можно утверждать, что ладовая система гун является приоритетной.

Названные созвучия образуются разными способами, и в зависимости от способа образования они объединяются в следующие пентатоники: *гун, шан, цзюе, чжи, юй*.

Перечислим характерные особенности каждой из них.

– В пентатонике *гун* начальным/базовым звуком является «гун» (по европейской системе нота «до»). Лад *гун* имеет яркую, схожую с европейским мажорным ладом окраску.

– В пентатонике *шан* начальный звук – «шан» («ре»). Лад тяготеет к минору, что определяется малой септимой «шан-гун» («ре-до»). Большое влияние на минорную окраску этого лада оказывает отсутствие верхнего трезвучия либо сексты. Но сочетание из трех прямых звуков остается структурно завершенным, что компенсирует вышеупомянутую особенность.

– В пентатонике *цзюе* начальным звуком является «цзюе» («ми»). Этот лад также имеет яркие минорные характеристики. Они определяются сочетаниями малой терции «цзюе-чжи» («ми-соль»), малой септимой «цзюе-шан» («ми-ре»). Серьезным недостатком пентатоники *цзюе* является отсутствие доминанты. Нижняя доминанта весьма ограничивает действие тоники. А если полностью положиться на нижнюю доминанту, можно вызвать у слушающих неправильное ощущение лада. По этой причине пентатоника *цзюе* редко используется.

– В пентатонике *чжи* начальный звук «чжи» («соль»). Лад чжи обладает мажорными характеристиками, которые определяются большой секстой «чжи-цзюе» («соль-ми»). Несмотря на то, что в гамме отсутствует верхнее тоническое трезвучие, она звучит гармонично. Это становится возможным благодаря завершённому и целостному сочетанию трех основных нот, которые служат своеобразной ладовой опорой. Именно поэтому, а также потому, что данная пентатоника отличается ярко выраженными мажорными (приподнятыми, светлыми) тонами, ее часто используют при сочинении произведений.

– В пентатонике *юй* («ля») одноименный звук является начальным. Минорное звучание лада определяется малой терцией «юй-гун» («ля-до») и малой септимой «юй-чжи» («ля-соль»).

Кварта в пентатонике (например, лад *гун*) образуется на основе малой терции пентатоники, а именно между «*цзюе-чжи*» («*ми*» и «*соль*») и «*юй-гун*» («*ля*» и «*до*»). Каждое из созвучий дополняется производными звуками: «*цин-цзюе*» («*фа*») или «*бянь-чжи*» («*фа-диез*»), «*жунь*» («*си-бемоль*») или «*бянь-*

гун» («си»), образуя семизвучную пентатонику. Так как эти сочетания возникают на основе минорной терции, их еще называют «промежуточными звуками минорной терции». Вновь подчеркнем, что в семизвучной пентатонике пять звуков являются основными, а дополнительные звуки – производными.

На основе различных приемов использования минорного трезвучия и образуемых им полутоновых отношений (полутоновые интервалы между второй и третьей ступенями) можно выделить три различных вида звуковых систем пентатоники, состоящих из семи нот (пять основных и двух дополнительных):

1) лад *цинъюе* (до, ре, ми, фа, соль, ля, си-бемоль);

2) лад *яньъюе* (до, ре, ми, фа-диез, соль, ля, си);

3) лад *яюе* (до, ре, ми, фа-диез, соль, ля, си-бемоль).

Отметим характерные особенности этих ладовых систем из семи звуков.

1) Лад *цинъюе* образован на основе пентатоники с добавлением «цин-цзюе» (фа) и «бянь-гун» (си-бемоль). Его также называют новой гаммой. Гамму составляют: гунн (до), шан (ре), цзюе (ми), цин-цзюе (фа), чжи (соль), юй (ля), бянь-гун (си-бемоль). Тоника может быть образована любым основным звуком. С помощью гаммы цинъюе образуется пять разновидностей лада цинъюе: *цинъюе гун* (строится от первой ступени гун – до), *цинъюе шан* (строится от второй ступени шан – ре), *цинъюе цзюе* (строится от третьей ступени цзюе – ми), *цинъюе чжи* (строится от пятой ступени чжи – соль), *цинъюе юй* (строится от шестой ступени юй – ля).

2) Лад *яньъюе* образован на основе пентатоники с добавлением «цин-цзюе» (фа) и «жунь» (си). Его также называют гаммой цин шан или гаммой традиционной музыки. Гамму составляют: гун (до), шан (ре), цзюе (ми), цин цзюе (фа), чжи (соль), юй (ля), жунь (си), гун (до), и тоника также может быть образована любым из основных (перечисленных) звуков. Возникают пять разновидностей лада яньъюе: *яньъюе гун* (от первой ступени до), *яньъюе шан* (от второй ступени ре), *яньъюе цзюе* (от третьей ступени ми), *яньъюе чжи* (от пятой ступени соль), *яньъюе юй* (от шестой ступени ля).

3) Лад *яюе* образован на основе пентатоники с добавлением «бянь-чжи» (фа-диез) и «бянь-гун» (си-бемоль). Его также называют старинной гаммой или гаммой прямых звуков. Гамму составляют: гун (до), шан (ре), цзюе (ми), бянь-чжи (фа-диез), чжи (соль), юй (ля), бянь-гун (си-бемоль), и тоника образуется любым из основных звуков. Вследствие этого возникают пять ладовых разновидностей яюе: *яюе гун* (строится от первой ступени), *яюе шан* (строится от второй ступени), *яюе цзюе* (строится от третьей ступени), *яюе чжи* (строится от пятой ступени), *яюе юй* (строится от шестой ступени).

Дополнительные (отклоняющиеся) звуки, или «промежуточные звуки минорной терции», часто используются только для того, чтобы украсить пять основных звуков. Кроме того, «промежуточные звуки малой терции» в некоторых композициях создают еще одну особенность системы *гун*. Этот лад имеет «большую септиму», в которой есть взаимозаменяемые элементы. Такая универсализация лада широко используется в народной опере и фольклорной музыке. В музыкальной практике «промежуточные звуки минорной терции» могут только однажды образовать сексту, три-четыре раза октаву и дециму. Эти гаммы можно считать вариациями септимы и подробно останавливаться на них мы не будем.

При сравнении пентатоники (состоящей только из основных звуков) и семизвучной пентатоники (включающей два дополнительных звука) можно выделить следующие различия: основная пентатоника более простая и лаконичная, семизвучная пентатоника – сложная и разнообразная; первая подходит для передачи ясных, твердых, решительных настроений, последняя придает произведению детальный, изысканный характер, эстетическую окраску. Раз-

личия касаются в основном стиля и не имеют отношения к функциональным возможностям обоих ладов [7].

Интересно отметить, что каждая ступень пентатоники имеет вербальное, смысловое значение, а также цветовые и астральные ассоциации, каждая из ступеней в своем звучании отражает конкретные природные звучания:

- гун (до) – «дворец», ассоциируется со стихией земли, раскатом грома, желтым цветом;
- шан (ре) – обозначает «беседовать», «советоваться», ассоциируется с шумом осеннего ветра в ветвях, стихией металла, белым цветом;
- цзюе (ми) – звучание охотничьего и сигнального рожка, потрескивание дров в огне, ассоциируется с Востоком, весной, сине-зеленым цветом;
- чжи (оль) – переводится как «переживать», отражает журчание воды, ассоциируется с Югом, летом, солнцем, красным цветом;
- юй (ля) – «крылья», ассоциируется с Севером, зимой, луной, черным цветом [8].

Приведенные толкования значений ступеней пентатоники свидетельствуют о том, что пентатонная гамма формировалась в тесной взаимосвязи с развитием смысловых и интонационных особенностей китайского языка. На фоне европейской культуры особенно очевидным становятся связи в Китае мелоса и речи, врожденная интонационная чуткость китайцев, их способность к «слышанию» и «воспроизведению» почти неуловимых европейцами интонационных колебаний.

Народная китайская пентатоника определила особенности китайской музыки. Поэтому знакомство и овладение особенностями китайского народного лада играет важную роль в понимании китайской музыки, в особенности китайской фортепианной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Фань Цзуинь.** Китайский пятиступенный лад / Цзуинь Фань. – Пекин: Изд-во народной музыки, 1998. – С. 136.
2. **Ду Ясюн.** Теоретические основы китайской народной музыки / Ясюн Ду. – Пекин: Изд-во китайского объединения культуры, 1995. – С. 37.
3. **Лю Цзайшэн.** История старинной китайской музыки / Цзайшэн Лю. – Пекин: Изд-во народной музыки, 1989. – С. 17.
4. **Лянь Бо.** Китайская традиционная музыкальная культура / Бо Лянь. – Пекин: Изд-во народной музыки, 2001. – 313 с.
5. **Гао Тянькан.** Музыкальный словарь знаний / Тянькан Гао. – Ланьчжоу: Изд-во Ганьсуского народного университета, 1981. – С. 489.
6. **Ли Чжунгуан.** Основной курс теории музыки / Чжунгуан Ли. – Пекин: Изд-во народной музыки, 2004. – С. 161.
7. **Дэн Гуанхуа.** Китайская народная музыка / Гуанхуа Дэн. – Пекин: Изд-во высшего образования, 2002. – С. 139.
8. **Кравцова, М.Е.** Мировая художественная культура. История искусства Китая: учеб. пособие / М.Е. Кравцова. – СПб.: Лань-Триада, 2004. – С. 935–936.

S U M M A R Y

The article deals with the peculiarities of pentatonic as a traditional music mode of Chinese nation. It reveals the structure of pentatonic in its variety, manifestation in the culture of the ethnic minorities of certain areas of China. It shows semantic, verbal and color sense of modes in their comparative unity.

Поступила в редакцию 29.01.2009

Творчае развіццё манадыйнай знаменнай традыцыі ў Супрасльскім ноталінейным ірмалоі 1598–1601 гадоў

Прыгажосць і багацце духоўнай спадчыны беларусаў адлюстраваны ў помніках манадыйнага пеўчага мастацтва – рукапісных ноталінейных ірмалоях XVII стагоддзя. Натаваныя богаслужбовыя зборнікі сведчаць пра высокую кніжную культуру, старажытнасць вытокаў прафесійнай музыкі Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. Ірмалоі выяўляюць існаванне ў богаслужбовай практыцы Усходніх цэркваў магутнага пласта сярэдневяковай пеўчай традыцыі. З распаўсюджваннем партэсных песнапенняў, якія адпавядалі новаму светаадчуванню і новым эстэтычным ідэалам эпохі Барока, культывае мастацтва рабілася стылістычна шматпльнным.

У сучасным беларускім мастацтвазнаўстве традыцыйны аспект айчынай культуры застаецца пакуль у ценю даследавання барочных тэндэнцый. Пеўчыя ж тэксты, напісаныя ў перыяд змены музычнай культурай свайго знакавага слоўніка, утрымліваюць каштоўнейшы матэрыял для тыпалагічнай характарыстыкі стылю, з’яўляюцца сродкам самаапісання мастацкай сістэмы, у якой яны ўзніклі. У нотным пісьме сканцэнтраваны найбольш істотныя прыкметы музычнага мыслення, уяўлення пра гук і мелас – рытм, метр, фанізм, артыкуляванне.

Мэтай артыкула з’яўляецца выяўленне ступені захаванасці і творчага развіцця манадыйнай знаменнай традыцыі ў Супрасльскім ноталінейным ірмалоі 1598–1601 гадоў на матэрыяле цыкла з 15 антыфонаў службы «Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа». Вывучэнне праводзілася спецыяльнымі, канкрэтна-навуковымі метадамі эмпірычнага і тэарэтычнага даследавання – крыніцазнаўчым, палеаграфічным, гісторыка-сістэмным, гісторыка-генетычным, комплексным аналітычным, і агульналагічнымі (апісанне, класіфікацыя, аналіз, сінтэз, абагульненне, індукцыя, дэдукцыя, аналогія).

Пры азначэнні катэгорыі «манадыйнае знаменнае традыцыя» былі выкарыстаны публікацыі і манаграфіі В. Абушэнкі, В. Карцоўніка, М. Успенскага. Пад «манадыйнай знаменнай традыцыяй» у данай рабоце разумеецца сістэма старажытнарускага аднагалосага спеву і стыль царкоўнага пеўчага мастацтва – знаменны распеў, які развіваўся на працягу XII–XVII стагоддзяў. Гэты тып традыцыі класіфікуецца як другасны, рэфлексійны і належыць да прафесійнай сферы культуры, дзе ў адрозненне ад аўтэнтычнай, нерэфлексійнай, выпрацавалася пісьмовая форма трансляцыі ведаў [1–4].

Аўтарамі асноватворных прац па гісторыі і стылістыцы старажытнарускага царкоўнага спеву, які сістэматычна даследуецца з другой паловы XIX – пачатку XX стагоддзя, з’яўляюцца В. Мяталаў, Д. Разумоўскі, І. Гарднер, М. Бражнікаў, М. Успенскі, Н. Сярогіна, І. Лазава, Н. Герасімава-Пярсідская, А. Кручынiна, Ю. Халопай, В. Халопав, Г. Пажыдаева, Ю. Ясіноўскі і шэраг іншых буйных вучоных-медыявістаў. Навуковыя даследаванні даюць магчымасць акрэсліць асноўныя стылёвыя характарыстыкі знаменнага распева. Коротка іх можна сфармуляваць наступным чынам. Царкоўны спеў грэка-візантыйскай традыцыі ў Сярэдневякоўі быў непарыўна звязаны з літаратурна-

паэтычным матэрыялам богаслужэння. Ідэя панавання слова рэалізавалася ў меладыйным мастацтве знаменнага распеву – сферы творчасці, у якой спасцігаўся ўнутраны свет чалавека, адлюстроўваліся звычайныя ідэалы і мастацкія дасягненні таго часу. Знаменны распев уяўляў сабой феномен нетэматычнай прыроды. Мелодыку, рытм і лад песнапенняў вызначала гнуткая фанетычная лінія мовы. Асноўнай формай інтанацыйных сувязяў была варыянтнасць. Кампазіцыі, як правіла, варыянтна-страфічныя, скразныя, структураваліся па меладыйных радках, што адпавядалі слоўным і мелі цэнтонную будову. У крукавых першаўзорах адной з асноўных структурных адзінак з’яўлялася папеўка – меладыйная формула, зафіксаваная нязменным, характэрным для кожнай папеўкі графічным адлюстраваннем.

Гістарычнай формай лада, уласцівай сярэдневяковай манодыі, з’яўляўся глас. Ён меў спецыфічныя прынцыпы арганізацыі і быў звязаны з паняццямі «папеўка», «галоўны тон», «каданс, або заключны тон», «амбітус» і, на познім этапе аднагалосага знаменнага спеву, у канцы XVI–XVII стагоддзі, – «абіходны гукарад». Восем гласаў утваралі актоіх, або асмаглассе, – ладавую арганізацыю старажытнарускай манодыі. У позні перыяд лад як сукупнасць лагічнадыферэнцыраваных гукавых суадносін уяўляў сістэму меладыйна-формульнага тыпу.

Гукавышыннай асновай знаменнай манодыі з’яўляўся абіходны гукарад. Яго складалі чатыры сугалоссі дзятанічнай будовы (тон+тон) – «простае», «змрочнае», «светлае» і «трысветлае». Асаблівасцю абіходнага гукарада трэба лічыць паслядоўна вытрыманую квартавую структуру, якая дае не дзятанічны, а міксадзятанічны (тэрмін Ю. Халопавы) гукарад. Канструктыўная адзінка абіходнага гукарада – тэтрахорд (тон+тон+1/2 тону) – паўтараецца праз кварту ў злітным сачляненні [5].

Для знаменных напеваў уласцівы мудрагелістыя рытмавыя малюнкi. На ўзроўні першасных элементаў добра адчувалася адзінка ліку. Пульсавыя пэўнай працягласці (крука) называецца манамернасцю. Пры адсутнасці такта і перыядычнасці стоп гэты прынцып аб’ядноўваў музычную форму адзінай часовай меры.

Даследчык палеаграфіі і сяміялогіі ранніх сістэм музычнай пісьменнасці В. Карцоўнік звяртае ўвагу на характар і значэнне нотнага тэксту ў знаменным распеве. Крукавы запіс уяўляў сістэму прэзентатыўных сімвалаў, дзе змяненне знака цягнула за сабой змяненне значэння. Неўмы захоўвалі інфармацыю аб музыцы непісьмовай традыцыі [3, с. 260–270]. Абазначэнні інтанацыі або матыву не перадавалі дакладную вышыню і працягласць асобных гукаў, а толькі нагадвалі аб засвоенай на слых мелодыі [4, с. 28].

У генезісе нотазапісу фанізм папярэднічаў функцыянальнасці. Гукавышыннасць знаменнай натацыі адносілася да сферы верагоднаснага. Сярод асноўных характарыстык гучання, якія ўлічваліся пры фіксацыі, найбольш істотнай, апроч гукавышыннасці і рытму, з’яўлялася артыкуляцыя, тэмбр (у сярэдневяковым музычным мастацтве з гэтым былі звязаны асаблівыя фанетычныя эфекты – вібрата, глісанда). На працягу амаль усёй сваёй гісторыі крукавы запіс быў *не гукарадным*. Спробы вызначыць дакладнае палажэнне таго ці іншага знака ў вышыннай сістэме аказваюцца немагчымымі з прычыны *шматзначнасці неўменнай графікі* [3, с. 268].

У XVII стагоддзі крукавы тып натацыі быў заменены ў манастырскіх скрыпторыях Беларусі і Украіны ноталінейным. Знакавыя характарыстыкі руска-кіеўскай сістэмы фіксацыі песнапенняў засноўваліся на прынцыпова іншай канцэпцыі гуку і гучання: пяцілінейны нотаносец акрэсліваў контуры гукарада; рытміка будавалася на бінарных суадносінах; у пачатку нотаносца з’явіўся ключ, а ў канцы – кустоды – знакі, якія ўказваюць вышыню першага тону на наступным нотаносцы.

В. Карцоўнік падкрэслівае, што вытокі новай натацыі ўзыходзяць да культуры тых тэрыторый Рэчы Паспалітай, якія былі населены пераважна праваслаўнымі, а пазней і грэка-каталікамі. Таму яе тыпалагічныя характарыстыкі трэба шукаць у культурнай сітуацыі Беларусі і Украіны XVI–XVII стагоддзяў [3, с. 268–270].

Славяна-візантыйскае царкоўнае паданне суіснавала ва ўмовах Рэчы Паспалітай з рыма-каталіцкай абрадаваасцю. Канфесійная палітра рэлігійнай культуры Беларусі стала больш стракатай пасля Брэсцкай уніі 1596 года. Грэка-каталікі выпрацавалі самабытны беларускі ўзор богаслужэння ўсходняй традыцыі.

Рыма-каталіцкая Царква абাপіралася на шматвекавую нарматыўнасць лацінскай граматыкі. У праваслаўных і уніятаў статус, аналагічны латыні каталікоў, у XVII стагоддзі набыла славянская мова – з’явіліся яе апалогіі і першыя сістэматызацыі: «Азбука з Лексісам» і «Грамматіка словенская съвершенного искусства осми частей слова» Лаўрэнція Зізання (Вільня, 1596), «Грамматики словенския правильнае синтагма» Мялеція Сматрыцкага (Еўе, 1619).

«Музычнай латынню» Рыма з’яўляўся грыгарыянскі харал – мастацтва ў вышэйшай ступені рэгулярызаванае і неад’емна знітаванае з тэарэтычным асэнсаваннем (лацінскае музыказнаўства надавала вялікае значэнне гукавышыннасці). Царкоўны спеў усходніх хрысціян Вялікага княства Літоўскага ва ўмовах полірытуалізму таксама ператвараўся ў своеасаблівае рэгулярнае *Ars Musica*. Знаменную манодыю – напайфальклорную стыхію з яе асаблівай увагай да фанізму і артыкуляцыі – выцясняла мастацтва спеву з асэнсаванымі нормаў гукавышыннасці [3, с. 270].

Для выяўлення ступені захаванасці манадыянай знаменнай традыцыі звернемся да 15 антыфонаў службы «Святых Страстей» Супрасльскага ноталінейнага ірмалоя 1598–1601 гадоў. Гэты помнік пайфага мастацтва яшчэ не з’яўляўся прадметам спецыяльнага даследавання. Пэйным чынам распрацоўка пытання суадносіцца з вывучэннем «Страстных» антыфонаў у расійскім мастацтвазнаўстве. Альбіна Кручынiна адзначае, што на працягу XII–XVII стагоддзяў цыкл запісваўся знаменнай натацыяй, а ў XVIII – руска-кіеўскай. Дзве сістэмы, між тым, прадстаўляюць агульную інтанацыйную парадыгму старажытнарускай манодыі – знаменны распеў [6].

Ахарактарызуем 1) мастацкую вобразнасць цыкла; 2) працэс фарміравання музычнага кампанента чынапаследавання ютрані Перадвелікоднай пятніцы – цыкла антыфонаў – на працягу XV–XVI стагоддзяў; 3) асаблівасці кампазіцыі і нотаграфіі.

Даследаванне тэкстаў чынапаследавання, якія запісаны ў Трыёдзі Кветкавай XV стагоддзя з вёскі Нікалаева Дзісенскага павета [7] і Трыёдзі Кветкавай 1609 года, выдадзенай у віленскай друкарні Лявона Мамоніча [8], паказала, што 15 антыфонаў з’яўляюцца гімнаграфічным цыклам, які выконваўся на ютрані Перадвелікоднай пятніцы¹. Вылучыць антыфоны ў самастойны раздзел песеннага паследавання службы «Святых Страстей» дазваляе сюжэтная завершанасць глыбокай і багатай па змесце гімнаграфіі. Паэтычныя тэксты ўключаюць усю гісторыю пакутаў Ісуса Хрыста.

Кампазіцыя цыкла мае трохкампанентную будову. **Першы структурны**

¹ Значэнне службы ў гадавым коле святаяў, спецыфіка жанра «Страстных» антыфонаў разглядаецца ў публікацыях: Смыкоўская, І. 15 антыфонаў у чынапаследаванні службы «Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа» / І.І. Смыкоўская // XII (59) научная сессия преподавателей, научных сотрудников и аспирантов университета: сб. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Г.И. Михасев (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – С. 46–49; Смыкоўская, І. Песеннае паследаванне 15 антыфонаў у структуры службы Страсцей Госпада нашага Ісуса Хрыста / І.І. Смыкоўская // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность): материалы междунар. науч.-теор. конф., Витебск, 6–8 дек. 2001 г. / Витеб. гос. ун-т; под ред. А.В. Космача [и др.]. – Витебск, 2001. – С. 197–200.

элемент формы ўтвараецца яго спалучэннем з тэкстамі Новага Запавету і роўнай групіроўкай: антыфоны выконваліся па тры пасля першых пяці чытаньняў Евангелляў. Дзяленне на пяць блокаў не адпавядае арганізацыі слоўнага тэксту, сюжэтная канва якога ўтварае трохчасткавую структуру. Антыфоны аб'ядноўваюцца адпаведна гімнаграфіі несіметрычна (**другі структурны элемент формы**): *першы–пяты* антыфоны – задума іўдзеяў асудзіць Ісуса Хрыста на ўкрыжаванне, змова з імі Юды, Тайная вячэра; *шосты–дзевяты* – здзяйсненне здрады, арышт, асуджэнне Хрыста сінедрыёнам, суд Пілата, адрачэнне Пятра; *дзевяты–пятнаццаты* – здзекі іўдзеяў, крыжовы шлях, укрыжаванне, навяртанне злачынцы, ахвярная смерць Хрыста, земля-трус і сонечнае зацьменне, разрыў царкоўнай катапетазмы.

Чытанні Евангелляў і антыфоны з'яўляюцца рознымі па функцыянальным прызначэнні пластамі чынапаследавання. Калі ў чытаннях Евангелляў увабляўся сакральны сэнс богаслужэння, то песнапенні перадавалі шырокі спектр перажыванняў, стваралі адпаведную эмацыйную атмасферу. Часавыя неспадзённыя фавулы чытанняў Евангелляў і антыфонаў з'яўляюцца метадам выяўлення містэрыяльнага сэнсу набажэнства.

Трэці кампанент структуры складае меладычная архітэктоніка.

Пры супастаўленні чынапаследавання «Святых Страстей» па Трыёдзях Кветкавых XV і XVII стагоддзяў у музычным кампаненце выяўляецца разрыў сінкрэтычнай сувязі гімнаграфіі з тэкстамі са Святога Пісання. Антыфоны XV стагоддзя запісваліся з характэрнымі псалмамі, што прадугледжвала паўторы гімнаграфічных строф пасля вершаў. У віленскім выданні Трыёдзі Кветкавай 1609 года біблейскія тэксты адсутнічаюць, што выяўляе змены ў старажытнай пеўчай практыцы. Скарачэнне некаторых элементаў чынапаследавання звязана з узростаннем музычнага пачатку песнапенняў, з'яўленнем новых мелодый і складанай мелізматыкі. Павелічэнне ў сувязі з гэтым працягласці службы прывяло да здзяйснення пэўнай карэкцыі складу тэкстаў.

Адзін з самых ранніх ноталінейных спісаў 15 антыфонаў службы «Святых Страстей Господа нашего Исуса Христа» на беларускіх землях створаны перапісчыкам з *Пінска* Багданам Анісімовічам у *праваслаўным* Дабравешчанскім манастыры на Супраслі (*заходнія беларускія землі* Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага) [9]. Зафіксаваны ноталінейнай натацыяй, дзе, як адзначана вышэй, у адрозненне ад фанізму крукаваго запісу, дамінуюць гукавышыныя і рытмавыя аспекты гучання, Супрасльскі цыкл з'яўляецца яркім прыкладам трываласці старажытнай традыцыі знаменнага распеву ў Праваслаўнай царкве Рэчы Паспалітай эпохі Рэнесансу і Барока¹.

Антыфоны адпавядаюць асноўным характарыстыкам старажытнарускай манодыі. Мастацкі вобраз музычна-паэтычнага тэксту паглыблены ў кантэкст богаслужэння; пачуцці выражаюцца апасродкавана, безафектна; слоўны тэкст і напеў утвараюць сінкрэтычнае адзінства; мелодыцы ўласціва нетэматычнае развіццё; кантынуальнасць меладычнай плыні пануе над перманентнасцю; у радках ясна акрэсліваецца цэнтонная будова; кампазіцыя скразная, варыянтна-страфічная; ладавая структура вызначаецца шырокім колам папевак сямі гласаў (за выключэннем чацвёртага, у якім не распяваюцца трапары і багародзічныя).

Цыкл уяўляе вышэйшы і апошні этап творчага развіцця знаменнага распеву. Характар суадносін тэксту і напеву, наяўнасць фіт выяўляюць прыналеж-

¹ Кампазіцыя «Страстных» антыфонаў Супрасльскага ірмалоя 1598–1601 гадоў разглядаецца ў публікацыі: Смыкоўская, І. Супрасльскі цыкл 15 антыфонаў Службы пакутаў Госпада нашага Ісуса Хрыста па ірмалоі 1598–1601 г. / І.І. Смыкоўская // Навук. працы / Беларус. дзярж. акад. музыкі. – Мінск, 2005. – Вып. 8: Старонкі гісторыі беларускай музыкі. – С. 44–73. – (Сер. 1, Беларуская музычная культура).

насць манодыі да сілаба-мелізматычнага тыпу. Мелодыка антыфонаў развіваецца варыянтна: у тэксце амаль няма дакладных паўтораў. Меладыйная еднасць заснавана на дамінаванні папевак шостага і восьмага гласаў, а таксама каркасе радкоў-фіт, што акрэслівае генезіс уласна музычных спосабаў кампазіцыі. Гукавышыннай асновай з'яўляецца абіходны гукарад: слоўны тэкст распаўяецца ў межах чатырох дыятанічных трыхордаў, злучаных паўтонам.

Тэарэтычныя пошукі беларускіх распевшчыкаў былі скіраваныя на мясцовую пеўчую практыку, пра што сведчыць увядзенне ў ноталінейны тэкст вертыкальнай лініі з паўдугой (рыс. 1).

Рыс. 1. Рыса раздзялення меладыйных строф з паўдугой.

Знак ужыты ў рукапісе толькі аднойчы, і таму высветліць яго значэнне даволі складана. Ён можа з'яўляцца тэмповым, дынамічным абазначэннем, або ўказваць спосаб выканання. Калі строфы антыфонаў спяваліся папераменна двума харамі, то для радка 15 антыфона «ПОКЛАНЯЕМОСЯ СТРАСТЕМО ТВОИМО ХРИСТЕ», перад якім выпісаны знак, лінія з паўдугой з'яўляецца знакам узмоцненага гучання аб'яднаных хароў. Ідэя знака з функцыяй, што датычыцца спосабу выканання, выяўляе ўплыў крукавой натацыі [10].

Відавочна і тое, што богаслужбовы спеў падлягаў у Супрасльскім манастыры ўплывам заходнееўрапейскага музычнага мастацтва: у спісе ўжываецца знак паўтору ў выглядзе вертыкальнай рысы з кропкамі па баках – славянскі аналаг рэпрызы (рыс. 2). Але ў беларускім пеўчым зборніку знак змяняе форму і месцазнаходжанне – рыса з кропкамі па баках пішацца не ў канцы тэксту, а ў пачатку.

Рыс. 2. Вертыкальная лінія з кропкамі па абодвух баках.

Рыс. 3. Знак фіты.

Мелізматычныя радкі-фіты, якія ўпрыгожвалі песнапенні святочных служб і спяваліся традыцыйна на памяць, а ў крукавым запісе ўтрымлівалі знак фіты (рыс. 3), поўнасцю расшыфроўваюцца і выпісваюцца пры кожным правядзенні без спецыяльных абазначэнняў.

У кампазіцыі цыкла дамінуюць ясныя тэмбры сапрадна. Строфам чацвёртага, шостага, сёмага і восьмага антыфонаў уласціва высокая тэсітура, а ў пятым і дзевятым выкарыстаны тэмбравы кантраст.

Вывучэнне музычна-паэтычнага тэксту па Супрасльскім ірмалоі 1598–1601 гадоў – першаўзораў ноталінейных спісаў паказала, што рукапіс прадстаўляе вышэйшы, і апошні, этап развіцця знаменнай манодыі. Цыкл антыфонаў адпавядае асноўным стылістычным прыкметам знаменнага распеву, што выяўляе трывалае захаванне традыцыі старажытнарускага аднагалосага спеву ў Супрасльскім манастыры.

Нотаграфія 15 антыфонаў Супрасльскага рукапісу 1598–1601 гадоў можа быць ахарактарызавана як паслядоўная і лаканічная. Перапісчык не адхіляецца ад прынцыпаў ноталінейнай сістэмы і строгай манеры афармлення тэксту.

Знакі-наватворы ў спісе нешматлікія – гэта лінія з кропкамі па абодвух баках і рыса раздзялення меладыйных строф з паўдугой унізе. Першае абазначэнне выяўляе заходнееўрапейскі ўплыў, другое з’яўляецца, на нашу думку, адлюстраваннем тэарэтычных пошукаў у галіне нотапісу, скіраваных на мясцовую пеўчую практыку.

Няўменны запіс і руска-кіеўская натацыя былі сутнасна рознымі, што з’явілася прычынай іх канфлікту, эвалюцыі старажытнай пеўчай традыцыі, яе наймацнейшага росквіту і, у далейшым, заняпаду. На змену аўдыяльнай цывілізацыі прыйшла візуальна-тэкставая, дзе прадукт творчасці мог існаваць адасоблена ад стваральніка і рытуалу.

ЛІТАРАТУРА

1. **Абушенко, В.Л.** Традиция / В.Л. Абушенко // Новейший философский словарь / гл. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998. – С. 724–725.
2. **Карцовник, В.** О невменной нотации раннего средневековья / В. Карцовник // Эволюционные процессы музыкального мышления: сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии; отв. ред. А.Л. Порфирьева. – Л., 1986. – С. 21–41.
3. **Карцовник, В.Г.** Палеография и семиология (к изучению ранних систем музыкальной письменности) / В.Г. Карцовник // Музыкальная коммуникация = The music communication: сб. науч. тр. / Рос. ин-т истории искусств; ред.-сост. Л.Н. Березовчук. – СПб., 1996. – С. 260–276.
4. **Успенский, Н.Д.** Древнерусское певческое искусство / Н.Д. Успенский. – М.: Музыка, 1965. – 216 с.
5. **Музыкально-теоретические системы:** учебник / Ю. Холопов [и др.]; ред.: Т.С. Кюрегян, В.С. Ценова. – М.: Композитор, 2006. – 631 с.
6. **Кручинина, А.** Композиция музыкально-поэтического текста в древнерусском чинопоследовании / А. Кручинина // Музыкальная культура православного мира: традиции, теория, практика: материалы междунар. науч. конф., Москва, 1991–1994 гг. / Рос. акад. музыки. – М., 1994. – С. 130–141.
7. **[Триодъ Цветная, XV век]** // Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (Vilnius). – F. 19–5.
8. **[Триодъ Цветная, начало XVII века]** // Інститут рукопису Національної бібліотеки України (Київ). – Кир, 722.
9. **Ясіновський, Ю.** Українські та білоруські нотолінійні Ірмолі XVI–XVIII століть: кат. і кодик.-палеогр. дослід. / Ю. Ясіновський. – Львів: Місіонер, 1996. – 622 с.
10. **Гарднер, И.А.** Богослужбное пение Русской Православной Церкви: в 2 т. / И.А. Гарднер. – М.: Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-т, 2004. – Т. 1: Сущность, система и история. – 498 с.; Т. 2: История. – 530 с.

S U M M A R Y

The article is concentrated on the problem of monadic echoes chant tradition in the Belarusian note linear irmaloy of the XVII century. The specific characteristics of the echoes chant are demonstrated on the material of the note linear edition of fifteen antiphon cycle of the service «Saint Passions». It is concluded that the list of Supraslsky irmaloy of 1598–1601 vividly reveals the preservation and artistic development of the ancient Russian echoes chanters of the Dabraveschensky monastery on the highest stage.

Поступила в редакцию 10.12.2008

О существовании π -холловых подгрупп в конечных группах

Рассматриваются только конечные группы. Если π – некоторое множество простых чисел, то π' – дополнение к π во множестве всех простых чисел. Подгруппа, порядок которой делится только на простые числа из π , а ее индекс в группе – только на простые числа из π' , называют π -холловой. Хорошо известно, что в разрешимых группах π -холловы подгруппы существуют для любого множества π простых чисел, см., например, [1], теорема 4.35. В неразрешимых группах это свойство нарушается. Например, в знакопеременной группе порядка 60 нет $\{2,5\}$ -холловых и $\{3,5\}$ -холловых подгрупп.

Одним из фундаментальных результатов теории конечных групп является теорема Шура–Цассенхауза: *если в конечной группе имеется нормальная π -холлова подгруппа, то в группе существует и π' -холлова подгруппа*, см., например, [1], теорема 4.32. Условие нормальности π -холловой подгруппы в этой теореме удалить нельзя, т.е. для существования π' -холловой подгруппы недостаточно только существования π -холловой подгруппы. Например, в любой группе существует силовская p -подгруппа для каждого простого p , но существование p' -холловой подгруппы для каждого простого p равносильно разрешимости группы, [1], следствие теоремы 4.36.

В настоящей работе условие нормальности π -холловой подгруппы в теореме Шура–Цассенхауза ослаблено до требования перестановочности этой подгруппы с некоторыми подгруппами Шмидта. Прежде чем сформулировать нашу теорему, приведем необходимые определения и обозначения.

Ненильпотентная группа, у которой все собственные подгруппы нильпотентны, называется группой Шмидта. Эти группы впервые рассматривались О.Ю. Шмидтом [2], который доказал их бипримарность, нормальность одной силовской подгруппы и цикличность другой. Подробный обзор о строении групп Шмидта и их приложениях в теории конечных групп имеется в [3].

Группа с нормальной силовской p -подгруппой называется p -замкнутой. Пусть p и q – различные простые числа. Условимся называть $S_{\langle p,q \rangle}$ -группой группу Шмидта с нормальной силовской p -подгруппой и циклической силовской q -подгруппой.

Доказывается следующая теорема.

Теорема. Пусть H – π -холлова подгруппа группы G . Предположим, что в группе G существует подгруппа K такая, что $G=HK$ и H перестановочна со всеми $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппами из K для каждого $p \in \pi$. Тогда в группе G существует π' -холлова подгруппа.

Поскольку нормальная подгруппа перестановочна с каждой подгруппой группы, то сформулированная теорема охватывает теорему Шура–Цассен-

хауза. Кроме того, в случае, когда подгруппа H перестановочна со всеми подгруппами из K , из нашей теоремы вытекает теорема 4 работы [4].

Нам потребуются следующие вспомогательные результаты.

Лемма 1 ([3], теорема 2.1). Если в группе G нет p -замкнутых подгрупп Шмидта, то G p -нильпотентна.

Лемма 2 ([5], лемма 2). Если K и D – подгруппы группы G , подгруппа D нормальна в K и K/D – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа, то минимальное добавление L к подгруппе D в K обладает следующими свойствами:

- 1) L – p -замкнутая $\{p,q\}$ -подгруппа;
- 2) все собственные нормальные подгруппы в L нильпотентны;
- 3) L содержит $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппу $[P]Q$ такую, что Q не содержится в D и

$$L = ([P]Q)^L = Q^L.$$

Лемма 3 ([6], лемма 5). Пусть подгруппа A группы G перестановочна с подгруппами $B_1, B_2, \dots, B_n$. Тогда A перестановочна с подгруппой $\langle B_1, B_2, \dots, B_n \rangle$, порожденной ими.

Лемма 4. Если π -холлова подгруппа H группы G перестановочна с подгруппой K , то $H \cap K$ является π -холловой подгруппой в K .

Доказательство. По условию $HK = KH$. Так как $|HK| = |H||K|/|H \cap K|$, то $|HK : H| = |K : H \cap K|$. Из леммы об индексах вытекает, что

$$|G : H| = |G : HK||HK : H|,$$

откуда следует, что $|HK : H|$ есть π' -число. Теперь $H \cap K$ является π -подгруппой и ее индекс в K есть π' -число. Поэтому $H \cap K$ – π -холлова подгруппа группы K . Лемма доказана.

Подгруппа A называется $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальной в группе G , если существует подгруппа B такая, что $G = AB$ и либо подгруппа B нильпотентна, либо подгруппа A перестановочна со всеми $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппами из B . В этой ситуации подгруппу B назовем $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавлением к подгруппе A .

Минимальным $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавлением назовем такое $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление K к $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальной подгруппе H , для которого $HK_1 \neq G$ для каждой собственной подгруппы K_1 из K .

Лемма 5. Пусть H – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальная подгруппа группы G и K – ее $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление. Тогда справедливы следующие утверждения:

- 1) если $H \leq T \leq G$, то H – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальна в T и $T \cap K$ является $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавлением к H в T ;
- 2) если L – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа из K , то H перестановочна со всеми сопряженными с L подгруппами группы G ;
- 3) для любого $x \in G$ подгруппа K^x является $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавлением к подгруппе H в группе G ;
- 4) подгруппа H^x является $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальной в G , а подгруппа K^y – ее $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление для всех x и y из G ;
- 5) если $N \triangleleft G$, то HN/N – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальная подгруппа группы G/N , а KN/N – ее $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление.

Д о к а з а т е л ь с т в о. По определению $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальной подгруппы подгруппа K либо нильпотентна, либо ненильпотентна. Если она нильпотентна, то все свойства очевидны. Поэтому в дальнейшем считаем, что K ненильпотентна.

1. По тождеству Дедекинда $T = T \cap HK = H(T \cap K)$. Так как H – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальна в G и K – ее $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление, то H перестановочна со всеми $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппами из пересечения $T \cap K$.

2. Пусть $g = ab$, $a \in K$, $b \in H$ и L – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа из K . Тогда $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа L^a содержится в K , поэтому подгруппы H и L^a перестановочны. Из равенства

$$HL^g = HL^{ab} = (HL^a)^b = (L^aH)^b = L^{ab}H = L^gH$$

следует, что H перестановочна со всеми сопряженными с L в группе G подгруппами.

3. По лемме 1.43 [1] группа $G = HK^x$ для любого $x \in G$. Пусть S – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа из K^x . Тогда $S^{x^{-1}}$ является $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппой в K . Поэтому подгруппы H и $S^{x^{-1}}$ перестановочны. По п. 2 подгруппы H и S перестановочны. Следовательно, K^x – $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление к H в G .

4. Пусть x и y – произвольные элементы группы G . По лемме 1.43 [1] группа $G = H^xK^y$. Пусть S – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа из K^y . По п. 3 подгруппа K^y является $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавлением к подгруппе H . Применяя утверждение из п. 2, получаем, что подгруппы H и $S^{x^{-1}}$ перестановочны: $HS^{x^{-1}} = S^{x^{-1}}H$. Из последнего равенства следует, что $H^xS = SH^x$. Это означает, что H^x – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальная подгруппа в группе G и K^y – ее $S_{\langle p,q \rangle}$ -добавление в G .

5. Ясно, что $G/N = (HN/N)(KN/N)$. Пусть KN/N ненильпотентна и A/N – $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа из KN/N . Тогда $A \subseteq KN$ и $A = (A \cap K)N$. Пусть L – минимальное добавление к подгруппе N в A такое, что $L \subseteq A \cap K$. Тогда L обладает свойствами 1–3 из леммы 2. В частности, L содержит $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа $[P]Q$ такую, что Q не содержится в N и $L = ([P]Q)^L = Q^L$. Так как $[P]Q \subseteq L \subseteq A \cap K$, то подгруппа H перестановочна с $[P]Q$. По пункту 2 подгруппа H перестановочна с $([P]Q)^I$ для всех $I \in L$. По лемме 3 подгруппа H перестановочна с $([P]Q)^L = L$. Так как $A = LN$, то подгруппа H перестановочна с подгруппой A . Отсюда следует, что HN/N перестановочна с подгруппой A/N , т.е. HN/N – $S_{\langle p,q \rangle}$ -полунормальная подгруппа в G/N . Лемма доказана.

Д о к а з а т е л ь с т в о. Без ущерба для доказательства можно считать, что K – минимальное добавление. Если $H \cap K = 1$, то из равенства $|G| = |H||K|$ следует, что K – π' -холлова подгруппа в G . Поэтому будем считать, что $D = H \cap K \neq 1$. Зафиксируем простое число $p \in \pi(D) \subseteq \pi$. Если подгруппа K p -нильпотентна, то $G = HK_1$, где K_1 – π' -холлова подгруппа из K , противоречие с минимальностью K . Поэтому K не p -нильпотентна и по лемме 1 в ней

существует $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппа $S = [P]Q$ для некоторого простого q . По условию подгруппа H перестановочна с S . По утв. 2 леммы 5 подгруппа H перестановочна с S^g для любого $g \in G$. Тогда по лемме 4 $H \cap S^g$ – π' -холлова в S^g и так как S^g – группа Шмидта с нормальной силовой p -подгруппой P^g , $p \in \pi$, то $P^g \subseteq H \cap S^g$ и $N = P^G \subseteq H$. Теперь N – π -подгруппа группы G .

Рассмотрим фактор-группу G/N . Подгруппа H/N является π -холловой подгруппой и $G/N = (H/N)(KN/N)$. Из утв. 5 леммы 5 следует, что подгруппа H/N перестановочна со всеми $S_{\langle p,q \rangle}$ -подгруппами из KN/N для каждого $p \in \pi$. Поэтому к фактор-группе G/N применима индукция. По индукции в G/N существует π' -холлова подгруппа B/N . Так как $(|N|, |B/N|) = 1$, то по теореме Шура–Цассенхауза ([1], теорема 4.32) в подгруппе B имеется π' -холлова подгруппа B_1 . По лемме об индексах

$$|G : B_1| = |G : B| |B : B_1|,$$

поэтому $|G : B_1|$ – π -число. Следовательно, B_1 – π' -холлова подгруппа группы G . Теорема доказана.

Подгруппа A называется *полунормальной* в группе G , если существует подгруппа B такая, что $G = AB$ и AB_1 – собственная в G подгруппа для каждой собственной подгруппы B_1 из B . Очевидно, что подгруппа простого индекса всегда полунормальна. Квазинормальная подгруппа (т.е. подгруппа, перестановочная со всеми подгруппами группы) будет полунормальной. В простой группе $PSL(2,5)$ подгруппа A , изоморфная знакопеременной группе степени 4, является полунормальной подгруппой Шмидта, но A не квазинормальна и не субнормальна.

Ясно, что если подгруппа H является π -холловой полунормальной подгруппой, то выполняются требования теоремы. Поэтому из теоремы вытекает следующее утверждение, которое доказано в [4].

Следствие. Пусть A – полунормальная холлова π -подгруппа группы G . Тогда в группе G существует π' -холлова подгруппа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Монахов, В.С.** Введение в теорию конечных групп и их классов / В.С. Монахов. – Минск: Вышэйшая школа, 2006.
2. **Шмидт, О.Ю.** Группы, все подгруппы которых специальные / О.Ю. Шмидт // Математический сборник, 1924. – Т. 31. – С. 366–372.
3. **Монахов, В.С.** Подгруппы Шмидта, их существование и некоторые приложения / В.С. Монахов // Труды Укр. матем. конгресса. – Киев: Институт математики, 2002. – С. 81–90.
4. **Foguel, T.** On seminormal subgroups / T. Foguel // Journal of Algebra. – 1994. – № 165. – Р. 633–635.
5. **Княгина, В.Н.** О конечных группах с некоторыми субнормальными подгруппами Шмидта / В.Н. Княгина, В.С. Монахов // Сибирский матем. журнал. – 2004. – Т. 45, № 6. – С. 1316–1322.
6. **Княгина, В.Н.** Конечные группы с полунормальными подгруппами Шмидта / В.Н. Княгина, В.С. Монахов // Алгебра и логика. – 2007. – Т. 46, № 4. – С. 448–458.

S U M M A R Y

The existence of π' -Hall subgroup in finite group provided that its π -Hall subgroup permutable with some Schmidt's subgroups is proved.

Поступила в редакцию 26.08.2008

Классы Фиттинга, определяемые произведениями холловых подгрупп и радикалов

1. Постановка задачи. В теории конечных разрешимых групп многие задачи исследования структуры классов групп и канонических подгрупп связаны с применением операторов “ $*$ ” и “ $_*$ ”, которые были определены Локеттом [1]. Напомним, что для любого класса Фиттинга F класс F^* определяется как наименьший из классов Фиттинга, содержащий F , такой, что для всех групп G и H справедливо равенство $(G \times H)_{F^*} = G_{F^*} \times H_{F^*}$ и F_* – пересечение всех таких классов Фиттинга X , для которых $X^* = F^*$. Класс Фиттинга F называют классом Локетта, если $F = F^*$.

Исследуя общую структуру классов Фиттинга, Брайс и Косси [2] предложили понятие Локетта пары классов Фиттинга. Если F и H классы Фиттинга, то пару (F, H) , следуя 5.2 [2], назовем Локетта парой или L -парой, если $F^* \cap H_* = (F \cap H)_*$. Заметим, что если $F \subseteq H$ и (F, H) является L -парой, то класс Фиттинга F удовлетворяет обобщенной гипотезе Локетта (гипотезе Локетта в H), которая была сформулирована Дерком и Хоуксом в X.1.19 [3]. В частности, в универсуме S пара (F, S) является Локетта парой в точности тогда, когда для класса Фиттинга F справедлива гипотеза Локетта, то есть определяется как пересечение $F^* \cap S_*$, где S_* – минимальный нормальный класс Фиттинга.

Поиск общих закономерностей в этом направлении исследований приводит к следующей проблеме.

Проблема. *Каковы классы Фиттинга F и H , для которых пара (F, H) является L -парой?*

До настоящего времени указанная проблема решена лишь для некоторых значений классов Фиттинга F и H : Брайсом, Косси [2] для случая, когда F и H локальные наследственные классы, Н.Т. Воробьевым [4] для случая, когда F – разрешимый локальный класс Фиттинга и H – F -инъекторно замкнутый класс Фиттинга; Галледжи [5] для случая, когда F локален и H – класс Фиттинга, замкнутый относительно произведений вида PN , где P – силовская подгруппа группы G и N – нормальная подгруппа группы G , Бризоном [6] для $F = S_\pi$ и $H \supseteq S_\pi$ (S_π – класс всех конечных разрешимых π -групп).

В настоящей работе выявлены новые общие закономерности построения Локетта пар. В частности, установлено, что пара (F, H) является L -парой в случае, когда F – ω -локальный класс Фиттинга, а H – класс Фиттинга, замкну-

тый относительно произведений холловых подгрупп группы на их радикалы.

С учетом известной теоремы С.А. Чунихина [7] о том, что холловы π -подгруппы существуют и сопряжены в любой конечной π -разрешимой группе, основной результат верен в классе S^π – всех конечных разрешимых групп, хотя результаты являются новыми и в классе S всех конечных разрешимых групп.

В терминологии и обозначениях мы следуем [3].

2. Предварительные сведения. Класс групп F называется классом Фиттинга [3], если F замкнут относительно взятия нормальных подгрупп и произведения нормальных F -подгрупп. Если F – непустой класс Фиттинга, подгруппа G_F группы G называется F -радикалом группы G [3], если она является наибольшей из нормальных подгрупп G , принадлежащих F . Произведением классов Фиттинга [3] F и H называют класс всех тех групп G , факторгруппы по F -радикалу которых являются H -подгруппами. Хорошо известно, что произведение двух классов Фиттинга снова является классом Фиттинга и операция умножения классов Фиттинга ассоциативна (см, например IX.1.12, [3]).

Приведем в качестве следующей леммы известные свойства операторов Локетта “ $*$ ” и “ $_*$ ”, которые мы будем использовать

Лемма 2.1 [1]. Для любого непустого класса Фиттинга F справедливы следующие соотношения: $F_* = (F_*)_* = (F^*)_* \subseteq F \subseteq F^* = (F_*)^* = (F^*)^* \subseteq FA$, где A – класс всех абелевых групп.

Напомним, что если G и H – некоторые группы, то через $Snemb(S \rightarrow G)$ обозначают множество всех субнормальных вложений G в H (мономорфизм $\alpha: G \rightarrow H$ такой, что $G\alpha$ субнормальна в G , называют субнормальным вложением G в H).

Мы будем использовать также подгруппу $N(G)$, которая была определена в работе [7]. Напомним, что если G – некоторая группа, то подгруппа $N(G)$ определяется следующим образом:

$$N(G) = \langle x^{-1}x^\alpha : x \in S \triangleleft G, \alpha \in Snemb(S \rightarrow G) \rangle.$$

Приведем теперь в качестве лемм необходимые в дальнейшем свойства подгруппы $N(G)$.

Лемма 2.2 (3.1 [5]). Для любой группы G справедливы следующие утверждения:

- 1) $G' \subseteq [G, AutG] \subseteq N(G)$;
- 2) если X – непустой класс Фиттинга и $G \in X$, то $N(G) \subseteq G_{X*}$.

Лемма 2.3 (4.1 [5]). Пусть F , H и Y – классы Фиттинга, тогда следующие утверждения эквивалентны:

- 1) $F_* \cap H \subseteq Y$;
- 2) $N(G) \cap G_H \subseteq G_Y$ для всех $G \in F$.

Лемма 2.4 (3.5 [5]). Пусть X – класс Фиттинга. Группа $G \in X_*$ тогда и только тогда, когда существует группа $H \in X$ и $\alpha \in Snemb(G \rightarrow H)$ такое, что $G^\alpha \subseteq N(H)$.

Пусть π – некоторое множество простых чисел. Напомним, что подгруппа H группы G называется холловой π -подгруппой, если порядок H является π -числом, а индекс H в G – π' -число.

Обозначим, через $Hall_{\pi}(G)$ – множество всех холловых π -подгрупп группы G . Мы будем использовать следующие известные свойства холловых π -подгрупп.

Лемма 2.5 (I.3.2 [3]). Пусть $G_{\pi} \in Hall_{\pi}(G)$, M и N – нормальная подгруппа группы G . Тогда справедливы следующие утверждения:

- 1) $G_{\pi} \cap N \in Hall_{\pi}(N)$;
- 2) $G_{\pi} \cap MN = (G_{\pi} \cap M)(G_{\pi} \cap N) \in Hall_{\pi}(MN)$;
- 3) $G_{\pi}N/N \in Hall_{\pi}(G/N)$.

Напомним хорошо известное тождество Дедекинда, которое представляет

Лемма 2.6 (A.1.3 [3]). Пусть U , V и W – подгруппы группы G , причем $V \subseteq U$, тогда $U \cap VW = V(U \cap W)$.

Если M – подгруппа группы G , то фокальной подгруппой M в G называется подгруппа, которая обозначается как $F_G(M)$ и определяется следующим образом: $F_G(M) = \langle [m, g] : m \in M, g \in G, [m, g] \in M \rangle$. Мы также будем использовать известную теорему о фокальной подгруппе, которую представляет следующая

Лемма 2.7 (A.17.5 [3], см. также 21.3 [8]). Пусть H – холлова подгруппа группы G , тогда $G' \cap H = F_G(H)$.

Напомним, что отображение $f : P \Rightarrow \{\text{классы Фиттинга}\}$ называют функцией Хартли или Н-функцией [9]. Пусть $LR(f) = S_{\pi} \cap \left(\bigcap_{p \in \pi} f(p)N_p S_{p'} \right)$.

Тогда класс Фиттинга F называют локальным [9], если $F = LR(f)$ для некоторой Н-функции f . При этом $\pi = Supp(f)$ – носитель Н-функции f и $\pi = \{p \in P : f(p) \neq \emptyset\}$

Н-Функцию класса Фиттинга F называют [4]:

- 1) приведенной, если $f(p) \subseteq F$ для всех $p \in P$;
- 2) полной, если $f(p)N_p = f(p)$ для каждого $p \in P$;
- 3) полной приведенной, если f является одновременно приведенной и полной.

Все рассматриваемые нами группы конечны и разрешимы. В терминологии и обозначениях мы следуем монографии Дерка, Хоукса [3].

3. π -НР-замкнутые классы Фиттинга. Приведем необходимые нам в дальнейшем свойства подгруппы $N(G)$, определяемые посредством холловых π -подгрупп, доказательство которых осуществляется аналогично доказательству Галледжи [5] с учетом лемм 2.5–2.7.

Лемма 3.1. Если $G_{\pi} \in Hall_{\pi}(G)$ и $\emptyset \neq \pi \subseteq P$, то

$$G_{\pi} \cap N(G) = \langle x^{-1}x^{\alpha} : x \in S \triangleleft G, \alpha \in S\text{memb}(S \rightarrow G) \text{ и } x, x^{\alpha} \in G_{\pi} \rangle.$$

Лемма 3.2. Пусть $G_{\pi} \in Hall_{\pi}(G)$, где $\emptyset \neq \pi \subseteq P$ и X – класс Фиттинга. Тогда $G_{\pi} \cap N(G) \subseteq N(G_{\pi}G_X)$.

Определение 3.3. Пусть π – некоторое непустое множество простых чисел. Подгруппу T группы G назовем π -HR-подгруппой, если T является произведением холловой π -подгруппы G_π и X -радикала группы G , для некоторого непустого класса Фиттинга X .

Определение 3.4. Класс Фиттинга F назовем π -HR-наследственным, если он замкнут относительно π -HR-подгрупп. Если F является π -HR-наследственным для любого непустого множества π , то F назовем HR-наследственным.

Приведем примеры HR-наследственных классов:

Пример 3.5.

1) Пусть F – наследственный класс Фиттинга. Тогда F – HR-наследственный класс Фиттинга для любого непустого класса Фиттинга X .

2) Пусть класс Фиттинга F замкнут относительно холловых подгрупп. Тогда F – π -HR-наследственный класс Фиттинга, для класса Фиттинга $X = (1)$.

3) Пусть S_* – минимальный нормальный класс Фиттинга. Ввиду результата Брайса и Косси [2] S_* – замкнут относительно холловых подгрупп. Значит, S_* – HR-наследственный класс Фиттинга, для класса Фиттинга $X = (1)$.

4) Пусть F – класс Фиттинга такой, что если $G \in F$, то $G_\pi N \in F$, где $N \triangleleft G$, а G_π – холлова π -подгруппа группы G , тогда F – π -HR-наследственный класс Фиттинга для любого непустого класса Фиттинга X .

Заметим, что если F – HR-наследственный класс Фиттинга, то и F^* – HR-наследственный класс Фиттинга, это подтверждает следующая

Теорема 3.6. Пусть F – π -HR-наследственный класс Фиттинга для некоторого непустого класса Фиттинга X . Тогда F_* – π -HR-наследственный класс Фиттинга.

Доказательство. Пусть $G_1 \in F$ и пусть $(G_1)_\pi$ – холловская π -подгруппа группы G_1 . По лемме 2.4 существует группа $G_2 \in F$ и отображение $\alpha \in \text{Semb}(G_1 \rightarrow G_2)$ такое, что $G_1^\alpha \subseteq N(G_2)$. Пусть $(G_2)_\pi$ – холловская π -подгруппа группы G_2 такая, что $(G_1)_\pi^\alpha \subseteq (G_2)_\pi$. Из леммы 2.2 следует, что $(G_1)_\pi^\alpha \subseteq (G_2)_\pi \cap N(G_2) \subseteq N((G_2)_\pi (G_2)_X)$. По условию $(G_2)_\pi (G_2)_X \in F$ и тогда по лемме 2.2 $N((G_2)_\pi (G_2)_X) \subseteq ((G_2)_\pi (G_2)_X)_{F_*}$. Значит, $(G_1)_\pi^\alpha \subseteq ((G_2)_\pi (G_2)_X)_{F_*}$. С другой стороны, $((G_2)_\pi (G_2)_X)^\alpha = (G_1)_\pi^\alpha (G_1)_X^\alpha$ и $(G_1)_\pi^\alpha (G_1)_X^\alpha = G_1 \cap (G_1)_\pi^\alpha (G_2)_X$. Заметим, что $G_1^\alpha \cap (G_1)_\pi^\alpha (G_1)_X$ субнормальна в $(G_2)_\pi (G_2)_X$. Следовательно, $((G_1)_\pi (G_1)_X)_{F_*}^\alpha = ((G_1)_\pi (G_1)_X)^\alpha \cap ((G_2)_\pi (G_2)_X)_{F_*} \subseteq (G_1)_\pi^\alpha$. Так как $G_1 \in F_*$, то $(G_1)_X^\alpha \subseteq ((G_1)_\pi (G_1)_X)_{F_*}^\alpha$. Получаем $(G_1)_\pi (G_1)_X \cong ((G_1)_\pi (G_1)_X)^\alpha \in F_*$. Теорема доказана.

Следствие 3.7. Класс Фиттинга S_* является HR-наследственным для любого класса Фиттинга X .

Доказательство. Пусть π – некоторое непустое множество простых чисел и $F = S$. Так как S – наследственный класс Фиттинга, значит

F – π -HR-наследственный класс Фиттинга для любого непустого множества $\pi \subseteq P$ и любого класса Фиттинга X . По теореме 3.6 $F_* = S_*$ также π -HR-наследственный класс Фиттинга для любого непустого класса Фиттинга X .

Следствие 3.8 [2]. *Класс Фиттинга S_* замкнут относительно холловых π -подгрупп.*

Доказательство. Пусть $F = S_*$. Тогда F – класс Фиттинга замкнутый относительно холловых подгрупп, то есть F – π -HR-наследственный класс Фиттинга для $X = (1)$. Следовательно, по теореме 3.6 $F_* = S_*$ – замкнут относительно холловых подгрупп.

4. HR-классы и гипотеза Локетта. Напомним, что класс Фиттинга F удовлетворяет гипотезе Локетта, в классе S всех конечных разрешимых групп, если $F_* = F^* \cap S_*$. Дерком и Хоуксом (см. X.1.19 [3]) была предложена задача описания классов Фиттинга, удовлетворяющих гипотезе Локетта в произвольном классе Фиттинга H , которую представляет

L-гипотеза. *Пусть F и H – классы Фиттинга, причем $F \subseteq H$. Каковы классы Фиттинга F и H , для которых $F_* = F^* \cap H_*$.*

Следуя Брайсу и Косси [2], мы будем рассматривать общий вариант этой гипотезы.

Определение 4.1. *Пусть F , H – классы Фиттинга. Пару (F, H) назовем парой Локетта или L-парой, если $(F \cap H)_* = F^* \cap H_*$.*

Заметим, что если $F \subseteq H$ и (F, H) – L-пара, то F удовлетворяет L_H -гипотезе.

В частности, если (F, H) является L-парой, то класс Фиттинга F удовлетворяет гипотезе, предложенной Локеттом [1].

Следуя Галледжи [5], определим класс Фиттинга F со следующими свойствами.

Определение 4.2. *Пусть π – непустое множество простых чисел и F – класс Фиттинга. Тогда:*

(а) F обладает свойством (g_π) , если существует класс Фиттинга X такой, что $XS_\pi \subseteq F \subseteq XS_\pi S_{\pi'}$;

(б) F обладает свойством (g_Π) , если F обладает свойством (g_π) для любого $\pi \subseteq \text{Char}(F)$.

Напомним, понятие ω -локального класса Фиттинга, которое было предложено Л.А. Шеметковым и А.Н. Скибой [10].

Всякую функцию вида $f: \omega \cup \{\omega'\} \Rightarrow \{\text{классы Фиттинга}\}$, где $\omega \subseteq P$, называют ω -локальной функцией Хартли или ω -локальной H-функцией. Для всякой ω -локальной H-функции f полагаем $\text{Supp}(f) = \{a \in \omega \cup \omega' \mid f(a) \neq \emptyset\}$.

Пусть f – произвольная ω -локальная H-функция, $\pi_1 = \text{Supp}(f) \cap \omega$ и $\pi_2 = \omega \setminus \pi_1$. Тогда класс Фиттинга F называют ω -локальным, если

$$F = \left(\bigcap_{p \in \pi_2} S_{p'} \right) \cap \left(\bigcap_{p \in \pi_1} f(p) N_p S_{p'} \right) \cap f(\omega') S_{\text{od}}.$$

Обширность семейства классов со свойствами (g_π) и (g_Π) подтверждает

Пример 4.3. Пусть F – ω -локальный класс Фиттинга с $\text{Char}(F) \subseteq \omega$. Тогда ввиду результата [12] F обладает наибольшей приведенной H -функцией F такой, что $F(p) = F(p)N_p \subseteq F \subseteq F(p)N_p S_{p'}$ для всех $p \in \text{Char}(F)$. Следовательно, F является классом Фиттинга со свойством (g_Π) . В частности, любой локальный класс Фиттинга F обладает свойством (g_Π) .

Докажем основной результат работы – теорему, определяющую условия, при которых пары классов Фиттинга являются L -парами.

Теорема 4.4. Пусть F – класс Фиттинга и H – HR -наследственный класс Фиттинга. Тогда справедливы следующие утверждения:

1) если F обладает свойством (g_π) , то $F \cap H_* \subseteq (F \cap H)_* S_{\pi'}$;

2) если F обладает свойством (g_Π) , то пара (F, H) является L -парой.

Доказательство. Пусть π – некоторое множество простых чисел. Покажем вначале, что $N(G) \cap G_F \in (F \cap H)_* S_{\pi'}$ для всех групп $G \in F$. Пусть $G \in F$ и $G_\pi \in \text{Hall}_\pi(G)$. По условию F обладает свойством (g_π) и поэтому $XS_\pi \subseteq F \subseteq XS_\pi S_{\pi'}$ для некоторого класса Фиттинга X . Так как $(G_\pi G_X)_X = G_\pi G_X \cap G_X$, то $G_\pi G_X / (G_\pi G_X)_X = G_\pi G_X / G_\pi G_X \cap G_X = G_\pi G_X / G_X$. По утверждению 3 леммы 2.5 $G_\pi G_X / G_X \in S_\pi$. Значит, $G_\pi G_X / (G_\pi G_X)_X \in S_\pi$ и по определению произведения классов Фиттинга $G_\pi G_X \in XS_\pi$. Заметим, что $G_\pi G_X \in F$ и $G_F \in XS_\pi S_{\pi'}$, откуда

$$(G_\pi G_X)_F = (G_\pi \cap G_F)(G_F)_X = (G_F)_{S_\pi} (G_F)_X \subseteq (G_F)_{XS_\pi}.$$

Так как H – HR -наследственный класс Фиттинга, то $G_\pi G_X \in H$ и тогда $G_\pi G_X \in F \cap H$. По лемме 3.2 $G_\pi \cap N(G) \cap G_F \subseteq N(G_\pi G_X) \cap G_F$. Следовательно, по утверждению 2 леммы 2.2 $N(G_\pi G_X) \cap G_F \subseteq (G_\pi G_X \cap G_F)_{(F \cap H)_*}$. Получим $G_\pi \cap N(G) \cap G_F \subseteq G_{(F \cap H)_*}$. Следовательно, $G_\pi \cap N(G) \cap G_F \subseteq (N(G) \cap G_F)_{(F \cap H)_*}$. Это означает, что $G_\pi \cap N(G) \cap G_F$ содержится в $(F \cap H)_*$ -радикале группы $N(G) \cap G_F$. Отсюда вытекает, что $N(G) \cap G_F \in (F \cap H)_* S_{\pi'}$. Тогда по лемме 2.3 справедливо включение $F \cap H_* \subseteq (F \cap H)_* S_{\pi'}$.

Докажем второе утверждение. Ввиду утверждения 1) покажем, что если $F \cap H_* \subseteq (F \cap H)_* S_{\pi'}$ для любого $\pi \subseteq \text{Char}(F)$, то $F \cap H_* = (F \cap H)_*$. Ввиду леммы 2.1, справедливо включение $(F \cap H)_* \subseteq F \cap H_*$. Пусть $G \in F \cap H_*$ и G – группа минимального порядка из класса $(F \cap H_*) \setminus (F \cap H)_*$. Тогда G имеет единственную максимальную нормальную подгруппу $M = G_{(F \cap H)_*}$. Так как $G \in F \cap H_*$ и по лемме 2.1 $F \cap H_* \subseteq F \cap H$, то $G \in F \cap H$. Ввиду того, что $G \in F \cap H$, по лемме 2.1 $G/M \in A$. Так как M – максимальная нормальная подгруппа группы G , то G/M – композиционный фактор группы G порядка p . Следовательно, $G/M \in N_p$ и $G/M \cong Z_p$. Таким образом, $p \mid |G|$ и $G \in F \cap H_*$. Но по лемме 2.1 $F \cap H_* \subseteq F \cap H$. Следовательно, $Z_p \in F \cap H$ и поэтому $p \in \text{Char}(F \cap H)$. Отсюда следует, что существует π такое, что $p \in \pi \subseteq \text{Char}(F \cap H)$. Значит, $G/M \in S_\pi$.

С другой стороны, по условию для $\pi \subseteq \text{Char}(F \cap H)$ справедливо включение $F \cap H_* \subseteq (F \cap H)_* S_{\pi'}$. Значит, $G/M \in S_{\pi'}$. Следовательно, $G/M \in S_{\pi'} \cap S_{\pi} = (1)$ и $G = M \in F \cap H_*$. Полученное противоречие доказывает равенство $F \cap H_* = (F \cap H)_*$.

Для завершения доказательства второго утверждения теоремы достаточно показать, что F – класс Локетта. По условию F обладает свойством (g_{Π}) и поэтому $XS_{\pi} \subseteq F \subseteq XS_{\pi} S_{\pi'}$ для некоторого класса Фиттинга X и любого $\pi \subseteq \text{Char}(F)$. По лемме 2.1 $F^* \subseteq (XS_{\pi} S_{\pi'})^*$. Ввиду следствия 3 [4] $(XS_{\pi} S_{\pi'})^* = XS_{\pi} S_{\pi'}$ и поэтому $F^* \subseteq XS_{\pi} S_{\pi'}$. Тогда $F^* \subseteq FS_{\pi'}$ для любого $\pi \subseteq \text{Char}(F) = \text{Char}(F^*)$ (см. X.1.20 [3]). Теперь, следуя доказательству равенства $F \cap H_* = (F \cap H)_*$ по индукции заключаем, что $F = F^*$ и поэтому F является классом Локетта. Итак, пара классов Фиттинга (F, H) является L -парой. Теорема доказана.

Следующий пример показывает, что существуют классы Фиттинга, обладающие свойством (g_{Π}) , которые нелокальны.

Пример 4.5. Пусть $X = \text{Fit}A_5$ – класс Фиттинга, порожденный знакопеременной группой из пяти символов, $F = XN_p$ и $\omega = \{p\}$, где p – простое число. Покажем, что F обладает свойством (g_{Π}) и не является локальным.

Пусть $F(F^p) = \begin{cases} \text{Fit}(G^{N_p S_{p'}} : G \in F), & \text{если } p \in \pi(F) \\ \emptyset, & \text{если } p \notin \pi(F) \end{cases}$. Так как $F(F^p) \subseteq X$, и, следовательно, $F(F^p)N_p \subseteq X$, то по теореме 9 [10] F – ω -локальный класс Фиттинга для $\omega = \{p\}$ и F обладает свойством (g_{Π}) .

Покажем, что $\text{Char}(F) = \{p\}$, где p – некоторое простое число. Так как $N_p \subseteq XN_p$, то $\text{Char}(N_p) \subseteq \text{Char}(XN_p)$. Но $\text{Char}(N_p) = \{p\}$. Следовательно, $p \in \text{Char}(XN_p)$. Предположим, что $q \in \text{Char}(F)$ и $q \neq p$. Тогда $Z_q \in XN_p$. Следовательно, $Z_q / (Z_q)_X \in N_p$.

Тогда возможны два случая: $Z_q = (Z_q)_X$ и $(Z_q)_X = (1)$.

Если $Z_q = (Z_q)_X$, то $Z_q \in X$ и $q \in \text{Char}(X)$. Но $\text{Char}(X) = \emptyset$, так как согласно примеру II.2.13 [3] $X = \text{Fit}A_5 = \text{Form}A_5 = D_0(A_5)$. Значит, в данном случае $\text{Char}(F) = \{p\}$.

Пусть теперь $(Z_q)_X = (1)$. Тогда $Z_q \in N_p$ и $q \in \text{Char}(N_p)$. Следовательно, $q = p$ и $\text{Char}(F) = \{p\}$.

Докажем теперь, что F нелокален. Предположим, что $F = LR(f)$, где f – полная приведенная H -функция. Тогда по утверждению 4.9 (b) [5] $\text{Char}(F) = \pi(F)$. Так как в данном случае $\text{Char}(F) = \{p\}$, а $|\pi(F)| > 1$, то получаем противоречие с тем, что $\text{Char}(F) = \pi(F)$. Следовательно, F не является локальным классом Фиттинга.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. **Lockett, P.** Fitting class F^* / P. Lockett // Math. Z. – 1974. – Bd. 137, № 2. – S.131–136.
2. **Bryce, R.A.** A problem in theory of normal Fitting classes / R.A. Bryce, J. Cossey // Math. Z. – 1975. – Bd. 141, № 2. – S. 99–110.
3. **Doerk, K.** Finite solvable groups / K. Doerk, T. Hawkes. – Berlin: Walter de Gruyter, 1992. – 891 p.
4. **Воробьев, Н.Т.** О радикальных классах конечных групп с условием Локетта / Н.Т. Воробьев // Математические заметки. – 1988. – Т. 43, № 2. – С. 161–167.
5. **Gallego M.P.** Fitting pairs from direct limits and the lockett conjecture / M.P. Gallego // Comm. Algebra. – 1996. – 24(6). – P. 2011–2023.
6. **Brison, O.J.** Hall operators for Fitting classes / O.J. Brison // Arch. Math. – 1979. – Bd. 33. – S. 1–9.
7. **Чунихин, С.А.** Подгруппы конечных подгрупп / С.А. Чунихин. – Минск: Наука и техника, 1964. – 168 с.
8. **Белоногов, В.А.** Задачник по теории групп / В.А. Белоногов. – Москва: Наука, 2000.
9. **Воробьев, Н.Т.** О предположении Хоукса для радикальных классов / Н.Т. Воробьев // Сиб. матем. журнал. – 1996. – Т. 37, № 5. – С. 1296–1302.
10. **Шемяков, Л.А.** Кратно ω -локальные формации и классы Фиттинга конечных групп / Л.А. Шемяков, А.Н. Скиба // Математические труды. – 1999. – Т. 2, № 2. – С. 114–147.

S U M M A R Y

It is proved, that if F is a ω -local Fitting class and H is a HR-closed Fitting class, then pair (F, H) is a L-pair.

Поступила в редакцию 6.03.2008

Аппроксимативный метод в теории невозмущенного кеплеровского движения

В данной работе разработан аппроксимативный метод исследования дифференциального уравнения для радиальной составляющей невозмущенного кеплеровского движения, основанный на аппроксимации в равномерной метрике функций r^{-2} , r^{-3} , присутствующих в этом уравнении.

Как известно [1], дифференциальное уравнение для радиальной составляющей $r(t)$ невозмущенного кеплеровского движения имеет вид

$$\ddot{r} - r\dot{\varphi}^2 - r\dot{\lambda}^2 \cos^2 \varphi = -\frac{\mu}{r^2}, \quad (1)$$

где (r, λ, φ) – сферические координаты движущейся точки, μ – некоторая постоянная. Если воспользоваться законом сохранения площадей

$$\frac{d}{dt}(r^2 \dot{\lambda} \cos^2 \varphi) = 0 \quad (2)$$

и за плоскость вращения принять плоскость Oxy , то $\varphi = 0$, т.е. $\cos \varphi = 1$ и система уравнений (1)–(2) примет следующий вид

$$\begin{cases} \ddot{r} - r\dot{\lambda}^2 = -\frac{\mu}{r^2}, \\ r^2 \dot{\lambda} = q, \end{cases} \quad (3)$$

где $q = \text{const}$. Выражая $\dot{\lambda}$ из второго уравнения системы (3) и подставляя в первое уравнение, получаем

$$\ddot{r} - r\left(\frac{q}{r^2}\right)^2 = -\frac{\mu}{r^2} \quad (4)$$

и, таким образом, уравнение (4) приводится к виду

$$\ddot{r} = \frac{q^2}{r^3} - \frac{\mu}{r^2}. \quad (5)$$

Классический метод исследования [2] уравнения (5) состоит в получении зависимости $t = t(r)$ и последующего изучения свойств этой зависимости. Функцию $r = r(t)$ получают приближенно, используя приближенное решение уравнения Кеплера, выражающего соотношение между временем t и эксцентрической аномалией $E = E(t)$ [3]:

$$E(t) = \frac{180^0}{\pi} e \sin E(t) + 360^0 \cdot \frac{t-t_0}{T}, \quad (6)$$

где e – эксцентриситет эллиптической орбиты, T – период обращения по орбите.

В данной статье предлагается метод получения зависимости $r = r(t)$, основанный на аппроксимации функций r^{-2} , r^{-3} в равномерной метрике на отрезке $r \in [r_1, r_2]$. Для этого прежде всего получим соответствующие выражения для многочленов наилучшего приближения.

Лемма 1. Многочленом наилучшего приближения первой степени в равномерной (чебышевской) метрике для функции $g(r) = r^{-2}$, определенной на отрезке $[r_1, r_2]$ ($0 < r_1 < r_2$), является многочлен

$$P_1(r) = -\frac{r_1+r_2}{(r_1r_2)^2} \cdot r + \frac{r_1^2+r_1r_2+r_2^2}{2(r_1r_2)^2} + \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3}(r_1+r_2)^{2/3}}{(r_1r_2)^{4/3}}. \quad (7)$$

Д о к а з а т е л ь с т в о. Воспользуемся алгоритмом, приведенным в монографии [4]. Для этого рассмотрим систему уравнений

$$\begin{cases} d + a_0 + a_1r_3 = r_3^{-2}, \\ d + a_0 + a_1r_4 = r_4^{-2}, \\ d + a_0 + a_1r_5 = r_5^{-2}, \end{cases} \quad r_1 \leq r_3 < r_4 < r_5 \leq r_2. \quad (8)$$

Считая d , a_0 и a_1 неизвестными, выразим d (а это после максимизации по переменным r_3, r_4, r_5 будет величина максимального уклонения, т.е.

$$d = \max_{r \in [r_1, r_2]} \left| \frac{1}{r^2} - a_0 - a_1r \right|$$

через r_3, r_4, r_5 :

$$d = \frac{r_5 - r_4}{2r_3^2(r_5 - r_3)} - \frac{1}{2r_4^2} + \frac{r_4 - r_3}{2r_5^2(r_5 - r_3)}. \quad (9)$$

Далее найдем частную производную

$$\frac{\partial d}{\partial r_3} = -\frac{r_5 - r_4}{2(r_3r_5)^2} \left(1 + \frac{2r_5}{r_3} \right) < 0. \quad (10)$$

Неравенство (10) означает, что максимальное значение d по переменной r_3 при фиксированных r_4 и r_5 достигается при $r_3 = r_1$. Аналогично, максимальное значение d по переменной r_5 достигается при $r_5 = r_2$.

Подставим в правую часть равенства (9) $r_3 = r_1$, $r_5 = r_2$ и найдем производную по переменной r_4 :

$$\frac{\partial d}{\partial r_4} = \frac{1}{2(r_1r_2r_4)^2} \left[\frac{2(r_1r_2)^2}{r_4} - (r_1 + r_2)r_4^2 \right]. \quad (11)$$

Приравнявая правую часть равенства (11) к нулю, получаем, что

$$r_4 = \left(\frac{2(r_1 r_2)^2}{r_1 + r_2} \right)^{1/3}. \quad (12)$$

В этой точке правая часть равенства (11) меняет знак с «+» на «-», т.е. величина d достигает на множестве $r_1 \leq r_3 < r_4 < r_5 \leq r_2$ своего абсолютного максимума.

Подставляя найденное значение r_4 в выражение (9), получаем

$$\begin{aligned} d_{\max} &= \frac{r_2 - r_4}{2r_1^2(r_2 - r_1)} + \frac{r_4 - r_1}{2r_2^2(r_2 - r_1)} - \frac{1}{2r_4^2} = \\ &= \frac{r_2}{2r_1^2(r_2 - r_1)} - \frac{r_1}{2r_2^2(r_2 - r_1)} + r_4 \left[\frac{1}{2r_2^2(r_2 - r_1)} - \frac{1}{2r_1^2(r_2 - r_1)} \right] - \frac{1}{2r_4^2} = \\ &= \frac{1}{2(r_2 - r_1)} \cdot \frac{(r_2 - r_1)(r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2)}{(r_1 r_2)^2} + \frac{2^{1/3}(r_1 r_2)^{2/3}}{(r_1 + r_2)^{1/3}} \cdot \frac{(r_1 - r_2)(r_1 + r_2)}{2(r_1 r_2)^2(r_2 - r_1)} - \\ &- \frac{1}{2} \cdot \frac{(r_1 + r_2)^{2/3}}{2^{2/3}(r_1 r_2)^{4/3}} = \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{2(r_1 r_2)^2} - \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{2(r_1 r_2)^{4/3}} - \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{4(r_1 r_2)^{4/3}} = \\ &= \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{2(r_1 r_2)^2} - \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{(r_1 r_2)^{4/3}}. \end{aligned} \quad (13)$$

Подставляя найденное значение $d_{\max}$ в систему (8), получаем

$$a_1 = \frac{1}{r_2 - r_1} \left(\frac{1}{r_2^2} - \frac{1}{r_1^2} \right) = \frac{1}{r_2 - r_1} \cdot \frac{(r_1 - r_2)(r_1 + r_2)}{(r_1 r_2)^2}; \quad (14)$$

$$\begin{aligned} a_0 &= \frac{1}{r_1^2} + \frac{r_1(r_1 + r_2)}{(r_1 r_2)^2} - \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{2(r_1 r_2)^2} + \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{(r_1 r_2)^{4/3}} = \\ &= \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{(r_1 r_2)^2} - \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{2(r_1 r_2)^2} + \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{(r_1 r_2)^{4/3}} = \\ &= \frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{2(r_1 r_2)^2} + \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3}(r_1 + r_2)^{2/3}}{(r_1 r_2)^{4/3}}. \end{aligned} \quad (15)$$

Лемма доказана.

Приведем выражения (13)–(15) к более удобному виду. Пусть

$$r_1 = a(1 - e), \quad r_2 = a(1 + e),$$

где $e \in (0, 1)$, тогда

$$d_{\max} = \frac{a^2 \left[(1 - e)^2 + 1 - e^2 + (1 + e)^2 \right]}{2a^4 (1 - e^2)^2} - \frac{3}{4} \cdot \frac{2^{1/3} a^{2/3} 2^{2/3}}{a^{8/3} (1 - e^2)^{4/3}} =$$

$$\begin{aligned}
&= \frac{1}{2a^2} \cdot \frac{3+e^2}{(1-e^2)^2} - \frac{3}{2} \cdot \frac{1}{a^2(1-e^2)^{4/3}} = \\
&= \frac{1}{2a^2} \cdot \frac{1}{(1-e^2)^{4/3}} \left[\frac{3+e^2}{(1-e^2)^{2/3}} - 3 \right]. \quad (16)
\end{aligned}$$

Далее

$$a_1 = -\frac{a(1-e+1+e)}{a^4(1-e^2)^2} = -\frac{2}{a^3(1-e^2)^2}; \quad (17)$$

$$a_0 = \frac{a^2(3+e^2)}{2a^4(1-e^2)^2} + \frac{3}{2} \cdot \frac{1}{a^2(1-e^2)^{4/3}} = \frac{1}{2a^2(1-e^2)^{4/3}} \left[\frac{3+e^2}{(1-e^2)^{2/3}} + 3 \right]. \quad (18)$$

Приведем следующий пример: если в выражении (16) положить

$$a = 149,59787 \cdot 10^6 \text{ км}, \quad e = 0,016709,$$

т.е. взять в качестве a одну астрономическую единицу и в качестве e — эксцентриситет эллиптической орбиты Земли, то

$$d_{\max} = 1,872392387 \cdot 10^{-20} \left(\frac{1}{\text{км}^2} \right).$$

Лемма 2. Многочленом наилучшего приближения первой степени в равномерной (чебышевской) метрике для функции $g(r) = r^{-3}$ на отрезке $[r_1, r_2]$ ($0 < r_1 < r_2$) является многочлен

$$\begin{aligned}
Q_1(r) = & -\frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{(r_1 r_2)^3} \cdot r + \frac{(r_1 + r_2)(r_1^2 + r_2^2)}{2(r_1 r_2)^3} + \\
& + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} (r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2)^{3/4}}{(r_1 r_2)^{9/4}}, \quad (19)
\end{aligned}$$

причем максимальное уклонение $d_{\max}$ имеет вид

$$d_{\max} = \frac{1}{2} \cdot \frac{(r_1 + r_2)(r_1^2 + r_2^2)}{(r_1 r_2)^3} - \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} (r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2)^{3/4}}{(r_1 r_2)^{9/4}}. \quad (20)$$

Доказательство проводится аналогично доказательству леммы 1.

Приведем правую часть равенства (19) к более удобному виду, считая, что $r_1 = a(1-e)$, $r_2 = a(1+e)$. Тогда

$$a_1 = -\frac{r_1^2 + r_1 r_2 + r_2^2}{(r_1 r_2)^3} = -\frac{3+e^2}{a^4(1-e^2)^3}; \quad (21)$$

$$a_0 = \frac{2a^3 \left[(1-e)^2 + (1+e)^2 \right]}{2a^6 (1-e^2)^3} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} a^{3/2} (3+e^2)^{3/4}}{a^{9/2} (1-e^2)^{9/4}} =$$

$$= \frac{1}{a^3} \cdot \frac{2(1+e^2)}{(1-e^2)^3} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} (3+e^2)^{3/4}}{a^3 (1-e^2)^{9/4}}. \quad (22)$$

Аналогично

$$d_{\max} = \frac{2}{a^3 (1-e^2)^{9/4}} \left[\frac{1+e^2}{(1-e^2)^{3/4}} - \frac{3^{1/4} (3+e^2)^{3/4}}{3} \right]. \quad (23)$$

Вернемся теперь к уравнению (5). В этом уравнении q – удвоенная секториальная скорость, т.е. $q^2 = pk^2(1+m) = a(1-e^2)k^2(1+m)$, где p – орбитальный параметр [4], который связан [5] с секториальной скоростью s равенством

$$p = \frac{c^2}{k^2(1+m)}, \quad (24)$$

$k^2 = 2,959122083 \cdot 10^{-4}$ – квадрат гауссовой гравитационной постоянной, m – масса тела (планеты или кометы) в долях солнечной массы, $\mu = k^2(1+m)$.

Тогда уравнение, аппроксимирующее уравнение (5), примет вид

$$\ddot{r} = - \frac{k^2(1+m)(1+e^2)}{a^3(1-e^2)^2} \cdot r + \frac{k^2(1+m)}{a^2} \times$$

$$\times \left[\frac{1+3e^2}{2(1-e^2)^2} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4}(3+e^2)^{3/4}}{(1-e^2)^{5/4}} - \frac{3}{2(1-e^2)^{4/3}} \right]. \quad (25)$$

Таким образом, уравнение (25) является линейным неоднородным дифференциальным уравнением второго порядка с постоянными коэффициентами

$$\ddot{r}(t) + \omega^2 r(t) = b, \quad (26)$$

в котором

$$\omega^2 = \frac{k^2(1+m)(1+e^2)}{a^3(1-e^2)^2},$$

$$b = \frac{k^2(1+m)}{a^2} \left[\frac{1+3e^2}{2(1-e^2)^2} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4}(3+e^2)^{3/4}}{(1-e^2)^{5/4}} - \frac{3}{2(1-e^2)^{4/3}} \right]. \quad (27)$$

Общее решение такого уравнения имеет вид

$$r(t) = c_1 \cos \omega t + c_2 \sin \omega t + \frac{b}{\omega^2}, \quad (28)$$

где c_1 и c_2 – постоянные, определяемые начальными или краевыми условиями.

Далее найдем решение следующей краевой задачи:

$$c_1 \cos \omega t_0 + c_2 \sin \omega t_0 = r(t_0) - \frac{b}{\omega^2}, \quad (29)$$

$$c_1 \cos \omega t_1 + c_2 \sin \omega t_1 = r(t_1) - \frac{b}{\omega^2}. \quad (30)$$

Применяя правило Крамера, получаем

$$c_1 = \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega t_1}{\sin \omega(t_1 - t_0)} - \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega t_0}{\sin \omega(t_1 - t_0)}; \quad (31)$$

$$c_2 = \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\cos \omega t_0}{\sin \omega(t_1 - t_0)} - \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\cos \omega t_1}{\sin \omega(t_1 - t_0)}. \quad (32)$$

Теперь из равенства (28) получим решение краевой задачи (29)–(30):

$$\begin{aligned} r(t) &= \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega t_1}{\sin \omega(t_1 - t_0)} \cdot \cos \omega t - \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega t_0}{\sin \omega(t_1 - t_0)} \cdot \cos \omega t + \\ &+ \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\cos \omega t_0}{\sin \omega(t_1 - t_0)} \cdot \sin \omega t - \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\cos \omega t_1}{\sin \omega(t_1 - t_0)} \cdot \sin \omega t + \frac{b}{\omega^2} = \\ &= \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega t_1 \cos \omega t - \cos \omega t_1 \sin \omega t}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\cos \omega t_0 \sin \omega t - \sin \omega t_0 \cos \omega t}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \\ &+ \frac{b}{\omega^2} = \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t_1 - t)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t - t_0)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \frac{b}{\omega^2}. \quad (33) \end{aligned}$$

Таким образом, основной результат статьи заключается в следующем.

Теорема. Пусть тело массы m , выраженной в долях солнечной массы, обращается вокруг Солнца по эллиптической орбите с большой полуосью a , тогда зависимость $r(t)$ расстояния тела до Солнца, полученная по результатам двух наблюдений $r(t_0)$ и $r(t_1)$, имеет вид:

$$r(t) = \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t_1 - t)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t - t_0)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \frac{b}{\omega^2}, \quad (34)$$

где

$$\frac{b}{\omega^2} = a \left[\frac{1 + 3e^2}{2(1 + e^2)} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} (3 + e^2)^{3/4} (1 - e^2)^{3/4}}{1 + e^2} - \frac{3(1 - e^2)^{2/3}}{2(1 + e^2)} \right],$$

e — эксцентриситет эллиптической орбиты,

$$\omega^2 = \frac{k^2 (1 + m)(1 + e^2)}{a^3 (1 - e^2)^2},$$

$$k^2 = 2,959122083 \cdot 10^{-4} (1 a.e.)^3 \text{ с} \cdot \text{м}^{-2}; \quad t - \text{время, выраженное в сутках.}$$

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дубошин, Г.** Небесная механика / Г. Дубошин. — М., 1975. — С. 429.

2. **Ландау, Л.Д.** Краткий курс теоретической физики / Л.Д. Ландау, Е.М. Лифшиц. – М., 1969. – Кн. 1. – С. 43.
3. **Монтенбрук, О.** Астрономия на персональном компьютере / О. Монтенбрук, Т. Пфлегер. – СПб., 2002. – С. 73.
4. **Трубников, Ю.** Экстремальные конструкции в негладком анализе и операторные уравнения с аккретивными нелинейностями / Ю. Трубников. – М., 2002. – С. 33.
5. **Дубяго, А.Д.** Определение орбит / А.Д. Дубяго. – М.–Л., 1949. – С. 36.

S U M M A R Y

The article deals with the representation of the solution of the problem of two celestial bodies.

Поступила в редакцию 26.03.2007

УДК 621.385.6:537.87

Ю.И. Бохан

Технологическое применение СВЧ полей для обработки материалов

Введение. Проблема взаимодействия излучений различной природы с веществом представляется одной из наиболее актуальных в физике и химии. Особенно это касается такого интересного раздела, как воздействие переменных полей на материалы, находящиеся в различных агрегатных состояниях вещества и претерпевающие различные превращения под воздействием лазерного, сверхвысокочастотного (СВЧ) излучений [1]. Подобный интерес обусловлен тем фактом, что под действием электромагнитных излучений (полей) ряд химических превращений протекает совершенно иначе, чем в обычных условиях. Это открывает широкие перспективы для использования концентрированных потоков энергии переменных электрических и магнитных полей для управления и стимулирования технологическими процессами обработки материалов. В работе рассмотрен ряд эффектов, возникающих в материалах под действием СВЧ полей различной интенсивности и частоты.

Тепловое воздействие. Изучение процесса нагрева СВЧ полями материалов необходимо предварить анализом количества поглощаемой энергии. Самое общее выражение для этого:

$$P = 0,556 \times 10^{-12} \times \omega \times \varepsilon \times \operatorname{tg} \delta \times E^2, \quad (1)$$

где ε – действительная часть диэлектрической проницаемости, $\operatorname{tg} \delta$ – тангенс угла потерь, E – напряженность переменного поля, ω – частота действующего поля.

Коэффициент затухания плоской волны в несовершенном диэлектрике

$$\alpha = \frac{\pi}{\lambda} \sqrt{\varepsilon \operatorname{tg} \delta}, \quad (2)$$

где λ – длина волны СВЧ поля, ε – действительная часть диэлектрической проницаемости, $\operatorname{tg} \delta$ – тангенс угла потерь. Тогда поток поглощаемой мощности на глубине z в диэлектрике будет:

$$P(z) = 2(1-R)\alpha P_0 \exp(-2\alpha z), \quad (3)$$

где R – коэффициент отражения СВЧ волны. К.п.д. резонаторной рабочей камеры

$$\eta = \frac{P_o}{P_0} = \frac{Q_0 - Q_d}{Q_0}, \quad (4)$$

где $Q_0 = 2K_t V / S \zeta$ – добротность пустого резонатора, K_t – коэффициент технологического качества камеры, V – объем, S – площадь внутренней поверхности, ζ – глубина скин-слоя, Q_d – добротность заполненного резонатора. При

этом для оценки Q_d следует брать $K_t = 0,4 \div 0,5$ и добротность незаполненной камеры $\approx 10^4$. Тогда для достижения к.п.д. камеры 90% необходимо иметь $Q_d = 1,1 \times 10^3$ (рис. 1).

При спекании керамических материалов в рабочей камере развиваются большие ($\sim 1300\text{--}1700^\circ\text{C}$) температуры. Поэтому энергетический баланс СВЧ обработки можно записать в следующем виде:

$$P_1 = P_2 + P_3, \quad (5)$$

где P_1 – мощность, поглощенная телом, $P_2 = mc_p \frac{dT}{dt}$ – мощность

Рис. 1. Общий вид СВЧ резонатора с блоками регулировки мощности и измерения температуры.

нагрева тела, $P_3 = \sigma ST^4$ – мощность радиационного излучения, m, c_p, S, T – масса, усредненная удельная теплоемкость, площадь излучающей поверхности и температура нагреваемого тела, σ – постоянная Стефана–Больцмана. Поглощенная мощность может быть представлена в виде двух слагаемых:

$$P_1 = \eta P_{rf} + P_{refl}, \quad (6)$$

где P_{rf} – СВЧ мощность генератора, η – коэффициент передачи СВЧ мощности рабочему телу, $P_{refl} = \gamma_{eff} P_3 = \gamma_{eff} \sigma ST^4$ – мощность, отраженная от стенок резонатора и поглощенная телом. Тогда из общего баланса мощности (5) получим уравнение, описывающее зависимость температуры нагреваемого тела от времени:

$$mc_p \frac{dT}{dt} = \eta P_{rf} - (1 - \gamma_{eff}) \sigma ST^4. \quad (7)$$

Полагая P_{rf}, c_p, η постоянными, запишем решение (7):

$$t = \frac{mc_p}{(1 - \gamma_{eff}) \sigma S} \times \frac{F(T) - F(T_0)}{2T_{\max}^3}. \quad (8)$$

$$F(T) = \left\{ \operatorname{arctg} \frac{T}{T_{\max}} + \frac{1}{2} \ln \left| \frac{T + T_{\max}}{T - T_{\max}} \right| \right\},$$

где T_0 – начальная температура. Характерной особенностью решения (8) является наличие предельной температуры $T_{\max}$, которая определяется выражением

$$T_{\max} = \sqrt[4]{\frac{\eta P_{rf}}{(1 - \gamma_{eff}) \sigma S}}. \quad (9)$$

При температуре $T_{\max}$ вся мощность P_{rf} уходит на нагрев стенок резонатора. Предельная температура определяется формой и размерами нагреваемо-

го тела. Для достижения максимальной величины $T_{\max}$ при заданных P_{rf} и η необходимо минимизировать $A = (1 - \gamma_{eff})S$. На начальной стадии нагрева температурная зависимость (8) практически линейна и пропорциональна массе и удельной теплоемкости тела.

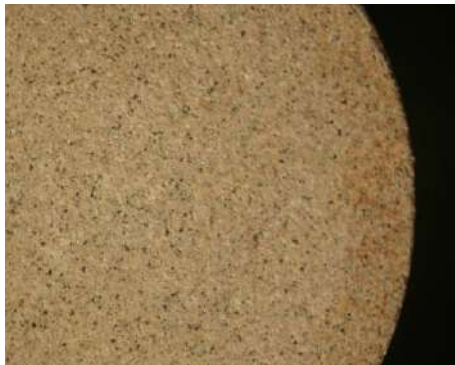

Рис. 2. Структура керамики на основе оксида алюминия, полученная обжигом в СВЧ поле в течение 20 мин.

Таким образом, при расчете процесса нагрева материала СВЧ полем необходимо учитывать не только электрические параметры падающего излучения, но и тепловые условия. На начальной стадии нагрева требуется учет кондуктивного переноса тепла за счет теплопроводности. В целом задача становится существенно сложнее и требует машинных расчетов [1–5]. Экспериментально при обжиге керамических материалов образуется мелкозернистая структура (рис. 2), которая подтверждает вывод о том, что одновременный нагрев материала по всему объему приводит к качественно другой структуре материала [6].

Пондеромоторное воздействие. Пондеромоторное (нетепловое) воздействие [6] связано с тем, что вблизи частиц, составляющих вещество при данной температуре, происходит существенное изменение конфигурации поля вблизи частицы. На рис. 3 представлен вид эквипотенциальных кривых в зависимости от диэлектрических проницаемостей частицы и окружающего вещества [7].

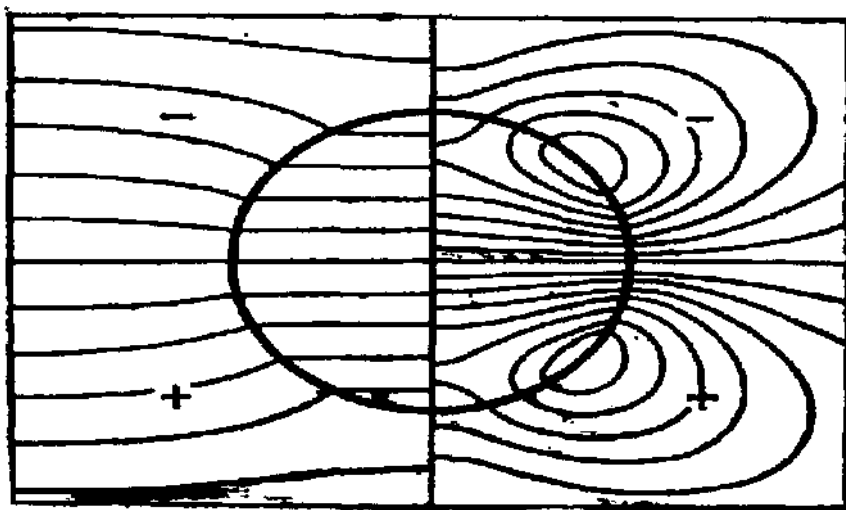

Рис. 3. Распределение эквипотенциальных поверхностей вблизи частицы сферической формы в случае, когда диэлектрическая проницаемость среды больше, чем частицы (в левой части рисунка линейный случай).

Особенностью нетеплового воздействия концентрированных высокочастотных полей является использование частотной зависимости (дисперсии) электрических свойств веществ [8]. Так, коэффициент поглощения высокочастотного поля водой имеет максимум в районе 20–100 МГц, что позволяет

селективно обезвоживать продукты. При использовании наведенного высокочастотным полем электрострикционного момента возможно создание больших механических напряжений в замороженной воде за счет пондеромоторных сил. Такой эффект используется при холодной дефростации замороженной рыбы, птицы, овощей и фруктов. Самым известным способом обработки пищевых веществ является сушка. В отличие от традиционной конвективной, сушка в переменных полях обладает рядом особенностей и преимуществ. Так, при высокочастотной сушке за счет нагрева всего объема образца развиваются повышенные давления внутри образца. Поэтому, как правило, высокочастотную сушку применяют вместе с конвекционной (обдув воздушными потоками), что приводит к увеличению съема влаги с поверхности и сохранению качества продукта. Использование высокочастотных полей различной частоты позволяет проводить сушку селективно, т.е. удалять последовательно свободную и связанную влагу. В свою очередь такое воздействие приводит к увеличению удельного содержания питательных веществ и значительному сокращению времени сушки. Процесс сушки во многом определяется зависимостью фактора потерь $\varepsilon \tan \delta$ от частоты для различных материалов. При этом, в зависимости от содержания влаги в веществе, в диапазоне СВЧ, факторы потерь значительно различаются (рис. 4).

Рис. 4. Зависимость действительной и мнимой частей пищевых продуктов от содержания связанной воды на частоте 2,8 ГГц.

Интересным методом обработки является использование переменных полей при производстве колбас, консервированного мяса. При этом основным методом служит интенсификация варки мясных продуктов и полуфабрикатов во всем объеме готового изделия. Разработанные установки и способы позволяют сократить время варки в 3–5 раз, удельный расход энергии в 2–3,5 раза при сохранении качества продукта. Следует отметить, что исполь-

зование высокочастотных полей позволяет провести варку и обработку мясных продуктов с сохранением органолептических свойств продукта.

В настоящее время значительное развитие получили методы электроплазмолиза при получении соков [8]. В отличие от термоплазмолиза, электроплазмолиз не приводит к разрушению клеточных стенок и поэтому не приводит к переходу пектиновых веществ в сок. Так, для свекловичной ткани коэффициент диффузии сахара при электроплазмолизе в 2 раза выше, чем при термоплазмолизе.

Свойство переменных полей высокой концентрации наводить дипольный момент на частицы вещества, особенно на твердые фракции в неоднородных продуктах, позволяет использовать высокочастотные поля для электрофлотации и копчения пищевых продуктов [8–9]. Особенностью метода является селективное воздействие электромагнитного поля на частицы. Так, при электрокопчении поляризующиеся твердые фракции дыма оседают на поверхность продукта, приводя к нейтрализации зарядов. Это означает, что наряду с дипольным моментом, наведенным в твердых частицах дыма, поверхность продукта также заряжается. Это, в свою очередь, приводит к направленному потоку копильных компонент дыма к соответствующим местам на поверхности продукта, приводящим к улучшению питательных свойств продукта. При электрофлотации происходит образование кислорода и водорода на поверхности частиц. Пузырьки газов увлекают частицы и происходит селективное разделение фракций. Следует отметить, что, подбирая параметры электромагнитного поля, удастся произвести разделение фракций, недостижимое при обычном способе флотации. Такой метод особенно существенен при очистке сточных вод. Так, при использовании метода электрофлотации удастся извлечь до 90–95% жира из сточных вод мясокомбинатов.

Селективность действия концентрированных электромагнитных полей на пищевые продукты используется для пастеризации и стерилизации пищевых продуктов [10]. При этом следует отметить, что, как правило, стерилизация и пастеризация продуктов происходят одновременно с другими видами обработки. Так, при дефростации замороженных куриных окороков происходит уменьшение количества микрофлоры на поверхности окорока в 2–4 раза.

Особенно актуальной такая проблема является для переработки морепродуктов [11–12]. Как известно, Беларусь закупает порядка 100 тыс. тонн морепродуктов, которые поступают на разделку и переработку в замороженном виде. Существующие способы переработки приводят к тепловому воздействию на продукт (размораживание), что резко сокращает срок годности. Использование ВЧ поля позволяет разделить замороженный блок продуктов на составные части, не подвергая его разморозке. Тем самым решаются одновременно две задачи: получение полуфабриката без уменьшения сроков хранения и существенная экономия тепловой энергии, достигающая величины 1,5 кВт/час на кг продукта.

Другой немаловажной задачей является сушка и предпосевная обработка семян зерновых культур [10]. Для решения этой задачи разработан метод СВЧ стимуляции традиционной конвекционной тепловой сушки зерна, применяемый к многопроходным технологиям, используемым в обоих основных типах существующего зерносушильного оборудования. Суть этого метода сводится к тому, что относительно небольшими дозами микроволновой энергии (составляющими всего 1–1,5% от используемой в техпроцессе сушки зерна энергии сгорания топлива) в объеме подвергаемых сушке объектов создается температурный градиент, противоположный по направлению температурному градиенту, возникающему в про-

цессе поверхностной тепловой сушки. Экспериментальная проверка этого метода показала возможность экономии за счет него ~ 30–35% топлива на единицу испаренной влаги и обезвоживаемой продукции.

СВЧ обработка семян предлагается как один из способов повышения качественных характеристик сельскохозяйственных культур и, в конечном счете, повышения урожайности. Преимуществами СВЧ обработки являются экономичность и простота. Так, на обработку 1 т зерна затрачивается около 200 кДж электроэнергии. Но главное достоинство СВЧ обработки заключается в возможности улучшения показателей роста и развития за счет мобилизации внутренних резервов самих семян, без химической обработки или методов генной инженерии. После обработки семян в режиме биостимуляции с помощью биохимических анализов установлено, что в них происходит заметная стимуляция синтеза белка и активности фермента кислая фосфатаза.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Диденко, А.Н.** СВЧ–энергетика. Теория и практика / А.Н. Диденко. – М.: Наука, 2003. – 446 с.
2. **Карлов, Н.В.** Лазерная термохимия / Н.В. Карлов, Н.А. Кириченко, Б.С. Лукьянчук. – М.: Наука, 1992. – 295 с.
3. **Бохан, Ю.И.** Термодинамическая модель синтеза BaTiO_3 в высокочастотном поле / Ю.И. Бохан // Докл. АН БССР. – 1992. – Т. 36, № 5. – С. 422–425.
4. **Bokhan, Yu.I.** Ceramic materials fabricated by microwave synthesis and sintering / Yu.I. Bokhan [and other] // 3rd ISTC Korea Workshop on Material Science (June 27 – July 2, 2004, Chang-Won, Korea). Reports. – P. 83–94.
5. **Хабибуллин, И.Л.** Нелинейные эффекты при нагреве сред электромагнитным излучением / И.Л. Хабибуллин // ИФЖ. – 2000. – Т. 73, № 4. – С. 832–838.
6. **Вукон, Yu.V.** High-temperature microwave processing of materials / Yu.V. Vykov, K.I. Rybakov, V.E. Semenov // J. Phys D: Appl. Phys. 34. (2000) R55–R75.
7. **Брито, П.** Электростатические задачи в нелинейных средах / П. Брито, К. Гроссе, К. Халлой // Сб.: Физика за рубежом. Б. – 1988. – С. 24–32.
8. **Рогов, И.А.** Электрофизические методы обработки пищевых продуктов / И.А. Рогов. – М.: Агропромиздат, 1988. – 272 с.
9. **Калинин, Л.Г.** Дезинсекция и биостимуляция семян в СВЧ электромагнитном поле / Л.Г. Калинин // Вопросы радиоэлектроники. – 1993. – № 3. – С. 4.
10. **Удалов, В.Н.** Термообработка пищевых продуктов с применением СВЧ энергии / В.Н. Удалов [и др.] // Обзоры по электронной технике. Сер. 1. – 1985. – Вып. 9(1124).
11. **Бохан, Ю.И.** Использование высокочастотных полей для обработки пищевых продуктов / Ю.И. Бохан, Н.И. Бохан, Е.Ф. Турцевич // Современные технологии и комплексы технических средств в сельскохозяйственном производстве: матер. межд. конф. – Минск, 2005. – С. 33–35.
12. **Бохан, Ю.И.** Методы обработки пищевых продуктов потоками электромагнитной энергии / Ю.И. Бохан, М.Н. Сарасеко // Современные технологии и комплексы технических средств в сельскохозяйственном производстве: матер. межд. конф. – Минск, 2005. – С. 57–58.

S U M M A R Y

In the work the brief review of technological application of the MICROWAVE fields for processing materials is presented. Scopes are divided on temperatures of processing from -30 up to +1500°C. Possible methods and ways of processing of organic substances, ceramic materials are analyzed. Physical mechanisms of influence of the MICROWAVE fields on various materials are considered.

Поступила в редакцию 14.11.2006

В.В. Яснов, С.Н. Юркевич, К.И. Аршинов, М.Н. Сарасеко

Композиционные покрытия керамика/металл с повышенными прочностными характеристиками

Композиционные или гетерофазные материалы в последнее время находят широкое практическое применение из-за уникальности своих свойств. Поскольку эксплуатационные свойства изделия в первую очередь определяются качеством поверхности, то гетерофазную систему целесообразно использовать в виде покрытий. В данной работе описываются полученные композиционные покрытия металл/керамика на основе оксида алюминия и исследованы их прочностные характеристики.

Оксид алюминия является одним из наиболее перспективных керамических материалов для широкого спектра конструкционных применений благодаря сочетанию высокой твердости, термостойкости, химической инертности, с одной стороны, и доступности, с другой стороны. Керамику на основе Al_2O_3 используют для изготовления износостойких деталей машин, в том числе деталей, эксплуатируемых в агрессивных средах при высоких температурах. Создание и использование покрытий из композиции прочной керамики оксида алюминия и металла обеспечит улучшение эксплуатационных характеристик различных объектов техники.

Повышенный интерес к композиционным материалам керамика/металл обусловлен тем, что, с одной стороны, композиционные материалы керамика/металл обладают характерными свойствами металлов, например, такими, как хорошая теплопроводность и электропроводность, высокая пластичность, а с другой стороны, они имеют высокую твердость, свойственную керамическим оксидным материалам [1]. Для создания покрытий керамика/металл на основе оксида алюминия использовался метод газодинамического напыления [2, 3], который позволяет локально формировать покрытия большой толщины при минимальном температурном воздействии на подложку.

Для получения композиционных материалов керамика/металл с целью их дальнейшего нанесения на металлические подложки в качестве основы использовался порошок оксида алюминия с размером частиц от 1 мкм до 20 мкм. Предварительно керамический порошок оксида алюминия подвергался плакированию медью, никелем и кобальтом методом химического осаждения с использованием стандартных растворов для меднения, никелирования и кобальтирования [4].

Время химической реакции осаждения составляло 20 минут для процессов никелирования и кобальтирования и 30 минут для процесса меднения. В зависимости от длительности процесса плакирования толщина металлической пленки на керамических частицах достигала от 2 до 10 мкм.

Технология химического осаждения металлической пленки на керамический порошок позволяет получать достаточно равномерную по толщине металлическую пленку по всей поверхности частицы [5], что в дальнейшем предопределяет структуру и свойства композиционного покрытия, а также эффективность процесса напыления. Таким способом были получены композиционные порошки Al_2O_3/Cu с толщиной медной пленки порядка 10 мкм и

$\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Ni}$, $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Co}$, с толщиной пленки никеля и кобальта порядка 2–4 мкм, которые в дальнейшем использовались для формирования покрытий керамика/металл.

Методом газодинамического напыления наносили покрытия на подложки размером 12х50х1,2 мм. В качестве материала подложек использовалась сталь Ст3. Полученные покрытия проходили испытания на трехточечный изгиб на универсальной машине Instron-1195 с фиксацией величины прогиба, равной 0,5 мм, и скоростью нагружения 0,5 мм/мин. Погрешность измерения нагрузки не превышала 1%. Исследование структуры, наличие и ширину трещин, величину отслоения покрытия от подложки после нагружения проводили с помощью микроскопа «MeF-3» фирмы «Reichert» (Австрия) при увеличении $\times 100$, $\times 200$, $\times 500$. Микротвердость покрытий измерялась по ГОСТ 9450-76 на микротвердомере «Micromet-II» (нагрузка 50 г).

На рис. 1 представлена фотография шлифа композиционного покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$, нанесенного на сталь методом газодинамического напыления.

Рис. 1. Микроструктура композиционного покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$ ($\times 200$).

Анализ структуры и испытание на трехточечный изгиб покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$ показали, что покрытие однородное, без полостей и трещин, а также видно, что отсутствует отслоение покрытия от подложки.

Испытание на трехточечный изгиб образцов $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Co}$ и $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Ni}$ показало, что прочность связи между частицами в покрытии и нанесенным слоем с основой неудовлетворительная, наблюдаются отслоения и трещины.

На рис. 2 приведены графики распределения микротвердости исследуемых композиционных покрытий по толщине покрытия.

Средняя микротвердость покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$ (рис. 2-а) равна 2,254 ГПа (230 кгс/мм²), а основы из стали Ст3 – 0,98 ГПа (100 кгс/мм²). На кривой не наблюдается зоны термического влияния.

Из рис. 2 следует также, что средняя микротвердость покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Co}$ (рис. 2-б) равна 1,15 ГПа (117 кгс/мм²), стальной основы – 0,78 ГПа (80 кгс/мм²). Средняя микротвердость покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Ni}$ (рис. 2-в) равна 1,67 ГПа (170 кгс/мм²), стальной основы – 0,88 ГПа (90 кгс/мм²). Наблюдается зона термического влияния. Возможно, в отличие от композиционного покрытия $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$ неудовлетворительное качество покрытий $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Co}$ и $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Ni}$ связано с малой толщиной металлической пленки, осажденной на частицах оксида алюминия, что не позволяет получить оптимальное композиционное покрытие керамика/металл. В данном случае толщины нанесенного покрытия

недостаточно для образования металлической матрицы.

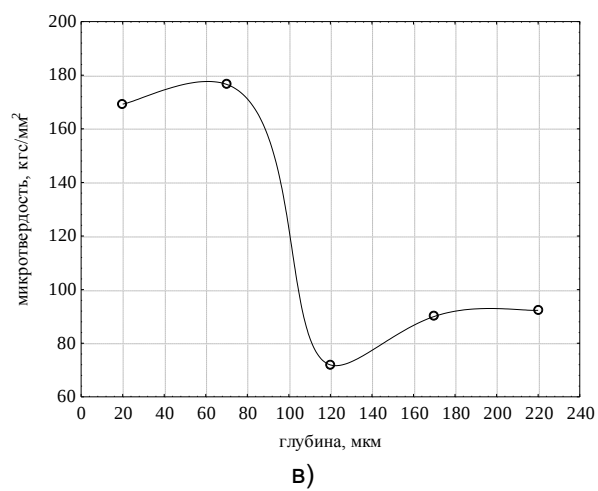
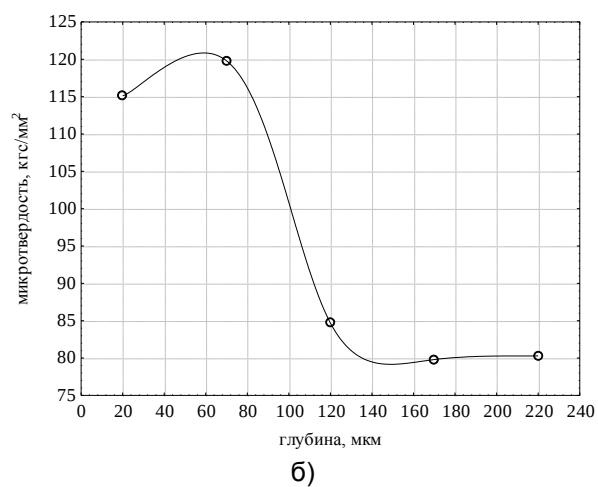
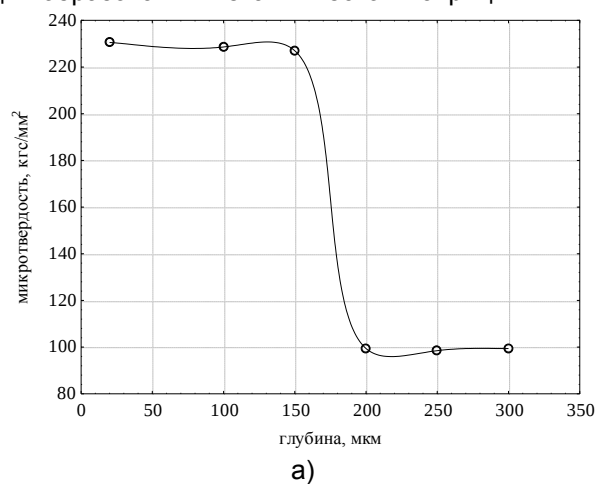

Рис. 2. Распределение микротвердости композиционных покрытий по толщине покрытия: а) $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Cu}$; б) $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Co}$; в) $\text{Al}_2\text{O}_3/\text{Ni}$.

Исследования показали, что композиционные покрытия, полученные методом газодинамического напыления на основе порошка оксида алюминия, плакированного металлами методом химического осаждения, обладают высокими механическими свойствами при достаточной толщине металлического слоя на порошке керамики.

Таким образом, разработан способ получения двухкомпонентного композиционного покрытия. Испытание композиционных покрытий керамика/металл показало, что газодинамическое напыление порошками керамики, плакированными металлами химическим способом, может использоваться для создания покрытий с увеличенным сроком эксплуатации без термического влияния на заготовку, как при ремонте, так и при создании деталей и инструментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Сайфуллин, Р.С.** Неорганические композиционные материалы / Р.С. Сайфуллин. – М.: Химия, 1983. – 299 с.
2. **Способ получения покрытий: а.с. SU 1618778 A1, МКИ С 23 С 4/00** / А.П. Алхимов, В.Ф. Косарев, Н.И. Нестерович, А.Н. Папырин; № 4075078/02; заявл. 06.06.86; опубл. 07.01.91 бюл. № 1.
3. **Юркевич, С.Н.** Исследования возможности применения газодинамического напыления для восстановления деталей авиатехники / С.Н. Юркевич [и др.] // Металлообработка. – 2005. – № 5(29). – С. 24–29.
4. **Вансовская, К.М.** Металлические покрытия, нанесенные химическим способом / К.М. Вансовская. – Л.: Машиностроение, 1985. – 103 с.
5. **Способ получения конденсаторной керамики на основе титаната бария: а.с. 1545496, СССР, МКИ С 04В 35/46, 35/49** / А.Е. Гелясин, М.Н. Сарасеко, Л.Г. Никитина, И.А. Шкроб, В.В. Михневич, Э.И. Мамчиц; – № 4325965/23-33; заявл. 09.11.87; опубл. 23.02.90 // Открытия. Изобретения. – 1990. – № 7. – С. 249.

S U M M A R Y

The results of investigation of structure and micro hardness of two-layer composite ceramics/metal coatings produced by gas-dynamic spraying are presented.

Поступила в редакцию 25.05.2007

Динамика фенольных соединений морозки приземистой (*Rubus Chamaemorus* L.) в онтогенезе

Морошка приземистая – многолетнее травянистое растение с ползучим, длинным, ветвистым корневищем, семейства розоцветные. Является гипоарктическим видом, южная граница ареала которого проходит через северные районы Беларуси. Ценное пищевое и лекарственное растение [1].

Морошка занесена в Красную книгу Республики Беларусь с 1981 года как исчезающий и нуждающийся в охране вид. В настоящее время выделено порядка 12 мест обитания растения на территории страны. Несмотря на значительный интерес в последнее время к данному виду как редкому и нуждающемуся в охране, так и потенциальному источнику биологически активных веществ, сведений о биохимическом составе ягод и вегетативной массы растений морошки недостаточно.

В этой связи целью исследований являлось изучение биохимического состава различных органов морошки приземистой в онтогенезе.

Из биологически активных веществ наибольший интерес при изучении биохимического состава морошки приземистой представляет группа полифенольных соединений – дубильных и красящих веществ (антоцианы, лейкоантоцианы, катехины, флавоны), отличающихся Р-активным действием. Кроме того, биохимический подход к изучению внутривидового полиморфизма – важный критерий для отбора популяций, обладающих высокими хозяйственно полезными свойствами.

Известно, что фенольные соединения, которым принадлежит важная роль в формировании фармакологических свойств, являются одним из наиболее распространенных и многочисленных классов природных соединений. Они способны ускорять или тормозить рост растений, оказывать влияние на репродуктивные процессы, способствовать ризогенезу, подавлять развитие патогенов, регулировать процессы окислительного фосфорилирования и т.д. [2].

Снижение образования фенольных соединений может быть результатом снижения активности ферментов биосинтеза фенольных соединений, таких, как фенилаланин-аммиаклиаза, или вследствие уменьшения доступного субстрата. Уровень накопления фенольных соединений может быть повышен вследствие замедления темпов первичного метаболизма. Дефицит азота, фосфора, калия и серы приводит к более высокому накоплению фенольных соединений. Дополнительное введение этих компонентов стимулирует рост растения и подавляет процессы образования фенольных соединений [3–4].

Необходимо отметить участие фенольных соединений в стресс-реакциях и обеспечении устойчивости растений к экстремальным условиям среды. Они проявляют защитные функции в растениях, подвергнутых воздействию неблагоприятных факторов (УФ-облучение, патогены, водный и химический стресс), являются эндогенными регуляторами физиологических процессов негормональной природы [5–6].

В этой связи особый интерес представляет исследование процессов накопления фенольных соединений в растениях морошки в онтогенезе.

Для изучения биохимического состава растений морошки приземистой был заложен стационар в Краснопольском лесничестве Россонского района Витебской области. Стационар характеризуется pH 4,5–4,9, уровень грунтовых вод находится ниже поверхности кочек на 32 см, межкочечных понижений – на 12 и мочагин на 7 см, торф в кочках – верховой сфагновый со степенью разложения 5%, характеризующийся зольностью 1,4–1,7%, низким содержанием фосфора (P_2O_5) и калия (K_2O) (0,6–0,7 и 2,5–7,5 мг/100 г почвы). Площадь стационара составляет 600 м².

В течение вегетационного периода проводили отбор проб для проведения биохимического анализа по общепринятым методам [7]. Пробы отбирали на следующих стадиях: начало вегетации (длится от периода появления первых надземных побегов до периода цветения), плодоношение, окончание вегетации. Для определения динамики фенольных соединений каждой стадии отбирали ягоды и вегетативные органы (листья и корневища).

Исследования показали, что у морошки приземистой Р-активные вещества представлены антоцианами, лейкоантоцианами, катехинами, флавонолами и фенолкарбоновыми кислотами.

Полученные данные свидетельствуют о зависимости накопления биофлавоноидов, органических кислот, аскорбиновой кислоты от стадии вегетации (табл. 1).

Таблица 1

Динамика содержания биофлавоноидов, свободных органических кислот и аскорбиновой кислоты в вегетативной части и плодах растений морошки приземистой за период вегетации

Анализируемая часть растения	Биофлавоноиды, мг%								Свободные органические к-ты, %	Аскорбиновая кислота, мг%			
	антоцианы	лейкоантоцианы	сумма антоциановых пигментов	катехины	флавоны	катехины; флавонолы	сумма биофлавоноидов	фенолкарбоновые кислоты					
	начало вегетации												
	Листья	следы	32,0±1,0	32,0±1,0	1347,7±58,3	13308,6±32,4	9,9±0,4	14688,3±90,5			904,2±8,7	0,6	115,9
	Корневище	0,9±0,1	30,0±0,7	30,9±0,7	5193,5±172,3	4700,1±35,1	0,9±0,01	9924,5±159,9			960,4±11,0	0,4	65,3
	плодоношение												
	Листья	1,5±0,3	19,8±0,6	21,4±0,6	1542,7±31,2	13739,1±67,5	7,9±0,1	15543,0±95,2			777,8±5,0	0,7	119,5
	Корневище	1,1±0,2	43,7±0,9	44,7±0,6	7046,0±46,9	3588,3±25,7	0,6±0,01	9517,5±62,4			441,7±8,3	0,5	71,3
	Плоды	следы	1,4±0,1	1,4±0,1	420,3±26,4	554,1±26,2	1,3±0,01	975,8±52,2			320,8±8,7	0,9	143,8
	окончание вегетации												
Листья	1,8±0,1	20,4±0,3	22,2±0,4	940,3±41,3	6734,8±14,6	7,2±0,3	7697,4±56,0	641,7±8,7	0,7	111,1			
Корневище	0,3±0,1	31,0±0,8	31,3±0,7	4723,3±75,6	2762,8±22,3	0,6±0,01	7517,4±74,5	658,3±35,6	0,7	83,4			

В начале вегетационного периода в листьях морошки найдены только следы антоцианов. К периоду плодоношения количество антоцианов увеличивается как в листьях, так и в корневищах, а за период времени от плодоношения до окончания вегетации происходит отток антоцианов из корневищ в листья. Основную долю в сумме антоциановых пигментов составляют лейкоантоцианы, количество которых в десятки раз больше, чем собственно антоцианов, что указывает на их огромное значение в процессах жизнедеятельности морошки.

Более активное накопление лейкоантоцианов происходит в корневищах от начала вегетации до фазы плодоношения. Напротив, в листьях в данный период отмечено значительное уменьшение их содержания – от 30,0 до 19,8 мг%. К периоду окончания вегетации в листьях происходит незначительное накопление на 0,6 мг%, а в корневищах количество лейкоантоцианов напротив значительно уменьшается и приближается к значениям, наблюдаемым в начале вегетации.

Наибольшее содержание флавонолов отмечено в листьях, хлоропласты которых являются основными центрами синтеза полифенолов [2], а также в корневищах, что подтверждает мнение о существенной роли этих веществ в репродуктивных процессах растений [8]. В плодах морошки уровень флавонолов в 1,5–2,5 раза ниже.

В фазу массового цветения, характеризующуюся наиболее высокими темпами накопления биомассы, наблюдается временное снижение содержания флавонолов, что объясняется конкуренцией между белковым и фенольным синтезами за общий предшественник – аминокислоту фенилаланин, приводящих к ослаблению биосинтеза биофлавоноидов в периоды активизации продукционного процесса [9].

Наиболее высоким суммарным содержанием флавонов характеризовались ассимилирующие органы (6,8–13,7% – в листьях, в корневище – 3,4–4,3%). В плодах оно не превышало 1,0–1,5%.

Установлено, что примерно 70–80% суммы биофлавоноидов в надземной массе растений приходилось на долю более окисленных соединений – флавонов. Остальные 20–30% суммы составляли преимущественно катехины и лишь очень малая часть (десятые доли %) приходилась на антоциановые пигменты.

Различия в содержании органических кислот как в плодах, так и в листьях и корневищах менее существенны, а их содержание не превышало 1%.

Высокий уровень накопления аскорбиновой кислоты в ассимилирующих органах и плодах позволяет отнести морошку приземистую к высоковитаминным видам растений. Ее максимальное содержание отмечается в период плодоношения, после чего наблюдается снижение. Наибольшее количество аскорбиновой кислоты в корневищах накапливается в конце вегетационного периода (83,4 мг%).

Для оценки возможности использования морошки приземистой в медицине, пищевой продукции сравнивали полученные показатели биохимического состава морошки приземистой с плодами клюквы крупноплодной, заготовки которой ведутся в местах произрастания морошки в Витебской области.

Таблица 2

Содержание биофлавоноидов, свободных органических кислот и аскорбиновой кислоты в плодах клюквы четырехлепестной

Анализируемая часть растения	Биофлавоноиды, мг%								Свободные органические к-ты, %	Аскорбиновая кислота, мг%
	антоцианы	лейкоантоцианы	сумма антоциановых пигментов	катехины	флавоны	катехины, флавонолы	сумма биофлавоноидов	фенолкарбоновые кислоты		
Плоды	3,7	82,1	85,8	2028,0	1044,5	1,94	3158,3	393,8	20,57	115,24

Установлено (табл. 2), что клюква крупноплодная значительно превосходит морошку приземистую по содержанию антоциановых пигментов и других биофлавоноидов. Однако содержание аскорбиновой кислоты в плодах морошки выше, чем в плодах клюквы крупноплодной, что указывает на высокую перспективность ее использования.

Работа выполнена в рамках договора с БРФФИ № Б05-270 от 1 апреля 2005 года по теме «Эколого-биологические особенности и биохимическая характеристика растений *Rubus chamaemorus* L. в Белорусском Поозерье».

ЛИТЕРАТУРА

1. **Баранова, И.И.** Биологически активные вещества некоторых дикорастущих ягод южной Карелии / И.И. Баранова, Л.М. Смирнова, Г.Ф. Ершова // Эколого-биологические особенности и продуктивность растений болот. – Петрозаводск: КФА и СССР, 1982. – С. 129–134.
2. **Запрометов, М.Н.** Фенольные соединения / М.Н. Запрометов. – М.: Наука, 1993. – 272 с.
3. **Majak W., Quinton D.A., Broershma R.** // J. Range Managemen. – 1980. – 33. – P. 197–199.
4. **Gershenzon, J.** Plant secondry metabolite production under stress / J. Gershenzon // Phytochemical adaptation to stress. N. Y.–L.: Plenum Press. – 1984. – P. 273–321.
5. **Кефели, В.И.** Природные ингибиторы роста и фитогормоны / В.И. Кефели. – М., 1974.
6. **Волынец, А.П.** Взаимодействие эндогенных регуляторов роста и гербицидов / А.П. Волынец. – Минск, 1980. – 144 с.
7. **Ермаков А.И.** Методы биохимического исследования растений / А.И. Ермаков, В.В. Арасимович, Н.П. Ярош. – М.: ВО Агропромиздат, 1987. – 430 с.
8. **Минаева, В.Г.** Лекарственные растения Сибири / В.Г. Минаева. – Новосибирск, 1991. – 432 с.
9. **Карабанов, И.А.** Флавоноиды в мире растений / И.А. Карабанов. – Минск: Ураджай, 1981. – 80 с.

S U M M A R Y

The article presents the data on the accumulating process of the bioflavonoids of the organic acids and ascorbic acid in leaves, roots and berries of *Rubus chamaemorus* in the ontogenesis.

Поступила в редакцию 23.06.2008

УДК 595.78

С.М. Седловская

Особенности роста и развития гусениц китайского дубового шелкопряда (*Antheraea Pernyi* G.-M.) под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)- 1-трет-бутилгидразина

Хорошо известно, что процессы линьки и метаморфоза насекомых находятся под контролем нескольких гормонов, среди которых выделяются экдистероиды [1]. Линька и метаморфоз относятся к очень важным процессам жизнедеятельности насекомых, которые позволяют им нормально развиваться и адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды [2]. Нарушение нормального течения линьки и метаморфоза под действием экзогенных экдистероидов либо соединений, имитирующих их биологическое действие, обычно приводит к гибели насекомых. Вещества, обладающие такой селективной активностью, привлекают к себе пристальное внимание в качестве потенциальных инсектицидов, которые по механизму действия относятся к регуляторам роста насекомых [2].

В конце 80-х годов прошлого столетия обнаружили, что гормональной активностью насекомых обладают вещества, не похожие на экдистероиды по строению и относящиеся к ацилпроизводным гидразина. Биологические испытания соединений данной группы стали проводиться сразу же после установления их гормональной активности [1].

В практическом отношении наиболее важным является токсическое действие диацилгидразинов на насекомых, относящихся к опасным вредителям сельского хозяйства. Данные по действию соединений этой группы на насекомых приведены в работе Н.В. Ковганко [3], где он указывает на то, что наиболее токсичными агонисты экдистероидов оказываются для чешуекрылых (Lepidoptera), таких, например, как *S. exempta*, *S. exigua*, *Ch. fumiferana*.

Установлено, что производные ацилгидразинов оказывают свое токсическое действие на все стадии развития насекомых, но наиболее чувствительными оказываются личинки. Воздействие агонистов экдистероидов на организм насекомых проявляется в преждевременной личиночной линьке, прекращении питания и неполноценном окукливании [4]. Отмечено их влияние на смертность, длительность личиночного развития, вес гусениц, вес шелкоотделительной железы и состав белков гемолимфы [5, 6].

В связи с вышеизложенным **целью** нашей работы является изучение влияния агониста экдистероидов группы гидразинов 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина на процессы жизнедеятельности гусениц китайского дубового шелкопряда после потребления корма, обработанного данным веществом.

В **задачи** исследования входило:

- 1) выявить влияние биологически активного вещества на выживаемость дубового шелкопряда при потреблении в пищу обработанного корма;
- 2) выяснить изменения продолжительности развития гусениц под воздействием агониста экдистероидов при питании обработанным листом дуба черешчатого и березы бородавчатой;
- 3) проанализировать степень воздействия 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина при попадании в организм гусениц вместе с кормом на процессы роста гусениц китайского дубового шелкопряда.

Исследования проводились на базе стационара «Щитовка» биологического факультета Витебского государственного университета им. П.М. Машерова в летний период 2006 г.

В качестве **объекта** исследований использовали гусениц китайского дубового шелкопряда (*Antheraea pernyi* G.-M.). Кормовыми растениями служили дуб черешчатый (*Quercus robur* L.) и береза бородавчатая (*Betula pendula* Roth.).

Для опыта брали гусениц одного дня выхода из яиц. Опыт проводили в трех повторностях каждый (по 30 гусениц повторности): корм одинаковой массы для гусениц первого возраста обрабатывали однократно водным раствором 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина 0,1%-ной концентрации объемом 2 мл один раз и скармливали в начале развития. Наблюдали за гусеницами в течение всего периода их развития.

Обработку корма проводили методом опрыскивания листьев. Для приготовления рабочих растворов навеску 10 мг (0,1%) соединения помещали в мерную пробирку, добавляли 0,5 мл этанола, доводили общий объем до 10 мл дистиллированной водой, в которую предварительно добавляли ПАВ ОП-10 (1 капля на 1 л воды). Контроль – дистиллированная вода с добавлением этанола (0,5 мл/10 мл воды) и ПАВ ОП-10 (1 капля/1 л воды). Опытные и контрольные гусеницы содержались в одинаковых емкостях объемом 3000 см³ при температуре 20–22°C, относительной влажности воздуха 70–80% и одинаковых условиях освещенности. Гусеницы первого возраста

в опыте питались обработанным кормом в течение трех суток. Через трое суток обработанные листья дуба и березы заменяли на свежие необработанные и дальше кормили только свежим необработанным кормом.

Экдистероиды представляют собой большую группу природных соединений, обнаруженных в растениях, беспозвоночных животных и грибах. Для насекомых экдистероиды известны как гормоны, под контролем которых находятся разнообразные процессы жизнедеятельности, в частности линька и метаморфоз. Следует отметить, что экдистероиды широко представлены не только в животном, но и растительном мире [1]. Существует точка зрения [7], согласно которой присутствие этих соединений в растениях обусловлено их защитной функцией против поедания растительноядными насекомыми. Хотя среди насекомых имеются отдельные виды, весьма чувствительные к фито-экдистероидам, все же к настоящему времени большинство из них сумели адаптироваться к этим веществам. Хорошо известно, что при попадании вместе с пищей экзогенные экдистероиды вызывают у насекомых значительные нарушения гормональной системы, что приводит в конечном итоге к их гибели [7].

В конце 80-х годов прошлого столетия обнаружили, что гормональной активностью насекомых обладают вещества, не похожие на экдистероиды по строению и которые являются агонистами гормона линьки [8, 9]. Установлено, что агонисты экдистероидов оказывают свое токсическое действие на все стадии развития насекомых, но наиболее чувствительными оказываются личинки. Так, например, токсическое действие галофенозида и метоксифенозида для личинок жука коровки *Harmonia axyridis* проявляется в преждевременной личиночной линьке, прекращении питания и неполноценном окукливании [4]. Высокой селективностью действия относительно чешуекрылых обладают агонисты экдистероидов RH-5992 и RH-2485. Отмечено их влияние на смертность, длительность личиночного развития, вес гусениц, вес шелкоотделительной железы и состав белков гемолимфы [5, 6]. Следует отметить, что характер действия агонистов экдистероидов отличается сложностью и сильно зависит от конкретного вида насекомого. Однако в целом попадание указанных соединений в организмы насекомых приводит либо сразу к их гибели, либо сопровождается значительными нарушениями процессов нормального роста и развития, даже спустя несколько поколений [3].

По нашим данным, потребление в пищу обработанного биологически активным веществом корма привело к гибели гусениц шелкопряда. Динамика смертности гусениц в течение всего периода их развития отражает рис. 1.

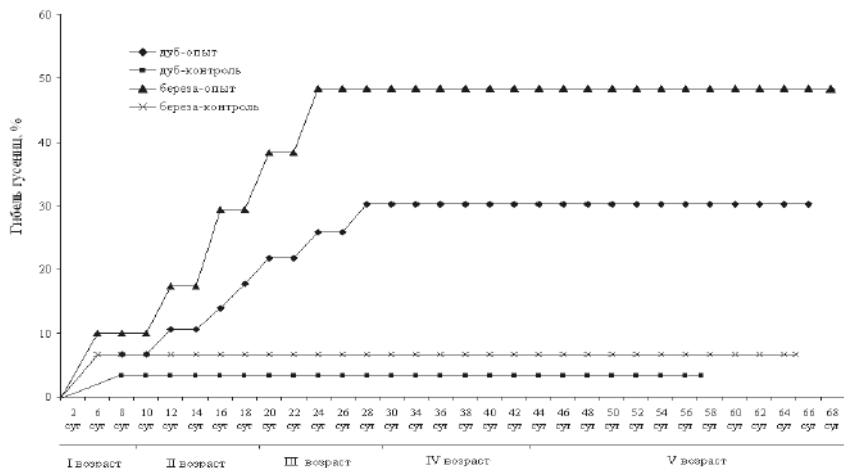

Рис. 1. Смертность гусениц китайского дубового шелкопряда под воздействием 1, 2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина.

Видно, что данный агонист экдистероидов оказывал токсическое действие в течение длительного времени и вызывал гибель гусениц даже на 27 сутки после обработки. Смертность в опыте на двух кормовых растениях достаточно высокая по сравнению с контролем. Гусеницы, питавшиеся обработанным листом дуба, начали гибнуть на восьмые сутки после закладки опыта. Токсический эффект в опыте данное вещество оказывало на протяжении I–III возрастов. За этот период погибло 30% гусениц по сравнению с контролем. Гусеницы в опыте на березе оказались более чувствительными к биологически активному веществу, чем на дубе. Видно, что при потреблении обработанного листа березы в течение I–III возрастов погибло 48% гусениц, причем гусеницы стали гибнуть на вторые сутки после закладки опыта.

При питании обработанным кормом в опыте на березе погибло гусениц в 1,5 раза больше, чем на дубе, за одинаковый период времени. Следует отметить, что на двух кормовых растениях к концу III возраста гусеницы смогли адаптироваться к воздействию 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина, так как смертности гусениц до конца развития больше не наблюдалось. На рис. 1 это отражает плато – отрезок, параллельный оси абсцисс. В этот период гусеницы были жизнеспособны, в конце развития вили коконы. Но потребление в пищу обработанного агонистом экдистероидов корма повлияло на продолжительность развития гусениц. В опыте на дубе по сравнению с контролем гусеницы развивались дольше на 9 суток за счет увеличения периода активного питания на 4 суток, а периода сна – на 5 суток (табл.).

Таблица

Влияние биологически активного вещества (1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина) на продолжительность развития гусениц китайского дубового шелкопряда по возрастам, сут.

Вариант опыта	Возраст гусениц	Продолжительность развития, сут.			
		Период активного питания	Сон	Линька	Всего
Дуб-опыт	Л ₁	4,14 ± 0,11	2,93 ± 0,05	1,15 ± 0,09	8,22 ± 0,10
	Л ₂	5,75 ± 0,09	2,97 ± 0,07	1,43 ± 0,07	10,15 ± 0,40
	Л ₃	6,04 ± 0,10	2,54 ± 0,01	1,42 ± 0,05	10,0 ± 0,35
	Л ₄	8,57 ± 0,05	1,93 ± 0,09	1,60 ± 0,09	12,10 ± 0,11
	Л ₅	19,73 ± 0,08	3,59 ± 0,13	2,22 ± 0,11	25,54 ± 0,45
	Всего	44,23 ± 0,75	13,96 ± 0,25	7,82 ± 0,18	66,01 ± 1,15
Дуб-контроль	Л ₁	4,21 ± 0,13	2,12 ± 0,01	1,41 ± 0,01	7,74 ± 0,23
	Л ₂	4,25 ± 0,18	1,19 ± 0,01	1,03 ± 0,02	6,47 ± 0,15
	Л ₃	5,56 ± 0,16	1,40 ± 0,02	1,53 ± 0,01	8,49 ± 0,12
	Л ₄	9,18 ± 0,09	1,89 ± 0,04	1,18 ± 0,11	12,25 ± 0,30
	Л ₅	17,24 ± 0,06	2,28 ± 0,03	2,57 ± 0,17	22,09 ± 0,56
	Всего	40,44 ± 0,32	8,88 ± 0,15	7,72 ± 0,11	57,04 ± 1,05
Береза-опыт	Л ₁	6,95 ± 0,17	2,33 ± 0,09	1,57 ± 0,10	10,85 ± 0,13
	Л ₂	7,03 ± 0,19	1,93 ± 0,08	1,69 ± 0,07	10,65 ± 0,1
	Л ₃	6,45 ± 0,11	1,65 ± 0,07	1,35 ± 0,03	9,75 ± 0,17
	Л ₄	9,53 ± 0,12	1,97 ± 0,03	1,35 ± 0,02	12,85 ± 0,20
	Л ₅	19,06 ± 0,33	2,86 ± 0,04	2,87 ± 0,08	24,79 ± 0,51
	Всего	49,52 ± 0,91	10,74 ± 0,22	8,83 ± 0,15	68,89 ± 1,12
Береза-контроль	Л ₁	6,11 ± 0,17	2,05 ± 0,06	1,15 ± 0,07	9,31 ± 0,15
	Л ₂	6,42 ± 0,11	1,25 ± 0,02	1,27 ± 0,04	8,94 ± 0,24
	Л ₃	5,47 ± 0,25	1,52 ± 0,12	1,25 ± 0,03	8,24 ± 0,40
	Л ₄	9,61 ± 0,04	1,77 ± 0,07	2,30 ± 0,15	13,68 ± 0,22
	Л ₅	18,05 ± 0,37	2,52 ± 0,09	2,81 ± 0,11	23,38 ± 0,54
	Всего	45,66 ± 0,81	9,11 ± 0,36	8,78 ± 0,16	63,55 ± 1,12

После употребления в пищу обработанного листа березы общая продолжительность развития гусениц увеличилась на 5 суток, по сравнению с контролем. Это связано с увеличением периода активного питания на 4 суток и периода сна – на 1 сутки. На березе за весь период развития у гусениц период активного питания длился на 5 суток больше, а период сна на 3 суток меньше, чем на дубе. Следует отметить, что в опыте на дубе развитие гусениц закончилось на 2 суток раньше, чем при питании обработанным листом березы.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что увеличение продолжительности развития вызвано неблагоприятным воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина.

Темп роста насекомых является важным показателем физиологического состояния организма, а также показателем условий питания гусениц [10].

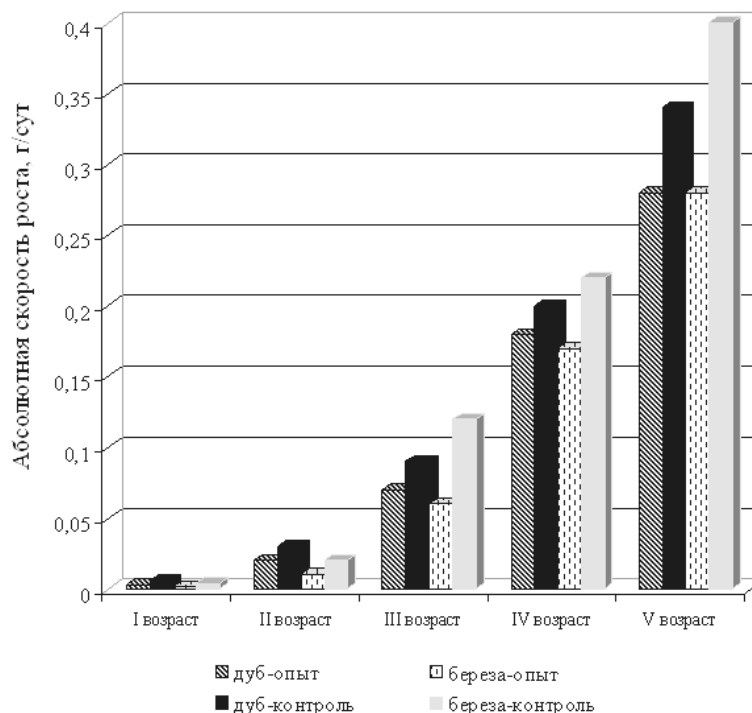

Рис. 2. Абсолютная скорость роста гусениц китайского дубового шелкопряда под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина (0,1%).

Абсолютная скорость роста гусениц в опыте на дубе в I–II возрастах ниже на 30% по сравнению с контролем (рис. 2). В период III–IV возрастов показатели абсолютной скорости роста в опыте отличаются от контроля на 10%. К концу V возраста скорость роста опытных гусениц ниже на 20% по сравнению с таковой на контроле. На березе же в течение I–III возрастов абсолютная скорость роста гусениц в опыте ниже на 50%, чем на контроле, в IV возрасте – на 20%, а к концу V возраста данный показатель в опыте отличается от такового на контроле на 30%. Это можно объяснить тем, что лист березы по сравнению с листом дуба обладает худшей питательной ценностью [11], которая усиливается воздействием биологически активного вещества.

Удельная скорость роста, или интенсивность роста, – это приращение единицы живой массы за единицу времени [12]. Она дает дополнительную информацию о процессах роста организма.

Удельная скорость роста у животных закономерно снижается к концу развития. Эта общебиологическая закономерность отражена и в наших данных (рис. 3). Согласно данным рис. 3 видно, что у гусениц в опыте на дубе интенсивность роста в течение I–III возрастов меньше на 40%, чем на контроле, в IV–V возрастах отличается на 30%, но к концу развития удельная скорость роста у опытных и контрольных гусениц практически одинаковая. А на березе удельная скорость роста гусениц в I возрасте меньше на 30%, чем на контроле, а в II–V возрастах отличается от контроля на 45%.

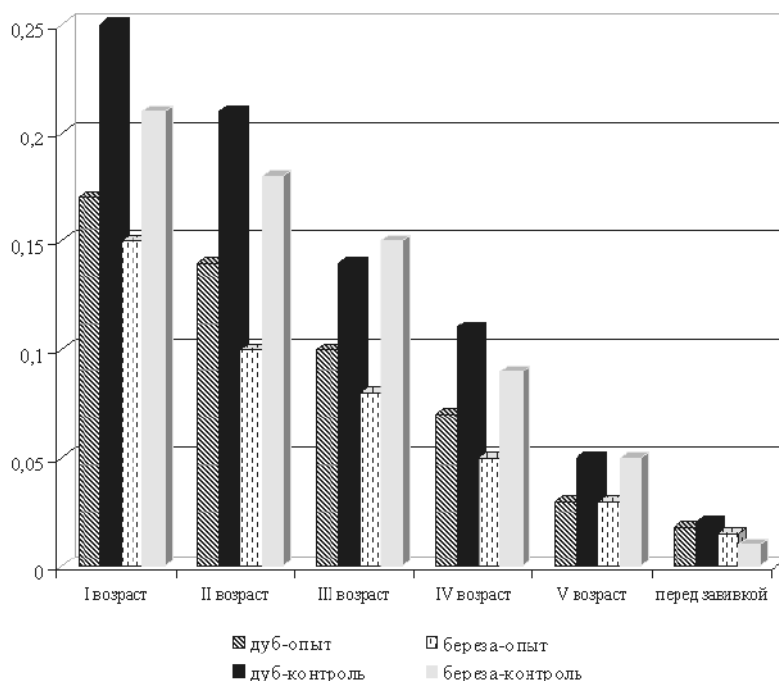

Рис. 3. Удельная скорость роста гусениц китайского дубового шелкопряда под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина (0,1%).

Самая низкая интенсивность роста у гусениц в опыте на березе в течение всего периода развития. Удельная скорость роста в опыте на дубе превышает таковую в опыте на березе в процессе всего развития. Анализ различий в показателях удельной скорости роста позволяет сделать вывод о том, что гусеницы в опыте на березе и на контроле имели условия для роста и развития хуже, чем на дубе. Следовательно, качество кормового растения оказывает влияние при воздействии агониста экдистероидов на организм насекомых, в случае с дубом его воздействие ослабляется, в случае с березой – усиливается.

Таким образом, в результате наших исследований установлено, что агонист экдистероидов 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина в концентрации 0,1% обладает инсектицидной активностью по отношению к гусеницам китайского дубового шелкопряда: в опыте на дубе за весь период развития погибло 30% гусениц, а на березе – 48%. Под воздействием 1,2-бис-(3-

метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина произошло замедление развития в опытах: на дубе на 9 суток позже, на березе – на 5 суток по сравнению с контролем. Выявлено, что под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина абсолютная скорость роста в опыте на дубе к концу развития на 20% ниже по сравнению с таковой на контроле, а на березе – на 30% по сравнению с контролем.

Самая низкая интенсивность роста у гусениц в опыте на березе – на 40% ниже по сравнению с контролем в течение всего периода развития. Скорость роста в опыте на дубе и контроле превышает таковую в опыте на березе и контроле в процессе развития.

Полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что данный агонист экдистероидов в концентрации 0,1% при попадании в организм гусениц с кормом приводит к достоверному увеличению смертности – на 27% по сравнению с контролем (дуб), на 41% – (береза), а также к замедлению развития и темпов накопления зоомассы. Следовательно, агонист экдистероидов 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина проявляет ярко выраженную инсектицидную активность по отношению к дубовому шелкопряду, которая усугубляется при питании гусениц листом березы бородавчатой.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахрем, А.А.** Экдистероиды: химия и биологическая активность / А.А. Ахрем, Н.В. Ковганко. – Минск: Наука и техника, 1989. – 327 с.
2. **Гормональная регуляция развития насекомых** / ред. М.С. Гиляров, В.И. Тобиас, В.Н. Буров. – Л.: Наука, 1983. – 182 с.
3. **Ковганко Н.В.** Агонисты экдистероидов группы 1,2-диацил-1-алкилгидразинов / Н.В. Ковганко, С.К. Ананич // Биоорганическая химия. – 2004. – Т. 30, № 6. – С. 563–581.
4. **Carton B.** Toxicity of two ecdysone agonists, halofenozide and methoxyfenozide, against the multicoloured Asian lady beetle *Harmonia axyridis* (Col., Coccinellidae) / B. Carton, G. Smagghe, L. Tirry // J. Appl. Entomol. – 2003. – Vol. 127, № 4. – P. 240–242.
5. **Smagghe G.** Comparative toxicity and ecdysone receptor affinity of nonsteroidal ecdysone agonists and 20-hydroxyecdysone in *Chironomus tentans* / G. Smagghe, T.S. Dhadialla, M. Lezzi // Insect Biochem. And Mol. Biol. – 2002. – Vol. 32, № 2. – P. 187–192.
6. **Kumar, V.S.** RH-5992 – an ecdysone agonist on model system of the silkworm *Bombyx mori* / V.S. Kumar, M. Santhi, M. Krishnan // Indian J. Exp. Biol. – 2000. – Vol. 38, № 2. – P. 137–144.
7. **Ковганко, Н.В.** Стероиды: Экологические функции / Н.В. Ковганко, А.А. Ахрем. – Минск: Наука и техника, 1990. – 224 с.
8. **Wing, K.D.** RH-5849, a nonsteroidal ecdysone agonists on *Drosophila* all line / K.D. Wing // Science. – 1988. – Vol. 241. – P. 467–469.
9. **Karlson, P.** On the use of ecdisteroid nomenclature XI Ecdysone Workshop: Programad Abstracts Ceske Budejovice, 1994. – P. 7–8.
10. **Тыщенко, В.П.** Основы физиологии насекомых / В.П. Тыщенко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – Ч. 1. Физиология метаболических систем. – С. 30, 219–256.
11. **Денисова, С.И.** Теоретические основы разведения китайского дубового шелкопряда в Беларуси / С.И. Денисова. – Минск: УП «Технопринт», 2002. – 234 с.
12. **Шмальгаузен, И.И.** Рост животных. – М.–Л., 1935. – С. 8.

S U M M A R Y

The findings of the influence of ecdysone agonist 1,2-bis-(3-metoxybenzoil)-1-threth-butylhydrazine on the survival, the duration of development and the speed rate of the Chinese oak silkworm (*Antheraea pernyi* G.-M.) on the English oak (*Quercus robur*) and the Common birch (*Betula pendula*) are given in the article. It has been found out that the given agonist in 0,1% concentration causes death among Chinese oak silk worm caterpillars on 2 fodder plants. There are 27% died caterpillars more on the English oak in the control experiment; 41% – on the Common birch. It also leads to the developmental slowing down in the experiments (on the oak – 5 days later in comparison with the control experiment). Its affect is weakened on the English oak, and is intensified on the Common birch.

Поступила в редакцию 11.04.2007

Анализ структуры гельминтоценоза енотовидной собаки (*Nyctereutes Procyonoides*) на территории Беларуси

Исследования гельминтофауны интродуцированных видов животных и ее динамики при взаимодействии завезенных видов паразитов, попавших в новые для себя условия, с видами паразитов аборигенов могут послужить биологическими основами для разработки мер по профилактике и борьбе с паразитическими видами, имеющими эпидемиологическое и эпизоотологическое значение. С конца 1980-х годов проводится изучение по многим аспектам жизнедеятельности акклиматизированных видов хищников. Одним из представителей семейства хищных является енотовидная собака. Она была интродуцирована в Беларусь с 1936 по 1958 год в количестве 491 экземпляра [1]. Изучается пространственная структура их популяций, трофические связи в естественных и подвергнутых антропогенному воздействию местах обитания [2–4]. Вхождение интродуцированной енотовидной собаки в группу таких хищников лесных экосистем, с широким спектром питания, как барсук, лесная куница, лесной хорек, лисица обыкновенная, интенсивно изучается в Европе [2, 5] и на севере Беларуси [6–9]. Однако гельминтоценоз енотовидной собаки широко не исследовался [10]. Енотовидная собака интродуцирована в республики бывшего Союза из Дальневосточного края, где у нее зарегистрировано 19 видов гельминтов [7]. Впервые в мире на Дальнем Востоке данный хищник зарегистрирован в качестве окончательного хозяина альвеококка. В Татарии через 20 лет после акклиматизации сформировался гельминтоценоз, состоящий из 5 видов, характерных для дальневосточных енотовидных собак, и 7 видов, приобретенных в процессе акклиматизации [7]. В Калининской области зарегистрированы 8 видов гельминтов с высокой ЭИ, из которых два (*T. aerophilus*, *S. putorii*) отмечены у данного вида хищника впервые [6]. В Германии выявлены видовое богатство гельминтов, состоящее из 11 видов, и особенности инвазирования во временном и территориальном аспектах [18]. Гельминтофауна этого вида изучалась на территории Беларуси локально, в центральной и южной частях Беларуси. В Березинском заповеднике отмечена довольно высокая инвазированность данного хищника (81,5%). Зарегистрировано 11 видов гельминтов: *A. alata* – 59,3%, *S. erinacei* – 15%, *T. hydatigena* и *T. pisiformis* – по 1 экз., *T. canis* и *Tox. leonina* – также единично, *U. stenocephala* (22%), *Strongyloides erchowii* и *M. patens* – единично, *T. spiralis* (16%), *M. catulinus* – 3 случая [2, 9]. В Белорусском Полесье на территориях, подвергнутых мелиорации, у енотовидных собак зарегистрировано 18 видов гельминтов [5, 10]. Е.И. Анисимовой установлено, что все енотовидные собаки на 100% инвазированы гельминтами. Видовое богатство гельминтов состояло из 16 видов: по три вида из классов цестод и трематод, один вид акантоцефал. Наибольшее разнообразие видов гельминтов зарегистрировано в классе нематод (9 видов). При этом цестодами инвазировано 38,5% енотовидных собак, трематодами – 84,6%, нематодами – 76,9%, акантоцефалами – 7,7% инвазированных животных. Из полученных данных видно, что до-

минируют по встречаемости и обилию виды *A. alata* – 91,6%, *S. erinacei* – 40,0% и *T. aerophilus*, *T. spiralis*, *C. vulpis* – по 20%. Остальные виды гельминтов регистрировались единично. Всего у енотовидной собаки в Беларуси зарегистрировано 24 вида гельминтов.

Рацион енотовидной собаки может включать в себя множество компонентов [2, 12] и большое количество других видов животных. Падаль в спектре питания в весенний период может превышать 85% от доли всей пищи. Такая широкая трофическая специализация может способствовать образованию многочисленного в видовом аспекте гельминтоценоза у этого вида хищника. Надо также учитывать, что енотовидная собака была акклиматизирована в Беларуси сравнительно недавно (около 70 лет назад) и ее гельминтоценоз находится еще на стадии формирования: аборигенные виды гельминтов, постепенно приспособляясь к новому организму, занимают свое место в фауне, а виды гельминтов, специфичные для енотовидной собаки на Дальнем Востоке, либо снижают свою встречаемость, либо исчезают вообще. Таким образом, имеется уникальная возможность наблюдать эволюционные изменения в структуре гельминтоценоза. Учитывая эти особенности, данный вид хищника представляет особый интерес для ученых-паразитологов, экологов и биологов не только в гельминтологическом плане, но и со стороны становления и изменения всего паразитоценоза в целом и конкретных систем паразит-хозяин.

В связи с этим целью нашей работы является изучение гельминтофауны данного вида хищника в Беларуси. Путем полных или частичных гельминтологических вскрытий было обследовано 72 трупа отстрелянных или павших животных. Материал отбирался на базе Полесского радиационно-экологического и Березинского биосферного заповедников, национальных парков «Припятский» и «Браславские озера», а также ряде охотхозяйств Беларуси.

Проведенные нами исследования показали, что в паразитоценозе енотовидной собаки в Республике Беларусь в настоящее время учтено 20 видов гельминтов, относящихся к 3 типам, 4 классам, 14 семействам и 17 родам. Класс трематод представлен 4 видами, цестод – 5 видами, нематод – 10 видами и 1 вид принадлежит классу акантоцефал. Полученные данные свидетельствуют о том, что фауну гельминтов енотовидной собаки можно охарактеризовать как нематодозную. К этому привело то, что основную долю рациона енотовидной собаки составляют грызуны, амфибии, рептилии, рыбы, насекомые, дождевые черви, в большей степени являющиеся промежуточными и резервуарными хозяевами нематод.

Общая инвазированность енотовидной собаки в Беларуси составила 94,44%, причем на севере страны они поражены на 95,34%, а на юге – 93,10%. В среднем на одну зараженную особь приходилось $2,2 \pm 0,8$ вида гельминтов. Это можно объяснить тем, что на севере условия обитания для енотовидной собаки более схожи с таковыми на Дальнем Востоке, откуда этот вид был интродуцирован в Беларусь. И как следствие, пораженность ее гельминтами в этом регионе оказалась более высокой.

При анализе биологической структуры гельминтоценоза енотовидной собаки отмечается подавляющее доминирование биогельминтов над геогельминтами. Такая же картина отмечается и при изучении биологической структуры гельминтоценоза других видов собачьих, что связано с экологическими особенностями данных хищников, в частности большими ареалами обитания и невысокой плотностью популяций. При анализе биологической структуры в зависимости от цикла развития паразита в гельминтоценозе енотовидной собаки, как у волка, лисицы и домашней собаки, отмечается доминирование биогельминтов с циклом развития, включающего одного промежуточного хо-

зяина (40%), и биогельминтов, развивающихся через двух промежуточных хозяев (20%).

Зараженность енотовидных собак гельминтами различных классов по климатическим зонам показана в табл. 1.

Из нее видно, что в северной части республики из 43 обследованных животных заражены трематодами – 33 (76,74%), цестодами – 20 (46,51%) и нематодами – 36 (83,72%); из 29 животных на юге заражены трематодами – 26 (89,66%), цестодами – 21 (72,41%), нематодами – 26 (89,66%) и акантоцефалами – 2 (6,9%). При смещении к югу можно отметить некоторое увеличение количественных показателей в гельминтоценозе, что вполне логично было бы объяснить теми же причинами, что и у перечисленных выше хищников (более мягкие климатические условия, высокая плотность популяций промежуточных и резервуарных хозяев гельминтов).

Таблица 1

**Количество исследованных енотовидных собак
и их зараженность гельминтами**

ЗОНЫ БЕЛАРУСИ	ПОЛНОЕ ГЕЛЬМИНТОЛОГИЧЕСКОЕ ВСКРЫТИЕ						
	Кол-во вскрытых собак	Кол-во зараженных собак	% заражения	ИЗ НИХ ЗАРАЖЕНО			
				трематодами	цестодами	нематодами	акантоцефа- лами
Север	43	41	94,44	33 (76,74%)	20 (46,51%)	36 (83,72%)	–
Юг	29	27	95,34	26 (89,66%)	21 (72,41%)	26 (89,66%)	2 (6,9%)
ВСЕГО	72	68	93,10	59 (81,94%)	41 (56,94%)	62 (86,11%)	2 (2,78%)

Из табл. 2 видно, что структура гельминтоценоза енотовидной собаки, как и у других представителей семейства собачьих (домашняя собака, лисица, волк), характеризуется низкой выравненностью видов гельминтов и доминированием двух представителей. Из класса нематод *Trichinella spiralis*, larvae (40,28%) и из класса трематод *Alaria alata* (80,56%; в личиночной форме – 37,50%). Помимо этого часто встречались *Thomix aerophilus* (19,44%) и *Spigometra erinacei*, larvae (25%). Более частая встречаемость именно этих видов гельминтов объясняется отмеченной выше трофической специфичностью енотовидной собаки. Основная масса видов гельминтов регистрировалась достаточно редко.

При анализе гельминтоценоза на севере и юге республики замечено, что встречаемость гельминтов на севере несколько выше (95,34% против 93,10% на юге). Это мы объясняем тем, что именно на севере республики сложились наиболее оптимальные условия не только для этого интродуцированного вида, но и для всего спектра его гельминтов, а также наличием в фауне гельминтов енотовидной собаки в основном тех видов гельминтов, встречаемость которых выше на севере, чем на юге, и у других видов хищных, что опять подтверждает предположение о более благоприятных условиях северной зоны Беларуси для развития именно этих видов паразитов.

Помимо этого в гельминтоценозе енотовидной собаки как на севере, так и на юге отмечается наличие одних и тех же доминирующих видов гельминтов:

Trichinella spiralis (larvae), *Alaria alata* и *Spirometra erinacei* (larvae). Но на севере страны вид *Spirometra erinacei* все же переходит из разряда доминирующих в субдоминанты, чему способствуют более мягкие климатические условия, наиболее подходящие для широкого распространения и развития этого паразита.

Таблица 2

Встречаемость и интенсивность гельминтозной инвазии у енотовидной собаки (n = 72)

Вид паразита	Кол-во пораженных	Встречаемость, %	Интенсивность инвазии min-max (X)
Класс Trematoda Rudolphi, 1808			
<i>Alaria alata</i> (Goeze, 1782)	58	80,56	25–698 (425)
<i>Alaria alata</i> , larvae	27	37,50	1–12 (4)*
<i>Pseudamphistomum truncatum</i> (Rudolphi, 1819)	6	8,33	2–6 (3)
<i>Euparyphium melis</i> (Schrank, 1788)	1	1,39	5
<i>Opisthorchis felineus</i> (Rivolta, 1884)	5	6,94	2–5 (3)
Класс Cestoda Rudolphi, 1808			
<i>Spirometra erinacei</i> , larvae (Rudolphi, 1819)	18	25,00	2–12 (3)
<i>Dipylidium caninum</i> (L., 1758)	6	8,33	2–6 (3)
<i>Taenia crassiceps</i> (Zeder, 1800)	6	8,33	2–10 (5)
<i>Taenia pisiformis</i> (Bloch, 1780)	3	4,17	2–4 (3)
<i>Taenia hydatigena</i> (Pallas, 1766)	4	5,56	1–5 (3)
Класс Nematoda Rudolphi, 1808			
<i>Crenosoma vulpis</i> (Rudolphi, 1819)	10	13,89	3–20 (9)
<i>Uncinaria stenocephala</i> (Railliet, 1884)	9	12,50	5–15 (7)
<i>Ancylostoma caninum</i> (Ercolani, 1859)	4	5,55	4–8 (6)
<i>Toxascaris leonina</i> (Linstow, 1902)	3	4,17	2–6 (3)
<i>Toxocara canis</i> (Werner, 1782)	5	6,94	2–8 (4)
<i>Thomix aerophilus</i> (Creplin, 1839)	14	19,44	1–14 (4)
<i>Capillaria plica</i> (Rudolphi, 1819)	8	11,11	2–35 (5)
<i>Capillaria putorii</i> (Rudolphi, 1819)	4	5,55	1–6 (3)
<i>Trichinella spiralis</i> , larvae (Owen, 1835)	29	40,28	4–52 (12)*
<i>Molineus patens</i> (Dui., 1845)	2	2,78	2–6 (3)
Класс Acanthocephala Rudolphi, 1801			
<i>Macracanthorhynchus catulinus</i> (Kostylew, 1927)	2	2,78	1–3 (2)

* – количество личинок в 48 срезах.

Проведенные исследования позволили выявить у енотовидной собаки гельминтоценоз, включающий 20 видов паразитических червей.

Наиболее распространенными гельминтозами енотовидной собаки в Беларуси являются: аляриоз (80,56%), спарганоз (25%), томинксоз (19,44%) и трихинеллез (40,28%).

Все зарегистрированные виды гельминтов могут паразитировать не только у енотовидной собаки, но и у сельскохозяйственных животных

и человека, тем самым имея большое эпизоотологическое и эпидемиологическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Петровский, Ю.Т.** Популяция енотовидной собаки в Белорусском Поозерье / Ю.Т. Петровский // Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира Белоруссии: тезисы 4 зоологической конференции. – Минск, 1976. – С. 120–121.
2. **Сидорович, В.Е.** Питание и взаимоотношения хищных в Белоруссии / В.Е. Сидорович // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. біял. навук. – Минск, 1991. – 98 с. – Деп. в ВИНТИ 02.04.91, № 1431-B91.
3. **Schuster, R.** Untersuchungen zur Endoparasitenfauna des Marderhundes *Nyctereutes procyonoides* / R. Schuster, K. Schierhorn, D. Heidecke // GRAY, 1834 in Ostdeutschland. Beitrage zur Jagd und wildforschung. – 1995. – Bd. 18. – P. 85–87.
4. **Viro, P.** Food composition of the raccoon dog *Nyctereutes procyonoides* Grey, 1834 in Finland / P. Viro, H. Mikkola // Z. Saugetierkunde. – 1981. – Jsfo 46. – P. 20–26.
5. **Шималов, В.Т.** Гельминтофауна пушных зверей, акклиматизированных в Белоруссии / В.Т. Шималов, В.В. Шималов // 9 Международная конференция Украинского паразитологического общества. – Киев, 1980. – Ч. 4. – С. 170–171.
6. **Карасев, Н.Ф.** Гельминтофауна млекопитающих Березинского заповедника / Н.Ф. Карасев // Березинский заповедник. – Минск: Ураджай, 1970. – Вып. 1. – С. 155–179.
7. **Карасев, Н.Ф.** К изучению гельминтофауны енотовидной собаки в Березинском заповеднике / Н.Ф. Карасев // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. – 1965. – № 1. – С. 124–127.
8. **Карасёў, М.П.** Да вивучэння гельмінтафауны янотападобнага сабакі ў Бярэзінскім дзяржаўным заапарку / М.П. Карасев // Известия АН БССР. – 1966. – № 1. – С. 124–127.
9. **Карасев, Н.Ф.** Sparganum spirometra erinacei у енотовидной собаки и хорьков в Березинском заповеднике / Н.Ф. Карасев // II Зоологическая конференция Белорусской ССР: тезисы докладов. – Минск: АН БССР, 1962. – С. 149–150.
10. **Шималов, В.Т.** Значение диких млекопитающих Белоруссии в распространении некоторых гельминтозов у человека и домашних животных / В.Т. Шималов // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. – 1965. – № 1. – С. 120–123.
11. **Maran, T.** Diet of two species of mink in Estonia: displacement of *Mustela lutreola* by *Mustela vison* / T. Maran, D.W. Macdonald // II J. Zool. – 1998. – № 245. – P. 218–222.
12. **Jedrzejewska, B.** Predation in Vertebrate communities / B. Jedrzejewska, W. Jedrzejewski // The Bialowieza Primeval Forest as a Case Study. – Berlin: Springer, 1998. – P. 450.

S U M M A R Y

In the Republic of Belarus 20 species of helminthes were revealed in dogs. Alariosis (80,56%), sparganosis (25%), thominxosis (19,44%), trichinellosis (40,28%) are the most wide spread infections; eupyrophiosis (1,39%), molineosis (2,78%), toxascariasis (4,17%), macracanthorhynchosis (2,78%) are spread in less proportions. At the same time *Taenia crassiceps* has been registered in Belarus for the first time.

Поступила в редакцию 7.02.2008

Макро- и микрокомпоненты бизнес-плана предприятия

При разработке бизнес-плана предприятия (фирмы) как в сфере производства, так и в сфере услуг приходится учитывать множество факторов, которые в той или иной степени будут влиять на экономические показатели его функционирования. От бизнес-плана до выпуска продукции (оказания услуг) и получения положительного экономического результата учредителю предприятия предстоит некоторые стандартные этапы, определенные законодательными и ведомственными нормативными документами. Успешность и длительность прохождения этих этапов в значительной степени определяются уровнем необходимых знаний и инновационными возможностями учредителя, профессиональной подготовкой привлекаемых специалистов, а также другими внешними и внутренними факторами среды функционирования предприятия. Положительные результаты в экономике предприятия не всегда достигаются одновременно с достаточным уровнем знаний его учредителя, руководства и персонала на микроуровне, но и во многом, а в ряде случаев существенно, обусловлены микросредой. Специфика стран с так называемой переходной экономикой обусловила некоторые особенности в подходах к составлению бизнес-планов в отличие от стран с ранее сформированной рыночной структурой хозяйствования. Например, структура и пропорциональный состав специалистов с высшим, средним специальным и профессионально-техническим образованием отрегулировались рынком и не подвержены массовым количественным и качественным применениям. Налоговое законодательство, условия регистрации и ликвидация предприятий также отличаются долговременной стабильностью.

В Республике Беларусь, как и в других постсоветских странах, в 90-х гг. прошлого столетия наиболее ощутимо переход к рыночной экономике проявился в массовом обучении и переобучении населения специальностям «Менеджмент», «Экономика», «Правоведение», «Маркетинг», «Международная торговля» и «Международные экономические отношения». При этом процесс обучения в подавляющем количественном преимуществе проходил и проходит до настоящего времени в сфере высшего образования. Среднее специальное образование потеряло общий контингент обучаемых по этим специальностям. Однако на специальности, нацеленные на сферы экономики по производственным направлениям (особенно строительство, электроника, машиностроение, энергетика, легкая промышленность), возрастает интерес среди молодежи. Это выразилось в значительном дефиците инженерно-технических специалистов и менеджеров-профессионалов среднего звена.

Подготовка рабочих на уровне профессионально-технического образования, из которых они должны формироваться, настолько изменилась, что ее состояние можно назвать близким к катастрофическому.

В настоящей работе анализируется роль внешних и внутренних факторов на этапе бизнес-планирования в зависимости от состояния макро- и микро-

среды функционирования создаваемого предприятия [1]. Излагаемый подход к анализу проблемы может быть рекомендован к использованию начинающим менеджерам и индивидуальным предпринимателям, создающим частные унитарные предприятия.

Схематический процесс функционирования предприятия на макро- (1) и микроуровне (2) условно можно представить в виде составляющих факторов, изображенных на рис. 1.

Рис. 1. Макро- и микрокомпоненты бизнес-плана.

Вначале проанализируем в общем виде эти факторы с акцентом на роль менеджмента соответствующего уровня в положительных результатах функционирования предприятия.

1.1. При создании предприятия одним из принимаемых во внимание факторов является состояние окружающей среды, в том числе географических (климатических) условий региона (страны) и его (ее) экологического состояния. Например, в северных регионах нецелесообразно производить велосипеды, мотороллеры и товары летнеспортивного ассортимента. В то же время в странах с жарким климатом не очень популярным будет производство лыж, снегоходов и прочих товаров и продуктов питания, характерных для северных стран. Не менее важен экологический аспект бизнес-плана, в котором решающая роль принадлежит влиянию деятельности создаваемого предприятия на окружающую среду. Это и размещение предприятий в специальных промышленных зонах (регионах), странах и регионах с развитой инфраструктурой в плане переработки твердых бытовых отходов и очистки промышленных сточных вод. Естественно, что для разработки этих разделов бизнес-плана должны приглашаться специалисты-экологи и менеджеры стратегического государственного и регионального уровней. Особенно остро экологическая проблема стоит при экспертизе предлагаемых транснациональными корпорациями вариантов размещения предприятий по переработке ядерных отходов, производства химических реактивов, биологических препаратов и других производств с высоким уровнем высокотоксичных веществ в оборотном водоснабжении. Это же касается и влияния промышленных выбросов на состояние атмосферы и в особенности проблемы известного парникового эффекта.

1.2. Если в первом случае экономические показатели не являются основными элементами бизнес-плана, то уровень развития науки и технологий страны размещения предприятия является одним из определяющих эти показатели факторов. Однако, в данном вопросе есть две стороны, заслуживающие пристального внимания.

1.2.1. Если страна размещения предприятия обладает научно-технологическим и промышленно-интеллектуальным потенциалом для его функционирования, то затраты на запуск предприятия «под ключ» будут минимальными. При покупке технологий, патентов, лицензий и оборудования они будут соответственно возрастать.

1.2.2. В случае импорта оборудования и комплектующих, покупки лицензий и патентов следует руководствоваться дальнесрочной экономической перспективой. В первую очередь возможностью последующего выпуска импортозамещающей продукции, оказания услуг (например, медицинских) современного мирового уровня.

1.3. Непосредственно с предыдущим макрофактором, в наиболее существенной степени определяющим успешную экономику предприятия, не менее важным является фактор наличия рынка труда соответствующего профессионального образовательного профиля и культурно-социальная среда региона, т.е. уровень жизни населения. Очевидно, что в двух предыдущих факторах макросреды функционирования предприятия решающая роль принадлежит специалистам конкретных специальностей и профессий с высшим, средним специальным и профессионально-техническим образованием в прямо пропорциональной зависимости по всем имеющимся направлениям экономики. Т.е. на одного специалиста с высшим образованием должно быть несколько десятков со средним специальным, с примерно таким же соответствием специалистов среднего звена к числу представителей рабочих профессий.

Это же относится соответственно и к менеджменту стратегического, тактического и исполнительного звеньев. Уровень же социально-бытовых условий, медицинского и культурно-развлекательного обслуживания населения региона (страны) определяется в основном размером доходов населения. Последние в свою очередь зависят от высшего государственного менеджмента, определяющего функционирование правового и налогового законодательства. Руководством высшего звена выбирается экономическая модель государства, часто сочетающая различные формы собственности, а также своевременно реализуются необходимые законодательные инициативы в рамках действующей конституции и формы государственного устройства. Например, плоская и низкая по сравнению с другими странами шкала подоходного налога, принятая в Российской Федерации, способна существенно повысить социально-бытовой уровень основной массы населения за счет повышения собираемых налогов. В первую очередь это вызвано тем, что от собираемых налогов напрямую зависит как уровень образования, так и социально-бытового (включая медицинское) обеспечения населения. Между тем учащаяся молодежь, пенсионеры и нетрудоспособный контингент составляют все более и более значительную часть населения в подавляющем большинстве стран.

1.4. Таким образом, приходим к выводу, что все три вышеуказанных фактора макросреды функционирования предприятия полностью определяются интеллектуально-стратегическим менеджментом в лице руководства государством и его регионами. Ими формируются правовое и налоговое законодательства, значение которых при разработке бизнес-плана является решающим фактором для принятия решения о создании предприятия. В этой связи в отличие от Российской Федерации в Республике Беларусь созданы более благоприятные условия для создания успешных предприятий, например:

- начата работа по переходу к плоской шкале подоходного налога, упрощению налогового законодательства и снижению налога на добавленную стоимость (НДС) [2];
- принят ряд законодательных актов о создании свободных экономических зон, льготных условий для развития предпринимательства в малых и средних городах, строительства и обустройства агрогородков;
- большое внимание уделяется культурно-бытовому и спортивному обеспечению досуга населения, качеству медицинских услуг, санаторно-оздоровительному комплексу.

После создания предприятия его основное функционирование происходит на уровне микросреды с традиционными производственно-управленческими компонентами 2.1–2.6. С внешними факторами связан преимущественно учредитель, который в свою очередь является законодательным органом для генерального менеджера (руководителя) предприятия. Он же принимает меры для научного и инновационного обеспечения предприятия, в значительной степени влияет на экономическую политику предприятия во взаимоотношениях с конкурентами, поставщиками и потребителями продукции (услуг). При достаточном уровне менеджмента предприятия последнее влияние может дифференцироваться в той или иной степени, в том числе и в сторону увеличения степени автономности менеджмента относительно учредителя.

Зачастую функции того и другого совмещены. В мировой практике имеется тенденция поощрения наиболее успешных менеджеров частью доли в собственности предприятия.

Функционирование элементов предприятия на уровне макросреды не требует пояснений, что очевидно из их назначения. Производственный менедж-

мент и рабочий процесс функционирования происходят внутри предприятия, а комплектация, маркетинг, продажи и взаимоотношения с заказчиками (потребителями) и конкурентами – вне его. Схематически потоки учитываемой информации изображены на рис. 2.

В заключение отметим, что окончательное решение об открытии предприятия на основе бизнес-плана принимается с одновременным учетом макро- и микрокомпонентов. Можно утверждать, что, акцентируя внимание на вышеизложенных факторах при разработке бизнес-плана предприятия, можно добиться значительно большего положительного эффекта в его экономических показателях, чем при учете только традиционных маркетинговых исследований.

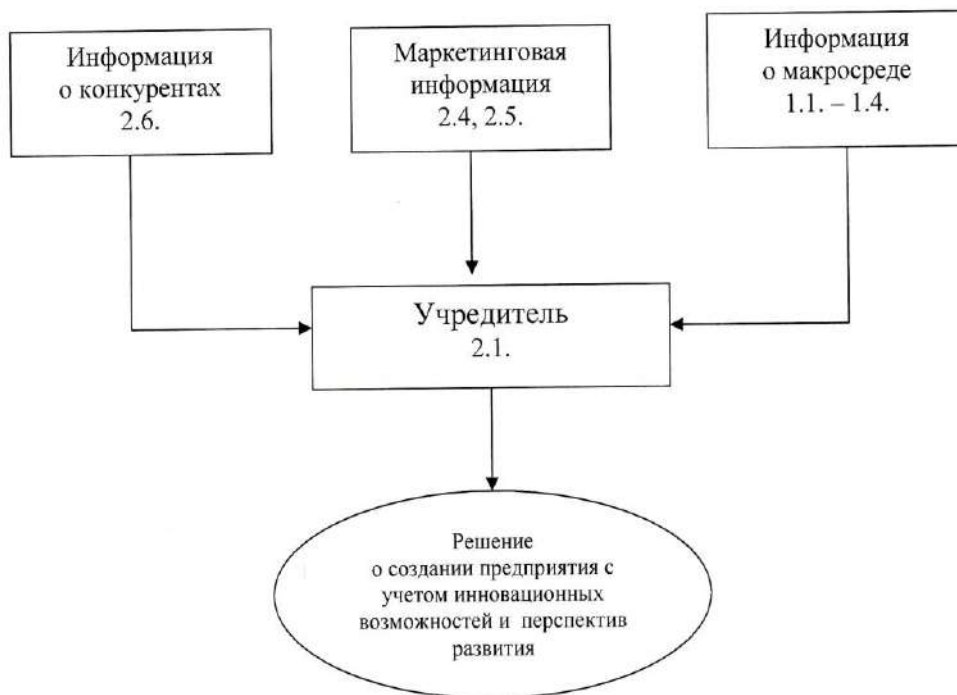

Рис. 2. Схема принятия решения об открытии предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ключников, А.С.** Политэкономика – стратегический менеджмент государства в переходный период / А.С. Ключников // Scientific and Technical Information in Central and eastern Europe: сборник статей XII Международного семинара, Zakopane, 21–24 May, 2003. – Закопане, 2003. – С. 29–33.
2. **Ключников, А.А.** Профессионализация менеджмента как фундамент экономической науки на рубеже столетий / А.А. Ключников, А.С. Ключников // X(55) Региональная научно-практическая конференция преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов: сборник статей, Витебск, апрель 2008 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Л. Гладков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2008. – С. 370–371.

S U M M A R Y

The role of internal and external facts on the stage of the decision on opening the business is analyzed in the article. The author proposes to take into account not only marketing research but also legislation, the level of society development and environmental factors.

Поступила в редакцию 28.05.2008

В.В. Трущенко

Новые спортивные тренажеры для совершенствования двигательных способностей студентов

Использование тренажерных устройств в спорте и в других видах двигательной деятельности человека не только оправдано, но и целесообразно с точки зрения поиска и разработки новых эффективных направлений и способов самосовершенствования для достижения более высоких результатов в условиях жесткой конкуренции.

Перед нами стояла задача повышения эффективности тренировки за счет дозирования физической нагрузки в зависимости от уровня физической подготовленности тренирующегося. Разработанное нами устройство относится к спортивным тренировочным устройствам, и может быть использовано на спортивных сооружениях для оборудования спортивных и тренажерных залов. Область применения устройства – тренировка мышц нижней части туловища человека.

Тренажерное устройство (рис. 1) состоит из пульта управления (1) и платформы (4), на которой размещены электрический двигатель (2), соединенный с редуктором (3). На шкиве редуктора расположена площадка (6) для крепления гимнастических палок или трубок. Площадка сконструирована таким образом, что при остановке или фиксации гимнастических палок вал редуктора продолжает вращаться. Скорость вращения двигателя и соответственно платформы на редукторе регулируется латром с пульта управления (схема пульта управления приведена на рис. 1). Высота платформы регулируется четырьмя стойками (5).

Устройство работает следующим образом. Тренирующийся находится в исходном положении – основной гимнастической стойке (положение рук указывается дополнительно – на пояс, за голову и т.д.). При вращении зафиксированных в горизонтальном положении гимнастических палок (7) он выполняет прыжки вверх на месте с перепрыгиванием через них. За один оборот горизонтальной плоскости тренирующийся выполняет от одного до четырех прыжков.

При увеличении количества гимнастических палок (от 1 до 4), регулировании скорости их вращения и высоты горизонтальной плоскости (платформы) осуществляется дозирование физической нагрузки.

Разработанное устройство позволяет повысить эффективность скоростно-силовой тренировки мышц нижней части туловища человека за счет дозирования физической нагрузки в зависимости от уровня физической подготовленности тренирующегося, а также расширяет функциональные возможности, повышает моторную плотность занятия за счет одновременной тренировки нескольких человек.

На рис. 2 показана модифицированная нами гимнастическая лестница, относящаяся к спортивному инвентарю, в частности, к устройствам для тренировки мышц тела и коррекции деформации позвоночного столба человека. Гимнастическая лестница может быть использована для оснащения спортивных залов и помещений, квартир и детских игровых комнат. Недостатком известных аналогов являются их ограниченные эксплуатационные возможности.

Решаемая нами задача – совершенствование конструкции гимнастической лестницы с целью повышения эффективности выполнения упражнений для тренировки различных мышечных групп, коррекции деформации позвоночного столба человека.

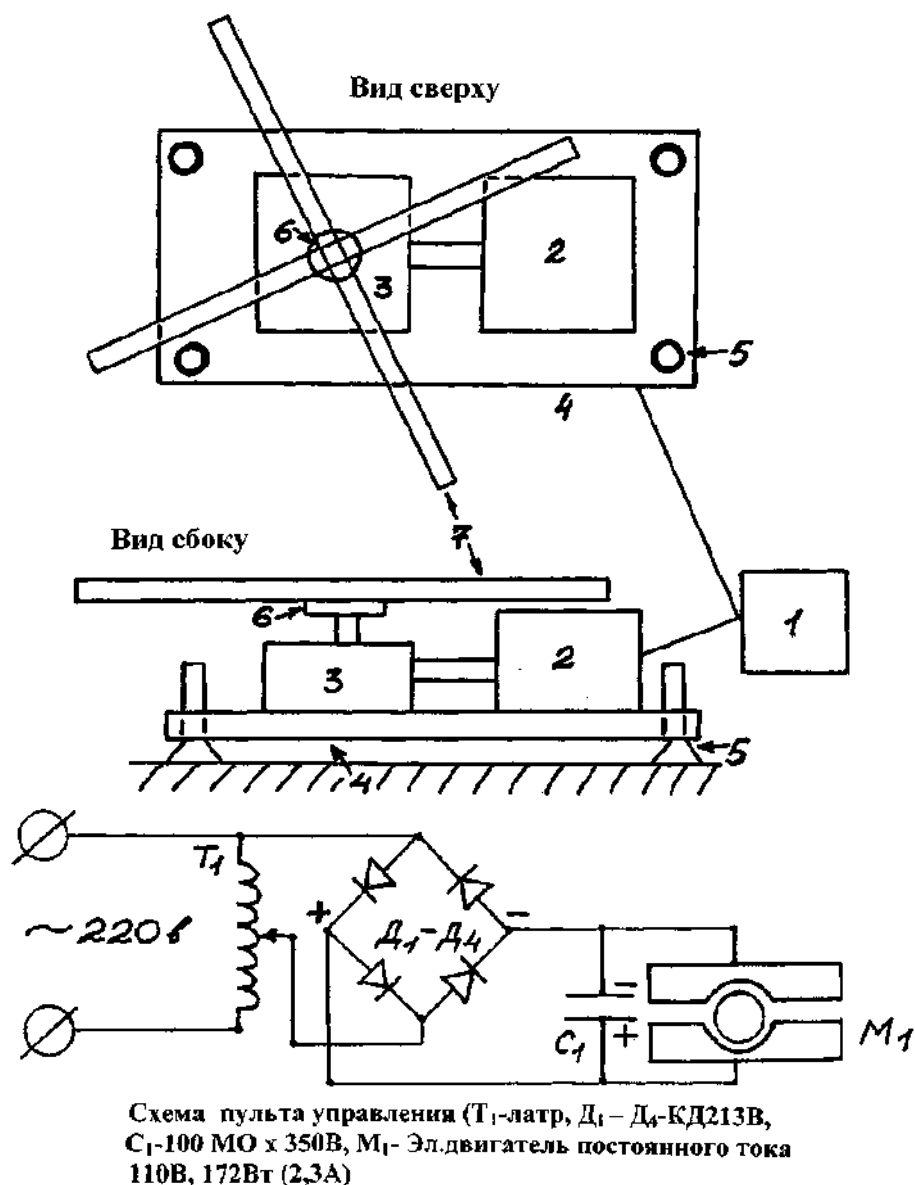

Рис. 1. Устройство для тренировки мышц нижней части туловища человека.

Решением задачи является то, что в гимнастической лестнице, включающей вертикальные стойки и перекладины, последние смещены дугообразно относительно вертикальной плоскости, начиная с верхней трети гимнастической лестницы.

Тренировка мышц тела и коррекция деформации позвоночного столба человека происходят из исходного положения «вис, спиной к гимнастической лестнице», хватом руками за верхнюю перекладину. В таком положении при выполнении двигательных действий происходит принудительное выпрямление позвоночного столба человека и коррекция его осанки. Гимнастическая лестница промышленно применима, т.к. изготавливается на стандартном оборудовании. Исходным материалом является дерево.

Известен спортивный снаряд, используемый для развития силовых способностей человека – спортивная гиря [1]. Она представляет собой цельнометалличе-

ский грушевидный снаряд, состоящий из тела и ручки. Недостатком прототипа является то, что ручка неподвижна относительно тела гири. Это способствует возникновению травматизма при выполнении упражнений с гирей, снижает эффективность ее эксплуатации [2].

Задача совершенствования конструкции спортивной гири решена в том, что центральная часть ручки выполнена подвижно с возможностью горизонтального осевого вращения. На рис. 3 показан внешний вид гири с вертикальным разрезом в области ручки,

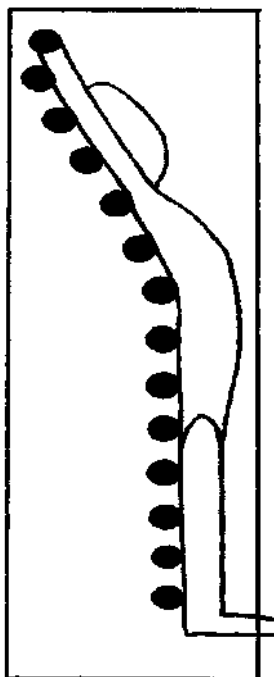

Рис. 2. Гимнастическая лестница (вид сбоку).

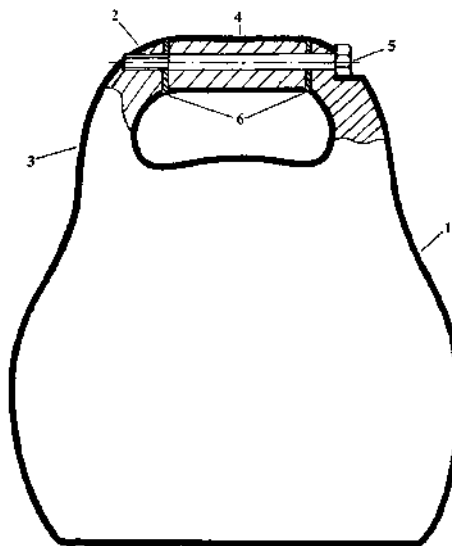

Рис. 3. Гиря спортивная.

где 1 – тело гири, 2 – ручка, 3 – основание ручки, 4 – центральная часть ручки, 5 – винт, 6 – шайба.

Тренировка силовых способностей человека происходит при выполнении упражнений с гирей верхним или нижним хватом за вращающуюся ручку из различных исходных положений. При выполнении двигательных действий кисть и запястье руки остаются в статичном положении, что приводит к снижению травматизма и повышению эффективности выполняемых упражнений за счет увеличения их количества и тренировки в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Горбов, А.М.** Гиревой спорт / А.М. Горбов. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007. – 191 с.
2. **Поляков, В.А.** Гиревой спорт: метод. пособие / В.А. Поляков, В.И. Воропаев. – М.: Ф и С, 1988. – 80 с.

S U M M A R Y

The work deals with a training device for practicing muscles of the lower part of the body and also modified variants of gymnastic stairs and a sport weight.

Поступила в редакцию 21.11.2008

Г.М. Мезенка

Уласныя імёны беларусаў на славянскім фоне

Уласныя імёны ў часе і прасторы / В.В. Шур. – Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2008. – 100 с.: іл. Тыр. 4500 экз.

Не згасе цікавасць чалавека да ўласнага імені. «Імя чалавеку даецца адразу ж пры яго нараджэнні і з малаком мацеры, як кажуць, пераймаецца істотаю на ўсё жыццё, да самага скону. Яно заслугоўвае, каб яго шанавалі...» – гэтымі словамі Янкі Скрыгана адкрываецца навукова-папулярнае выданне вядомага беларускага анамаста В.В. Шура, прысвечанае разгляду ўласных імён у часе і прасторы.

Гэта кніга з'явілася вынікам шматгадовай працы аўтара, пра якую чытач можа меркаваць па папярэдніх выданнях: «3 гісторыі ўласных імёнаў» (Мінск, 1993), «Беларускія ўласныя імёны» (Мінск, 1998), «Анамастычная лексіка ў беларускай мастацкай літаратуры» (Мінск, 2002), «Онiм у мастацкім тэксце» (Мінск, 2006). Сваю мэту аўтар бачыў у неабходнасці пазнаёміць чытачоў з «інфармацыяй аб асаблівасцях беларускай анамастыкі, пра яе месца і ролю ў сістэме ўласных імёнаў усходнеславянскіх народаў; расказаць, як узніклі імя і прозвішча, адкуль бяруць вытокі назвы паселішчаў – вёсак, мястэчкаў, гарадоў». Такім чынам, аб'ектам даследавання сталі антрапонімы і тапонімы.

Кніга ўключае прадмову (с. 4–5), тры главы (першая прысвечана імёнам «Ля вытокаў нашых імёнаў» – с. 7–14; другая – прозвішчам «3 гісторыі беларускіх прозвішчаў – с. 15–47; трэцяя – тапонімам «3 гісторыі беларускіх тапонімаў» – с. 48–91»), спіс найбольш вядомых беларускіх імён (с. 92–96), спіс літаратуры (с. 97–99). Замест уводзін прыведзены верш Пятруся Броўкі пра назвы гарадоў, рэк, сёл («Яны даспадобы мне»).

У прадмове аўтар абгрунтоўвае неабходнасць з'яўлення гэтай кнігі, закліканай пашырыць веды школьнікаў пра Беларусь, яе гісторыю, культуру, прыродныя ўмовы і інш.

Асноўная частка кнігі складаецца з трох глаў, якія прысвечаны галоўным анамастычным адзінкам – імёнам, прозвішчам і назвам паселішчаў. Нельга не адзначыць, што падобны выбар тыпаў онімаў не толькі лагічны, але і ўлічвае адрасата – найперш школьнікаў.

У першай главе расказана пра сутнасць уласнага імені, нашы першыя імёны. Асобна аўтар вылучае вынікі ўзаемадзеяння ўласных імён. В.В. Шур спыняецца на асабліва ўжывальных імёнах, прыводзіць спісы самых распаўсюджаных мужчынскіх (*Аляксей, Сяргей, Максім, Нікіта, Яўген*) і жаночых (*Вольга, Таццяна, Кацярына, Юлія*) імён; аналізуе асобныя матывы, якімі кіраваліся беларусы пры выбары імені нованароджанаму. Напрыклад, не давалі імён памерлых дзяцей, баючыся, што іх можа напаткаць той жа лёс; пазбягалі даваць імёны вядомых паблізу людзей з дрэннымі якасцямі характару – п'яніц, гультаёў і інш.

На фоне вялікай колькасці прыведзеных прыкладаў уяўляецца пераканаўчай і думка пра тое, што спосаб утварэння жаночых імён ад аднакаранёвых мужчынскіх для беларускай мовы з'яўляецца больш тыповым і прадуктыўным, чым для рускай: *Пятро – Пятруня, Васіль – Васіліна, Алесь –*

Алеся, Антон – Антаніна, Міхал – Міхаліна, Мар'ян – Мар'яна, Сцяпан – Сцепаніна, Еўдакім – Еўдакія, Стэфан – Стэфанія, Стась – Стася, Усцін – Усціна, Ян – Яніна, Фёдар – Фядора, Браніслаў – Браніслава, Канстанцін – Канстанцыя, Серафім – Серафіма і інш.

Адметнасць першых нашых прозвішчаў, мянушак, асаблівасці ўзаемаўплыву беларускіх і замежных прозвішчаў, межы бытвання прозвішчных тыпаў разглядаюцца ў другой главе кнігі. Асобныя беларускія прозвішчы маюць адносіны да старажытных назваў язычніцкіх багоў, міфалагічных істот, нячысцікаў: *Велес, Грамоўнік, Гром, Мароз, Падвей, Ваўкалак, Пярун, Мор, Зюзя, Бог, Лёля, Цёця, Лясун, Бялун, Вадзянік, Палявік, Чура* і падобныя. Аўтар падкрэслівае, што такія найменні міфалагічных істот маглі выступаць і ў якасці ўласных імён людзей, якім чалавечай фантазіяй прыпісваліся пэўныя якасці міфалагічных істот. А ў пазнейшыя часы такія імёны «станавіліся прозвішчамі без усялякіх змяненняў ці словамі, на аснове якіх пры дапамозе разнастайных словаўтваральных сродкаў з'явіліся некаторыя сучасныя прозвішчы»: *Веляскевіч, Багавік, Зюзька, Чарткоў* і інш.

Своеасаблівымі «цытатамі з рэальнага нацыянальнага анамастыкону» з'яўляюцца ўласныя імёны ў творах беларускай мастацкай літаратуры. Таму сёмы параграф другой главы прысвечаны разгляду імён і прозвішчаў у мастацкай літаратуры і фальклору. Асобна пра беларускія псеўданімы расказваецца яшчэ ў адным параграфі гэтай часткі. Выбар псеўданімаў, сапраўды, «не заўсёды да канца разгаданая загадка». Вось В.В. Шур і дапамагае ў разгадцы некаторых з іх.

У наш час нярэдка можна сустрэць знявечаныя, скажоныя ў напісанні і вымаўленні прозвішчы і назвы населеных пунктаў накшталт *Козел* замест *Казёл*, *Ліозна* замест *Лёзна* і да т.п. Таму самай станоўчай адзнакай заслугуе ўключэнне ў другую і трэцюю часткі кнігі параграфаў пра скажоныя беларускія прозвішчы і географічныя назвы, дзе адлюстраваны клопат вучоных-лінгвістаў, у тым ліку анамастаў, гісторыкаў, настаўнікаў, пісьменнікаў, дзеячаў культуры, пра захаванне нацыянальнай спецыфікі ў беларускіх антрапанімах і тапонімах.

Параграф пра спецыфіку некаторых беларускіх прозвішчаў таксама скіраваны на выхаванне павагі да духоўнай спадчыны беларускага народа.

Трэцяя частка прысвечана тапонімам і іх гістарычнаму мінуламу. У гэтай частцы аўтар аналізуе народную і навуковую этымалогію, месца тапанімікі сярод сумежных навук, тыпы паселішчаў і іх назвы, змены ў тапаніміі і іх вынікі, тапонімы-вандроўнікі.

Выклікае цікавасць і спіс найбольш вядомых беларускіх імён, у якім указваецца іх паходжанне, значэнне апелятываў, ад якіх яны ўтварыліся, размоўныя варыянты. Шкада толькі, што не да ўсіх імён прыведзены варыянты альбо прыведзена іх вельмі мала. Напрыклад, па дадзеных М.В. Бірылы (гл.: *Беларуская антрапанімія. Структура ўласных мужчынскіх імён*. Мінск, 1982), імя *Іван* у беларусаў выкарыстоўваецца ў 78 варыянтах, а ў кнізе іх адзначана толькі 6.

Завяршае кнігу бібліяграфічны спіс літаратуры па галоўных раздзелах анамастыкі, найперш беларускай.

Пры агульнай высокай якасці лінгвістычнага аналізу ў кнізе сустракаюцца асобныя фрагменты, у якіх мільгаюць няпэўнасці таго ці іншага кшталту. Так, наўрад ці можна пагадзіцца з аўтарам адносна беларускага паходжання імён *Вераніка* (ад назвы зёлкі *вераніка* – крынічнік), *Мальвіна* (ад назвы кветкі), *Галіна* (ад назвы бакавога адростка на ствале дрэва, сука з веццем).

У якасці парады адзначым, што, улічваючы існуючыя публікацыі, можна было пазнаёміць чытачоў з матывамі выбару імён нованароджаным, якімі кіруюцца нашы сучаснікі. Увогуле ж даследаванне В.В. Шура будзе вельмі карысным не толькі для школьнікаў, іх настаўнікаў, а і для ўсіх тых, хто цікавіцца беларускай культурай.

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ: научно-методическое пособие / А.В. Русецкий [и др.]. – Минск: ГУ «БелИСА», 2008. – 184 с. Тираж 215 экз.

Издание посвящено рассмотрению мировоззренческих проблем инновационной деятельности, включая философско-методологические и социально-этические проблемы научно-технологического развития, а также политико-психологические проблемы государственного регулирования этого развития; проблемы формирования инновационного сознания; социально-психологические проблемы инновационного менеджмента и инновационного маркетинга.

Пособие предназначено для научных, инженерных, производственных и административных работников, занимающихся вопросами инновационной деятельности. Оно также может быть полезно аспирантам, магистрантам и студентам естественнонаучных, технических и экономических факультетов высших учебных заведений.

Книга подготовлена под общей редакцией доктора исторических наук, профессора А.В. Русецкого. Участие соавторов в написании книги выразилось следующим образом: предисловие – А.В. Русецкий, Главы 1–3 – А.В. Русецкий, Н.К. Толочко, глава 4 – В.И. Дынич, Главы 5, 6 – А.П. Гришанович, Н.К. Толочко.

А.И. Матенюк

ГЕРМАНИЯ В 1918–1919 гг.: РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ: монография / В.А. Космач. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 169 с. Тираж 100 экз.

Данная монография посвящена германской истории 1918–1919 гг. Германия и немцы в те годы переживали один из самых драматических моментов в своей истории. Под влиянием военных поражений и неудач на фронтах Первой мировой войны, вызвавшей серьезные экономические и социальные катаклизмы к началу 1917 г., а также под давлением «низов» и формирующихся либерально-демократических сил в Германии в ноябре 1918 г. разразилась революция, вошедшая в германскую историю под названием Ноябрьская революция 1918–1919 гг.

По своему характеру, движущим силам и политическим последствиям это была народно-демократическая революция, в ходе которой рухнула кайзеровская монархия и установилась демократическая республика, известная в новейшей истории Германии как Веймарская республика.

Предлагаемое издание может быть использовано в учебном процессе и научно-исследовательской работе студентами, магистрантами, аспирантами и преподавателями специальностей историко-гуманитарного профиля.

В.М. Шорец

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ В XVI–XX ВЕКАХ (историко-географический анализ): монография / Г.И. Пиловец. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – 140 с.: ил. Тираж 100 экз.

С использованием историко-географического подхода проведен анализ хозяйственного освоения территории Витебской области, разработана классификация антропогенных воздействий на ландшафты, выделено шесть этапов хозяйственного освоения территории Витебской области в XVI–XX вв. Получены таблицы, рисунки, отражающие особенности земельных отношений, землевладения и землепользования, хозяйственного освоения территории Витебской области на разных этапах и их влияние на изменение ландшафтов.

Первая глава монографии раскрывает проблемы современных физико-географических исследований геосистем, ландшафтов, земельных ресурсов. Вторая и третья главы посвящены региональному анализу исторического процесса освоения территории и изменения ландшафтов Витебщины. Материал излагается способом «исторического среза». Основным способом исследования является географическая интерпретация архивных документов. Определенный интерес к изучению влияния природных условий на развитие землепользования и земледелия проявляют многие исследователи различных отраслей знания. В работе предпринята попытка анализа и обобщения исторических сведений о природопользовании на ландшафтной основе.

В работе предпринята попытка анализа и обобщения исторических сведений о природопользовании на ландшафтной основе.

А.Н. Галкин

УЧИМСЯ ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ: 8 класс. Энергоэффективность: современное энергетическое производство: учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / **И.В. Галузо, И.Н. Потапов**; под ред. И.В. Галузо. — Минск: Аверсэв, 2008. — 207 с.: ил. — (Библиотека учителя). Тираж 3100 экз.

УЧИМСЯ ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ: 9 класс. Энергоэффективность: производственное и бытовое энергосбережение: учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / **И.В. Галузо, В.А. Байдаков, И.Н. Потапов**; под ред. И.В. Галузо. — Минск: Аверсэв, 2008. — 240 с.: ил. — (Библиотека учителя). Тираж 3100 экз.

УЧИМСЯ ЭКОНОМИИ И БЕРЕЖЛИВОСТИ: 10 класс. Энергоэффективность: энергопользование и экология: учеб.-метод. пособие для учителей общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / **И.В. Галузо, В.А. Байдаков, И.Н. Потапов**; под ред. И.В. Галузо. — Минск: Аверсэв, 2008. — 256 с.: ил. — (Библиотека учителя). Тираж 3100 экз.

Комплект учебно-методических пособий охватывает программу интегрированных факультативных занятий для 8, 9 и 10 классов «Учимся экономии и бережливости». Общей задачей всего курса является формирование целостного представления у школьников о современном мире, его сложностях и противоречиях, о системах взаимосвязи и взаимодействия современного энергетического производства с окружающей средой, а также возникающих в связи с этим глобальных экологических проблемах и возможных путях их решения.

По своей сущности интегрированные программы факультативных курсов с экологическим и энергосберегающим содержанием нацелены не на отдаленное будущее. Это неотъемлемая часть образования, которая уже сейчас должна способствовать ответственному отношению личности и общества в целом к природе, материальным, социальным и духовным ценностям.

Характерной чертой развития общества на современном этапе является все большее вовлечение в хозяйственный оборот природных ресурсов, а также создание новых материалов. В результате хозяйственная деятельность человечества оказывает губительное влияние на окружающую среду. Особенно данная проблема существенна при получении энергии, необходимой для удовлетворения потребностей человечества.

Перед учителем стоит важная задача — воспитание нового поколения, которое, внедряя и используя современные технологии во всех отраслях хозяйства, в то же время будет понимать, что от отношения к имеющимся в распоряжении человека ресурсам будет зависеть не только наше собственное благополучие, но и благосостояние последующих поколений. Формирование понимания глобального (общечеловеческого, планетарного) характера проблемы рационального использования энергии и ее прямой взаимосвязи с экологией и экономикой является важной составляющей гуманитарного образования современного человека.

Несмотря на то, что пособия адресованы школьному учителю, они, пожалуй, вызовут интерес и у широкого круга читателей, так как в настоящее время не найдется человека, который бы не был заинтересован в рациональном использовании топливно-энергетических ресурсов, оздоровлении окружающей среды.

Д.Т. Дубаневич

5–6 февраля 2009 года состоялась XIV (61-я) научная сессия преподавателей, научных сотрудников и аспирантов университета. На ней традиционно были представлены секции философии, экономической теории, педагогики, психологии, иностранных языков, физического воспитания, методики заочного обучения, современной алгебры, методики преподавания математики, прикладной математики и механики, дифференциальных уравнений, информатики, физики и методики преподавания физики и астрономии, а также впервые работали три новые – военного обучения, медико-биологических наук и педагогической психологии. На научную сессию было представлено 512 докладов и сообщений.

На пленарном заседании сессии 6 февраля с докладом «Основные итоги научно-исследовательской работы университета за 2008 год и задачи по дальнейшему совершенствованию научных исследований в 2009 году» выступил первый проректор, доктор физико-математических наук, профессор А.Л. Гладков.

Лучшие доклады по рекомендациям секций планируется опубликовать в сборнике научных работ.

Ф.И. Шкирандо

13 февраля 2009 г. возле памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны преподавателям и сотрудникам университета прошел митинг-реквием, посвященный 20-летию вывода советских войск из Афганистана.

В своем вступительном слове ректор университета профессор А.В. Русецкий подчеркнул историческую значимость этого события и отметил вклад каждого, кто прошел через горнило той необъявленной войны. В свою очередь, председатель совета ветеранов университета подполковник запаса А.И. Матеюн поделился воспоминаниями о той далекой и страшной войне, участником которой ему довелось быть.

В завершение А.В. Русецкий и А.И. Матеюн вручили памятные юбилейные медали бывшим воинам-интернационалистам. Также был организован «круглый стол» с участием студенческого актива и ветеранов войны в Афганистане.

- 20 февраля 2009 г. ВГУ им. П.М. Машерова посетил Чрезвычайный и Полномочный посол Азербайджана в Республике Беларусь, доктор технических наук, профессор Али Теймур оглы Нагиев. Состоялась встреча делегации с руководством университета, студентами, экскурсия в музей художественно-графического факультета. Для студентов и преподавателей в конференц-зале университета Али Теймур оглы Нагиев прочитал лекцию «Азербайджан: вчера, сегодня, завтра».

- 21 февраля в Международный день родного языка, который по решению ЮНЕСКО отмечается ежегодно на протяжении десяти лет, в витебском Центре национальных культур на вечер «Молодежь в диалоге культур» собрались китайские и туркменские студенты, молодые представители еврейского, цыганского и латышского сообществ. А 1 марта 2009 г. иностранные студенты, обучающиеся в нашем вузе, приняли участие в экскурсионном туре «Белорусский народный праздник «Масленица»: прошлое и настоящее» с посещением этнографической деревни XIX века под Могилевом.

А.Н. Фенченко

Ежегодно в Республике Беларусь проводится конкурс на назначение стипендии Президента Республики Беларусь аспирантам, обучающимся на очной форме в государственных учреждениях, обеспечивающих получение послевузовского образования. В этом году эта стипендия назначена четырем аспирантам нашего вуза: И.И. Горлачевой (специальность 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; научный руководитель – доктор педагогических наук, профессор А.П. Орлова), Т.В. Скребневой (специальность 10.02.02 – Русский язык; научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А.М. Мезенко), Н.В. Савельевой и В.В. Шпакову (специальность 01.01.06 – Математическая логика, алгебра и теория чисел; научный руководитель – доктор физико-математических наук, профессор Н.Т. Воробьев).

Т.В. Титова

БОЛЬШАКОВ Николай Егорович

8 марта 2009 г. на 69-м году ушел из жизни декан математического факультета Николай Егорович Большаков.

Н.Е. Большаков родился 20 июня 1940 года в деревне Семенец Полоцкого района Витебской области. В 1958 году окончил Глубокскую СШ № 1 и поступил на физико-математический факультет Витебского педагогического института им. С.М. Кирова.

С 1963 по 1964 г. Н.Е. Большаков работал учителем физики и математики Луневской восьмилетней школы Браславского района. С 1964 по 1967 г. – директор Купишской восьмилетней школы. В 1967–1969 гг. – ассистент кафедры элементарной математики Витебского государственного педагогического института. 1969–1972 гг. – учеба в аспирантуре Белгосуниверситета. В 1972 г. назначен старшим преподавателем кафедры геометрии и математического анализа ВГПИ.

В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию по теории дифференциальных уравнений.

В сентябре 1974 года Н.Е. Большаков переведен на должность доцента и избран деканом физико-математического факультета, а через два года переведен на должность декана математического факультета в связи с разделением факультетов. В 1980–1983 гг. являлся секретарем парткома Витебского государственного педагогического института им. С.М. Кирова.

Н.Е. Большаков был отличником просвещения, неоднократно награждался почетными грамотами института, денежными премиями, получал благодарности. Награжден медалью Франциска Скорины, почетной грамотой Совета Министров Республики Беларусь, а также почетными грамотами Министерства образования, Витебского облисполкома, другими грамотами областного и республиканского значения.

В должности декана Николай Егорович проработал более 35 лет. Под его руководством на математическом факультете была создана научная школа по дифференциальным уравнениям, в которой объединены ученые факультета, а также магистранты и аспиранты. Он – автор более 40 научных работ по качественной и асимптотической теории дифференциальных уравнений, член Национальной академии по автоматическому управлению. По его инициативе в 1996 году на математическом факультете была открыта научная специальность «Прикладная математика».

Центральным звеном в работе Н.Е. Большаков считал качественное обеспечение учебно-воспитательного процесса, выявление талантливых учащихся, студентов, аспирантов, оказание поддержки преподавателям и выпускникам факультета в их дальнейшем научном продвижении. При его непосредственной поддержке были подготовлены четыре доктора наук, которые впоследствии возглавили научные школы, работающие на факультете.

Н.Е. Большаков был инициатором открытия лицейских классов, классов с математическим уклоном, гимназии, проводил большую работу с учителями и учащимися области. Также он способствовал развитию и укреплению связей факультета с предприятиями и учреждениями города и республики, которые занимаются разработкой и внедрением IT-технологий. В последние годы Николай Егорович занимался историей развития математического образования на Витебщине.

Н.Е. Большаков был опытным педагогом, хорошим организатором. Всю свою жизненную силу, энергию и опыт Николай Егорович отдавал родному вузу, факультету. Он отличался большой человечностью, готовностью внимательно выслушать каждого, вникнуть в суть проблемы и помочь в ее решении.

Ректорат, коллектив математического факультета уважали и ценили его деловые и личностные качества, сочетание жизненного опыта с огромной энергией и трудолюбием, мудростью и уважительным отношением к людям. Его любили и уважали студенты, преподаватели, сотрудники факультета и университета.

Добрая память об этом человеке надолго сохранится в наших сердцах.

**Ректорат,
профсоюзный комитет,
коллектив математического факультета**

Рэфераты

УДК 111

Табачков А.С. Историчность событийного бытия // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 3–7.

Гипотеза, лежащая в основе данной статьи, может быть кратко представлена следующим образом: проективная мысль замысла исторического действия – это мысль бытийная, несущая в себе возможную будущую ситуацию, возможную судьбу большей или меньшей области сущего. Мысль замысла является, по сути, элементом самого бытия, пусть и находящимся еще в модальности возможного, в модальности вступающего в мир и еще не определенного/определившегося до конца бытия сущего. Анализ мыслимого замысла, трактуемого автором как паратеоретический паттерн неспонтанного интенционального действия, дает возможность толковать исторические события как бытийные узлы интегральной со- и контр-реализации паратеоретических паттернов неспонтанных интенциональных действий. И хотя их формирование всегда контаминировано случайностями, эксцессами проявления воли и ошибками, именно в них различные паратеоретические паттерны действий соединяются в многомерную конструкцию идеальной такой сложности и такой продуманности, что она может уже служить смысловой основой реальности, может быть формой полноценной событийной реализации идеального в объективную историческую реальность.

Библиогр. – 2 назв.

УДК 392.3(476)

Калачова І.І. Традыцыі міжпакаленных адносін у сучасных гарадскіх сем'ях беларусаў // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 7–11.

Сям'я – важнейшы сацыяльна-культурны інстытут беларускага грамадства, яго базавая структура. Сям'я беларусаў як карэннага этнасу з'яўляецца асновай дынамічнага грамадскага развіцця, таму пазітыўнае развіццё этнакультурных працэсаў, якія адбываюцца ў ёй, – значны фактар захаванасці стабільнасці і ўстойлівасці ў грамадстве. Жыццядзейнасць сучаснай сям'і беларусаў адбываецца на фоне змяненняў яе ўкладу жыцця, які працякае ва ўмовах горада. На прыкладзе вывучэння традыцый матэрыяльнай дапамогі і маральнай падтрымкі бацькамі дзяцей і дзецьмі бацькоў даследавана мадэль міжпакаленнай трансмісіі ведаў, выяўлены адметнасці яе бытавання ў залежнасці ад тыпу сям'і і горада, а таксама адукацый рэспандэнтаў.

Бібліягр. – 10 назв.

УДК 341.3

Самович А.Л. Турецкие военнопленные 1877–1878 гг. в Витебской губернии // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 12–16.

Рассматривается один из малоизученных сюжетов отечественной истории – пребывание на территории Витебской губернии турецких военнопленных русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Работа базируется на широкой источниковой базе, что позволило затронуть различный круг вопросов, связанных с размещением, содержанием и возвращением турок на родину. В научный оборот введены ранее не опубликованные архивные документы и материалы.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 947.6(091)

Зыбин С.Ю. Первая Всебелорусская молочная выставка 1925 г. в г. Минске: новые архивные материалы // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 16–22.

Объектом исследования является 1-я Всебелорусская молочная выставка 1925 г. Автор приходит к выводу, что она имела большое значение для большевистского руководства. Учитывая опыт участия во Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке 1923 г. в Москве, а также проведение районных выставок в Беларуси в 1924 г., руководство БССР окончательно определилось с местом выставок в экономической жизни республики. В условиях проведения нэпа выставки становятся эффективным средством показа достижений экономики БССР, а также агитационно-пропагандистской площадкой советской власти.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 947.6«1991–2004»(043)

Юрчак Д.В. Белорусско-украинские отношения в 1991–2004 годах: успехи и противоречия // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 22–26.

Работа посвящена актуальным вопросам политического и экономического сотрудничества Республики Беларусь и Украины в период с 1991 по 2004 г. Рассматриваются особенности перехода двух государств от межреспубликанских отношений к межгосударственным; подчеркивается, что страны сумели наладить постоянный политический диалог, заложить прочный договорно-правовой фундамент; сконцентрировать основное внимание на торгово-экономических связях,

так как именно восстановление прежних хозяйственных контактов стало приоритетным для руководства двух стран. Отдельно рассматриваются имеющиеся противоречия и определяется их роль в двустороннем сотрудничестве. Делается вывод о том, что Республика Беларусь и Украина в рассматриваемый период полностью смогли перевести свои отношения на межгосударственный уровень и наладить тесные связи в различных областях, и, несмотря на ряд имеющихся разногласий и противоречий, сотрудничество двух стран развивалось весьма успешно.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 378.16:80

Бобылева Л.И. Воспитательный аспект межкультурного подхода в обучении иностранным языкам // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 27–32.

Современный социальный заказ общества требует от человека умений строить взаимовыгодный диалог со всеми субъектами лингвоэтносообществ. Важную роль в этом играет язык, выступающий тем самым инструментом, с помощью которого осуществляется межкультурная коммуникация с представителями различных конфессий, культур и стран. Анализ различных определений культуры и ее взаимосвязей с языком и личностью показал, что человек признается и субъектом, и объектом культуры. Язык – это результат культурного развития людей, часть культуры, ее носитель, условие ее дальнейшего развития и средство ее познания. Отсюда совершенно очевидна переориентация лингводидактических и методических исследований на вопросы межкультурной коммуникации в целом и проблемы воспитания и организации учебного процесса в контексте новой межкультурной парадигмы языкового образования в частности.

Дается характеристика межкультурного подхода в обучении иностранным языкам, рассматриваются принципы, содержание, условия реализации воспитательных целей в контексте социокультурного языкового образования.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 376(091)

Савицкая Т.В. Становление и развитие учебно-методического обеспечения национальной системы специального образования // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 32–37.

Рассматриваются актуальные вопросы развития системы специального образования в условиях трансформации современного общества, этапы развития учебно-методического обеспечения национальной системы специального образования. Анализируются особенности разрабатываемых и издаваемых белорусскими авторами учебников и учебных пособий, отражающие их качественный уровень.

Отмечается постоянное внимание, уделяемое правительством Республики Беларусь изданию учебной литературы для системы специального образования, а также поддержке семей, воспитывающих детей с особенностями психофизического развития. Очерчены перспективные направления развития современного национального учебно-методического обеспечения.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 7.02(07)

Сенько Д.С. Особенности организации и проведения учебных занятий по композиции // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 37–42.

Возрастающий интерес к проблемам преподавания композиции активизирует поиски преподавателей в направлении оптимизации учебного процесса, создания такой системы планирования, организации и проведения учебных занятий, при которой можно было бы добиться максимального обучающего эффекта при сохранении высокой учебно-творческой активности студентов, повышении заинтересованности в качественных результатах собственного труда без эмоционально-интеллектуальных перегрузок.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 796,5

Васильков П.С. Взаимосвязь силовой выносливости с техникой спортивной борьбы // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 42–47.

Представленная статья посвящена изучению средств и методов воспитания силовой выносливости различных мышечных групп у спортсменов-борцов и ее взаимосвязи с техникой спортивной борьбы. Экспериментальным путем доказано, что целенаправленное развитие мышечных групп, которые принимают участие в выполнении технических действий, способствует улучшению спортивного результата.

Табл. – 1. Библиогр. – 3 назв.

УДК 808.26-5+809.27-5

Несцяровіч В.І. Транслітарацыя беларускіх тэкстаў, напісаных арабскім пісьмом // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 48–53.

Карэктуюцца падыход аўтара да праблемы аб выкарыстанні элементаў фанетычнай транскрыпцыі пры транслітарацыі арабскаалфавітных рукапісаў XVII–XIX стст., прапануюцца найбольш агульныя правілы прымянення такой мадыфікаванай сістэмы і транслітараваныя ўрыўкі з кітаба XIX ст. Робіцца заключэнне аб тым, што транслітарацыя з элементамі фанетычнай транскрыпцыі дае дадатковую магчымасць «прасвечвання» гукавой асновы тагачаснай беларускай мовы. Разглядаецца магчымасць прымянення як пашыранай, так і спрошчанай сістэм транслітарацыі, заснаваных на кірыліцы і лацініцы. Звяртаецца ўвага на выкарыстанне рознымі аўтарамі пашыранай сістэмы транслітарацыі на аснове лацінскага пісьма, адзначаюцца розыходжанні ўнутры гэтай сістэмы, абгрунтоўваецца думка аб раўнапраўных магчымасцях прымянення кірыліцы і/або лацініцы пры канверсацыі арабскаалфавітных манускрыптаў; наадварот, прапанова аб храналагічным развядзенні рознаграфічных транслітарацыйных сістэм адхіляецца. Праводзіцца думка аб тым, што выкарыстанне элементаў фанетычнай транскрыпцыі пры транслітараванні значна спрашчае апублікаванне арыгінальных тэкстаў з кітабаў, паколькі адпадае патрэба ў падачы ўмоўных абазначэнняў у кожнай публікацыі.

Табл. – 1. Бібліягр. – 7 назв.

УДК 801.7

Куліева О.Н. Специфика и типы диалогических отношений в драматургических произведениях // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 53–58.

Предпринята попытка систематизации диалогических отношений. Основным критерием классификации является хронотоп, под которым понимается единство пространственных и временных координат коммуникантов. В результате анализа автор приходит к выводу, что все диалогические отношения можно разделить на две группы: *намеренные* и *ненамеренные*. *Намеренные диалогические отношения* – это такие отношения, при которых происходит прямой контакт между говорящими, вступающими в общение специально, намеренно и с определенными коммуникативными целями и задачами. В группе намеренных диалогических отношений автором выделяются *реальные* и *нулевые*.

Особой формой диалогичности являются *ненамеренные диалогические отношения*, при которых не существует прямого и непосредственного контакта между говорящими и не ставится задача решения какой-либо коммуникативной цели. Порождать такого рода отношения может общность проблемы или любая смысловая соотнесенность (хотя бы частичная), при этом совсем нет необходимости для коммуникантов находиться в одном хронотопе, так как если любые высказывания в речевом общении сопоставляемы в смысловой плоскости, то они неминуемо вступают между собой в диалогические отношения. Среди ненамеренных диалогических отношений автор условно выделяет *пространственные* и *текстовые*.

В качестве примеров приводятся тексты диалогов из пьес А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Булгакова.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 811.161.3'38

Пісарэнка А.М. Лінгвастылістычны аналіз сродкаў стварэння слоўнай экспрэсіі ў кантэксце сучаснай паэзіі // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 58–64.

Мове паэзіі, як вядома, найбольш уласцівая эмацыйнае адлюстраванне з'яў рэчаіснасці, разнастайных паняццяў, больш складаных і нечаканых аўтарскіх асацыяцый. Менавіта пагэтану пры лінгвастылістычным аналізе паэтычных твораў асабліва ўвага павінна надавацца кожнаму слову, яго сэнсава-гукавому напаміненню, кожнаму радку, кожнай страфе. Паэтычныя вобразы ствараюцца дзякуючы фанетычным і граматычным сродкам мовы ў выніку індывідуальна-аўтарскага бачання свету.

Аднак нягледзячы на ўмоўнасць вершаванай мовы, яна павінна быць па-мастацку дакладнай, лагічнай. Названыя камунікатыўныя якасці часам парушаюцца ў выніку супрацьпастаўлення зместу твора рэчаіснасці, у выніку двухсэнсоўнасці вобразнага слова, а таксама змяшэння стыляў.

Паэтычная мова павінна быць дасканалай, бо павінна выконваць, як і мова пражыццёвая, і драматургічная, камунікатыўную і эстэтычную функцыі.

Бібліягр. – 4 назв.

УДК 80:004.3

Ляховская А.А. Чат как жанр интернет-дискурса // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 65–69.

Целью данной статьи является рассмотрение основных признаков интернет-дискурса и установление специфики их проявления в синхронном чате как одном из его жанров. Объектом наблюдения и анализа стали наиболее посещаемые чаты белорусских порталов. Чат как жанровая разновидность интернет-дискурса представляет собой гипертекстовое образование элек-

тронной коммуникации, которое находится в постоянной динамике и реализовано совокупностью взаимозависимых веб-страниц. Чат понимается и как форма языкового общения в интернет-дискурсе – это специфический свободный полилог. Чат-коммуникация гибридна, поскольку отличается письменной формой реализации, но строится по принципам устной разговорной речи. Жанр чата характеризуется высокой динамичностью, коммуникативной установкой на фатическую и творческую функции, карнавальной персонифицированностью, полилогичными и разно-темными ситуациями общения.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 821.161.3-1.09

Русецкі А.У., Русецкі Ю.А. Жураўліным лётам «у сінязорны край» (да 100-годдзя паэта Алеся Дубровіча) // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 70–80.

Даследуюцца жыццё і творчая дзейнасць малавядомага беларускага паэта Алеся Дубровіча, актыўнага змагаара супраць рэжыму буржуазнай Польшчы, аднаго з арганізатараў «Літаратурнага фронту сялянска-рабочых пісьменнікаў Заходняй Беларусі» (1933) і аўтара «Дэкларацыі групы паэтаў да ўсіх пісьменнікаў Заходняй Беларусі» (1934).

Пасаджаны па рашэнні польскага суда ў сумна вядомую Лукішскую турму ў Вільнюсе, паэт актыўна займаўся літаратурнай творчасцю, удзельнічаў у выданні рукапіснага турэмнага часопіса «Краты».

Невялікая творчая спадчына А. Дубровіча дазваляе зрабіць вывад, што яго паэтычнае слова, якое аб'ядноўвала публіцыстычнае напружанне з мяккім лірызмам, несла чытачу мару і веру ў светлае жыццё ва ўз'яднанай Савецкай Беларусі.

Бібліягр. – 12 назв.

УДК 882.6-1«20»(043.3)

Лапацінская В.В. Зборнік А. Сербантовіча «Пярсцёнак»: ідэйна-мастацкі аналіз // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 80–85.

Артыкул прысвечаны ідэйна-мастацкаму аналізу зборніка «Пярсцёнак» Анатоля Сербантовіча, паэта-шасцідзсятніка. У першую чаргу, у кнізе вылучаюцца творы, абноўленыя сучасным поглядам на праблему паэта і паэзіі. Вершы філасофскай тэматыкі займаюць большае месца ў агульнай структуры «Пярсцёнка» параўнальна з папярэднімі зборнікамі, што сведчыць пра сталасць паэзіі А. Сербантовіча. Ад агульнага захаплення рэчаіснасцю, яе ідэалізацыі А. Сербантовіч пераходзіць на філасофскі ўзровень яе ўспрыняцця. Творчасць мастака слова як цэласная мастацкая сістэма стала адбіткам свайго часу.

Бібліягр. – 13 назв.

УДК 82.0(091)

Бароўка В.Ю. Народазнаўчы матэрыял у літаратурным творы: перспектывы далейшага навуковага асэнсавання // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 86–91.

Аналізуецца сучасны стан вывучэння народазнаўчага матэрыялу ў змесце і структуры літаратурных твораў. Адзначаецца, што мастацкае народазнаўства ў літаратуры прадстае ў адзінстве трох узаемазвязаных бакоў: пазнавальна-рэфератыўнага, эстэтычна-крэатыўнага, камунікатыўна-рэцэптыўнага. Сцвярджаецца, што ў сацыякультурных умовах пачатку XXI стагоддзя пад уплывам інтэнсіўных культурных і эканамічных сувязей паміж народамі, працэсаў глабалізацыі актуалізуецца даследаванне пазнавальна-рэфератыўнага боку этнаграфічнага матэрыялу ў мастацкіх творах і істотна ўзрастае роля навуковага асэнсавання камунікатыўна-рэцэптыўнага боку народазнаўчага матэрыялу.

Бібліягр. – 7 назв.

УДК 78.03(4)

Мдивани Т.Г. Новая неклассическая (расширенная) рациональность – парадигма Новейшей музыки // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 92–98.

Впервые рассматриваются сферы действия новых типов рациональности в музыке эпохи постмодернизма: неклассическая и новая неклассическая (расширенная). Для объяснения явления музыкального авангарда привлекается синергетическая методология, которая, апеллируя к неклассической парадигме рациональности, дает возможность раскрыть сущность и специфику творения композиторов Нового и Новейшего времени.

Цель – дать характеристику неклассических типов рациональности на примере авангардной музыки, задачи – выявить принципы неклассических типов рациональности и охарактеризовать их действие в авангардной композиторской практике. Актуальность – раскрытие принципов неклассических типов рациональности на примере европейской музыки эпохи постмодернизма важно, так как позволяет понять важнейшие аспекты авангардного композиторского творчества и установить его роль в эволюции мировых художественных процессов.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 785.03(510)

Пэй Хан. Пентатоника как проявление национального музыкального мышления // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 98–102.

Характеризуются особенности традиционного музыкального лада китайского народа – пентатоники. Раскрывается структура лада в его разнообразии проявлений в культуре национальных меньшинств определенных районов Китая. Показывается смысловое, вербальное и цветное значение ладов в их компаративном единстве.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 78(476)(091)

Смыкоўская І.І. Творчае развіццё манадыйнай знаменнай традыцыі ў Супрасльскім ноталінейным ірмалоі 1598–1601 гадоў // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 103–108.

Артыкул прысвечаны праблеме захаванасці манадыйнай знаменнай традыцыі ў беларускіх ірмалох XVII стагоддзя. На матэрыяле ноталінейнага тэксту 15 антыфонаў службы «Святых Страстей», які запісаны ў Супрасльскім ірмалоі 1598–1601 гг., даецца характарыстыка мастацкай вобразнасці песнапенняў, працэсу фарміравання музычнага кампанента чынапааследавання – цыкла антыфонаў – на працягу XV–XVI стагоддзяў, выяўляюцца асаблівасці кампазіцыі, нотаграфікі. Тэксталагічна-палеаграфічнае і кампазіцыйна-структурнае даследаванне дазволіла акрэсліць спецыфічныя рысы знаменнага распеву ў ноталінейнай рэдакцыі. Супрасльскі спіс яскрава дэманструе захаванне і творчае развіццё старажытнарускага аднагалосага спеву ў Дабравешчанскім манастыры на вышэйшым, і апошнім, этапе. Крукавая і руска-кіеўская натацыі былі сутнасна рознымі, што стала прычынай эвалюцыі знаменнай традыцыі, яе росквіту і заняпаду ў прышласці.

Рыс. – 3. Бібліягр. – 10 назв.

УДК 512.542

Княгина В.Н., Монахов В.С. О существовании π -холловых подгрупп в конечных группах // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 109–112.

Доказывается существование π' -холловой подгруппы в конечной группе при условии, что ее π -холлова подгруппа перестановочна с некоторыми подгруппами Шмидта.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 512.542

Шпак В.В. Классы Фиттинга, определяемые произведениями холловых подгрупп и радикалов // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 113–120.

В данной работе подтверждена гипотеза Локетта для обобщенно наследственных классов Фиттинга. В частности, установлено, что если F – ω -локальный класс Фиттинга и H – HR -замкнутый класс Фиттинга, то пара (F, H) является L -парой.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 521.1

Трубникова А.Ю., Трубников Ю.В. Аппроксимативный метод в теории невозмущенного кеплеровского движения // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 121–127.

Разработан аппроксимативный метод исследования дифференциального уравнения для радиальной составляющей невозмущенного кеплеровского движения, основанный на аппроксимации в равномерной метрике функций r^{-2} , r^{-3} , присутствующих в этом уравнении.

Основным результатом статьи является

Теорема. Пусть тело массы m (выраженной в долях солнечной массы) обращается вокруг Солнца по эллиптической орбите с большой полуосью a , тогда приближенная зависимость $r(t)$ (полученная с применением аппроксимации в равномерной метрике функций r^{-2} , r^{-3}) расстояния тела до Солнца, использующая результаты двух наблюдений $r(t_0)$ и $r(t_1)$, имеет вид:

$$r(t) = \left[r(t_0) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t_1 - t)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \left[r(t_1) - \frac{b}{\omega^2} \right] \frac{\sin \omega(t - t_0)}{\sin \omega(t_1 - t_0)} + \frac{b}{\omega^2},$$

где

$$\frac{b}{\omega^2} = a \left[\frac{1 + 3e^2}{2(1 + e^2)} + \frac{2}{3} \cdot \frac{3^{1/4} (3 + e^2)^{3/4} (1 - e^2)^{3/4}}{1 + e^2} - \frac{3(1 - e^2)^{2/3}}{2(1 + e^2)} \right],$$

e – эксцентриситет эллиптической орбиты,

$$\omega^2 = \frac{k^2(1+m)(1+e^2)}{a^3(1-e^2)^2},$$

$k^2 = 2,959122083 \cdot 10^{-4} (1 a.e.)^3 \text{ см}^{-2}$; t – время, выраженное в сутках.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 621.385.6:537.87

Бохан Ю.И. Технологическое применение СВЧ полей для обработки материалов // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 127–132.

Представлен краткий обзор технологического применения СВЧ полей для обработки материалов. Области применения разделяются по температурам обработки от - 30 до +1500°C. Анализируются возможные методы и способы обработки органических веществ, керамических материалов. Рассмотрены физические механизмы воздействия СВЧ полей на различные материалы.

Рис. – 4. Библиогр. – 12 назв.

УДК 621.793:669.018

Яснов В.В., Юркевич С.Н., Аршинов К.И., Сарасеко М.Н. Композиционные покрытия керамика/металл с повышенными прочностными характеристиками // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 133–136.

Методом химического осаждения проведено плакирование керамического оксида алюминия медью, кобальтом и никелем. Из полученных композиционных порошков керамика/металл газодинамическим напылением сформированы двухслойные композиционные покрытия. Исследованы структура и микротвердость покрытий. Показано, что керамический порошок оксида алюминия, плакированный медью, образует при газодинамическом напылении покрытие, микротвердость которого выше, чем у стали. Разработанные композиции керамика/металл могут использоваться для создания покрытий, увеличивающих срок службы деталей и инструментов.

Рис. – 2. Библиогр. – 5 назв.

УДК 582.711.71

Вогулкин К.Э., Вогулкина Н.В., Шандрикова Л.Н., Яковлев А.П. Динамика фенольных соединений морошки приземистой (*Rubus Chamomorus* L.) в онтогенезе // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 137–140.

Установлено, что около 70% суммы биофлавоноидов вегетативной массы растений приходится на долю более окисленных соединений – флавонолов. Остальные 20–30% составляют катехины и лишь небольшая часть приходится на антоциановые пигменты. Наиболее высоким содержанием биологически активных веществ характеризовались листья. В условиях Белорусского Поозерья по степени накопления фенолкарбоновых кислот морошка приземистая уступает клюкве крупноплодной. Полученные данные указывают, что содержание Р-активных веществ в вегетативной массе морошки на порядок превосходит аналогичные показатели в ягодах. По результатам анализов, морошку приземистую в условиях Беларуси нужно отнести к растениям с умеренным накоплением биофлавоноидов.

Табл. – 2. Библиогр. – 9 назв.

УДК 595.78

Седловская С.М. Особенности роста и развития гусениц китайского дубового шелкопряда (*Antheraea Pernyi* G.-M.) под воздействием 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина // Веснік ВДУ, 2009, № 1(51). – С. 140–146.

В последнее время разрабатывается обширное научное направление по изучению влияния регуляторов роста на различные стороны обмена веществ животных. Одной из важнейших сторон этого направления является управление численностью насекомых-вредителей с помощью экологически безопасных химических соединений. В работе представлены сведения о воздействии агониста экдистероидов из группы гидразинов 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина на процессы жизнедеятельности гусениц китайского дубового шелкопряда. В результате исследований установлено, что данный агонист экдистероидов в концентрации 0,1% обладает инсектицидной активностью по отношению к гусеницам китайского дубового шелкопряда, которая выражается в достоверном увеличении смертности – на 27% по сравнению с контролем (дуб), на 41% – береза, а также приводит к замедлению развития в опытах: на дубе на 9 суток позже, на березе – на 5 суток по сравнению с контролем. В случае с дубом воздействие 1,2-бис-(3-метоксибензоил)-1-трет-бутилгидразина на гусениц ослабляется, в случае с березой – усиливается.

Рис. – 3. Табл. – 1. Библиогр. – 12 назв.

УДК 619:616.99:636.57

Субботин А.М. Анализ структуры гельминтоценоза енотовидной собаки (*Nyctereutes Procyonoides*) на территории Беларуси // *Вестник ВДУ*, 2009, № 1(51). – С. 147–151.

Представители семейства хищных в гельминтологическом плане представляют огромный интерес для биологов, медиков и ветеринаров, так как большинство из гельминтов не только влияют на развитие популяций хищников и жизнедеятельность конкретных организмов, но и паразитируют на разных стадиях своего развития, у диких копытных, сельскохозяйственных животных и человека. У енотовидной собаки в Беларуси нами было обнаружено 20 видов гельминтов. Наиболее распространенными гельминтозами енотовидных собак в Беларуси являются: аляриоз (80,56%), спарганоз (25%), томинксоз (19,44%) и трихинеллез (40,28%). Редко встречаются у собак в республике эупарифиоз (1,39%), молинеоз (2,78%), токсаскароз (4,17%) и макроканторинхоз (2,28%). *Taenia crassiceps* у енотовидной собаки на территории Беларуси нами был зарегистрирован впервые. Все зарегистрированные виды гельминтов могут паразитировать не только у енотовидной собаки, но и у сельскохозяйственных животных и человека, тем самым имея большое эпизоотологическое и эпидемиологическое значение.

Табл. – 2. Библиогр. – 12 назв.

УДК 330.101

Ключников А.А., Ключников А.С. Макро- и микрокомпоненты бизнес-плана предприятия // *Вестник ВДУ*, 2009, № 1(51). – С. 152–156.

Анализируется роль внешних и внутренних факторов на этапе бизнес-планирования создаваемого предприятия. Предлагается учитывать не только маркетинговые исследования, но и законодательную базу, уровень социального развития общества и экологического состояния среды его предлагаемого функционирования.

Ориентировано на начинающих предпринимателей и менеджеров преимущественно стратегического и исполнительного уровней. Может использоваться в качестве руководства к долгосрочному планированию развития предприятия с целью избежания кризиса перепроизводства и учета изменений налогового законодательства.

Рис. – 2. Библиогр. – 2 назв.

УДК 796.02

Трущенко В.В. Новые спортивные тренажеры для совершенствования двигательных способностей студентов // *Вестник ВДУ*, 2009, № 1(51). – С. 157–159.

В работе представлены: разработанное тренажерное устройство, позволяющее повысить эффективность скоростно-силовой тренировки мышц нижней части туловища человека за счет дозирования физической нагрузки в зависимости от уровня физической подготовленности тренирующегося, а также расширяющее функциональные возможности, повышающее моторную плотность занятия за счет одновременной тренировки нескольких человек; усовершенствованная гимнастическая лестница, позволяющая повысить эффективность выполнения упражнений для тренировки различных мышечных групп и осуществлять коррекцию деформации позвоночного столба человека; а также модифицированная спортивная гиря, в которой ручка для держания выполнена подвижно с возможностью горизонтального осевого вращения, что ведет к снижению травматизма и повышает эффективность выполняемых упражнений за счет увеличения их количества.

Рис. – 3. Библиогр. – 2 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Аршынаў Канстанцін Іванавіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, загадчык лабараторыі фізікі дыэлектрыкаў Інстытута тэхнічнай акустыкі НАН Беларусі
Бароўка Ванда Юльянаўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Бобылева Ліана Іванаўна	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскай мовы ВДУ імя П.М. Машэрава
Бохан Юрый Іванавіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт, дэкан фізічнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Вагулкін Канстанцін Эдуардавіч	– аспірант кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Вагулкіна Наталля Валер’еўна	– выкладчык кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Васількоў Пётр Сяргеевіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры фізічнага выхавання і спорту ВДАВМ
Зыбін Сяргей Юр’евіч	– старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Калачова Ірына Іванаўна	– дактарант аддзела народнай культуры і мастацтва Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі
Ключнікаў Аляксандр Аляксандравіч	– аспірант кафедры эканомікі Змінскага ўніверсітэта, дырэктар вучэбнага цэнтра «Go study» (Рэспубліка Чэхія)
Ключнікаў Аляксандр Сяргеевіч	– доктар тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры інжынернай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Княгіна Вікторыя Мікалаеўна	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, дацэнт кафедры прыродазнаўчых навук Гомельскага інжынернага інстытута МНС Рэспублікі Беларусь
Куліева Вольга Мікалаеўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры замежных моў ВДУ імя П.М. Машэрава
Лапацінская Вольга Віктараўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Ляхоўская Александрына Аляксандраўна	– аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Манахаў Віктар Сцяпанавіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры алгебры і геаметрыі ГДУ імя Ф. Скарыны
Мдзівані Таццяна Герасімаўна	– доктар мастацтвазнаўства, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі
Мезенка Ганна Міхайлаўна	– доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
Несяровіч Віктар Іванавіч	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дэкан факультэта беларускай філалогіі і культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Пісарэнка Алена Міхайлаўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай філалогіі і сусветнай літаратуры БДУ культуры і мастацтваў

Пэй Хан	– аспірант кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры БДУ культуры і мастацтваў
Русецкі Аркадзій Уладзіміравіч	– доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар ВДУ імя П.М. Машэрава
Русецкі Юрый Аркадзьевіч	– кандыдат гістарычных навук, дырэктар ІПК і ПК ВДУ імя П.М. Машэрава
Савіцкая Таццяна Вітальеўна	– выкладчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
Самовіч Аляксандр Леанідавіч	– кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ваеннай стратэгіі Ваеннай акадэміі Рэспублікі Беларусь
Сарасека Марыя Мікалаеўна	– кандыдат тэхнічных навук, вучоны сакратар Інстытута тэхнічнай акустыкі НАН Беларусі
Смыкоўская Ірына Іванаўна	– старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Субоцін Аляксандр Міхайлавіч	– кандыдат ветэрынарных навук, дацэнт кафедры заалогіі ВДАВМ
Сядлоўская Святлана Міхайлаўна	– выкладчык кафедры заалогіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Сянько Дзмітрый Сцяпанавіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры выяўленчага мастацтва ВДУ імя П.М. Машэрава
Табачкоў Аляксандр Сяргеевіч	– кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трубікава Анастасія Юр’еўна	– магістрант кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трубікаў Юрый Валянцінавіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Трушчанка Уладзімір Васільевіч	– дацэнт кафедры фізічнага выхавання і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
Шандрыкава Людміла Мікалаеўна	– кандыдат біялагічных навук, дацэнт кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Шпакаў Вячаслаў Уладзіміравіч	– аспірант кафедры алгебры і методыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
Юркевіч Сяргей Мікалаевіч	– начальнік бюро неразбуральнага кантролю РУПП «558 АРЗ»
Юрчак Дзяніс Валер’евіч	– старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
Якаўлеў Аляксандр Паўлавіч	– кандыдат біялагічных навук, вядучы навуковы супрацоўнік ЦБС НАН Беларусі
Ясноў Віктар Уладзіміравіч	– навуковы супрацоўнік Інстытута тэхнічнай акустыкі НАН Беларусі

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстанага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не менш за 0,35 аўтарскага аркуша (14000 друкаваных знакаў, з прабеламі паміж словамі, знакамі прыпынку, лічбамі і інш.), надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасялаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (100–150 слоў), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдкалегіі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдкалегіі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдкалегіяй. Датой паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Спіс цытаваных крыніц афармляецца па тых жа правілах, што і ў тэксце дысертацыі. Спіс размяшчаецца ў канцы тэксту, спасылкі нумаруюцца згодна з парадкам цытавання ў тэксце. Парадкавыя нумары спасылак павінны быць напісаны ў квадратных дужках (напрыклад, [1], [2]).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Size. not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. The list of sources is marked the same way as in the treatise. It is placed at the end of the text; references are indicated in the succession they appear in the text. The ordinal reference numbers are to be given in square brackets (e.g. [1]).

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (100–150 words), summary in English (2–3 sentences; the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.